

Ховард Зер

Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание

Howard Zehr
Changing Lenses
A NEW FOCUS FOR CRIME AND JUSTICE
A Cristian Peace Shelf Selection
HERALD PRESS
Scottdale, Pennsylvania
Waterloo, Ontario

Ховард Зер
Восстановительное правосудие
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Перевод с английского
Общая редакция
кандидата психологических наук
Л. М. Карнозовой
Комментарии
Л. М. Карнозовой
и С. А. Пашина
Москва
Центр «Судебно-правая реформа»
2002

УДК 343
ББК 67.408
3 57

Издание осуществлено
Центром «Судебно-правовая реформа»
при содействии
«Mennonite Cetntral Committee»
Перевод сделан по разрешению **Herald Press,**
Scottdale Pennsylvania, 15683 USA
Руководство изданием – М. Г. Флямер, С. Ширк
Научный консультант – кандидат юридических наук С. А. Пашин
Перевод – М. М. Стерник, Е. В. Топникова
Перевод авторских примечаний – М. И. Либоракина

Зер Х.

Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ./Общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментар. Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.

Исследование Ховарда Зера – систематическое изложение концепции и программы восстановительного правосудия в уголовной юстиции и опыта из реализации. Живой язык автора, глубокие обобщения и эффективное использование гуманитарного подхода к проблемам уголовного правосудия - все это привлечет внимание не только правоведов и практических работников правосудия, но и философов, историков, социальных работников, психологов, социологов, общественных деятелей.

ISBN 0-8361-3512-2 (англ.) © Herald Press, 1990

ISBN 5-901075-13-7 (русс.) © МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002

ПСАЛОМ 102*

**Щедр и милостив Господь,
Долготерпелив и многомилостив:
Не до конца гневается,
И не вовек негодует,
И не по беззакониям нашим сотворил нам,
И не по грехам нашим воздал нам.**

*Этот и последующие комментарии российских издателей см. в разделе «Комментарии».

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие к первому изданию	7
ЧАСТЬ I	
Восприятие преступления жертвой и преступником	8
ГЛАВА 1 Предварительная зарисовка	8
История одного преступления	8
ГЛАВА 2 Жертва	10
Переживания	10
Почему преступление переживается так болезненно?	12
Процесс исцеления	13
Ответ на данную ситуацию	15
ГЛАВА 3 Преступник	17
Тюремный опыт	17
Что должно произойти?	20
Что же произойдет?	22
ГЛАВА 4 Некоторые общие темы	23
Раскаяние и прощение	23
Власть над собственной жизнью	25
Мистификация преступления	28
ЧАСТЬ II	
Парадигма правосудия	30
ГЛАВА 5 Карательное правосудие	30
Установление виновности	31
Наказание по заслугам и страдание	35
Процесс	37
Преступление как нарушение закона	38
Кто жертва?	39
ГЛАВА 6 Правосудие как парадигма	41
Важность парадигм	41
Границы карательной парадигмы	43
Смена парадигм	44
ЧАСТЬ III	
Корни и ориентиры	47
ГЛАВА 7 Общинное правосудие: историческая альтернатива	47
Общинное правосудие	48
Карательная альтернатива	49
Судебная альтернатива	50
Оценка исторических форм правосудия	51
Революция права	52
Роль канонического права	53
Победа государственного правосудия	55
Масштабы правовой революции	58
Смена парадигмы правосудия	59

ГЛАВА 8	Правосудие по завету: библейская альтернатива	62
	Что говорит Библия?	62
	<i>Шалом</i>	64
	Завет	65
	<i>Шалом</i> и завет как преобразующие силы	66
	Справедливость по завету	66
	Закон завета	69
	Библейская парадигма	71
	Историческое «короткое замыкание»	75
ГЛАВА 9	Программа Примирения Жертв и Преступников:	
	Экспериментальная площадка	78
	Идея программы VORP	79
	Чему же мы научились?	80
	Как важно правильно сформулировать цели	83
	Программа VORP в функции катализатора	84
ЧАСТЬ IV		
Новые линзы		87
ГЛАВА 10	Восстановительные линзы	87
	Преступление: насилие над людьми и отношениями	89
	Восстановление как цель правосудия	91
	Правосудие начинается с потребностей	94
	Правосудие порождает обязательства	97
	У преступников тоже есть потребности	98
	Вопрос ответственности	99
	Процесс должен давать полномочия и информацию	100
	Правосудие прибегает к ритуалам	103
	Остается ли место наказанию?	103
	Две линзы	104
ГЛАВА 11	Что же дальше?	108
	Возможные системы	108
	А тем временем	111
	Новое в рамках старого	112
	Если ничего не получится	113
Послесловие		115
Приложение 1		
	Критерий восстановительного правосудия	116
Приложение 2		
	Искажение концепции	117
Приложение 3		
	Предложения по семинарской работе	120
Приложение ко второму изданию		
	Опыт Семейных конференций и «Кругов правосудия»	131
Библиография		135
Источники дополнительной информации		136
Комментарии		137
Об авторе		141

Предисловие к русскому изданию

Современное движение за восстановительное правосудие началось с маленького ручейка, с усилий небольшой группы обычных людей, которые хотели бы помочь другим людям, ставшим жертвой современной системы правосудия. Все начиналось с кучки добровольцев, которые мечтали изменить привычный ход событий. Все начиналось с практических встреч, с поисков и экспериментов. Что касается системы идей, теории, она появилась позже, но в основе ее лежат традиции столь же древние, как и вся история человечества.

Это «направление» в правосудии проще понять в сравнении с двумя другими. И общество, сталкиваясь с нарушением закона, вынуждено выбирать, соответственно, между тремя подходами.

При неадекватном ответе общества на преступление индивид сам берет на себя задачу осуществления правосудия, и обычно - это правосудие мщения. В случае с Руандой и бывшей Югославией мы могли убедиться в том, что месть становится замкнутым кругом смерти, несовместимым с организованным обществом. Таким образом, в сегодняшнем мире мы можем опереться лишь на два других подхода.

Один из них воплощен в современной системе правосудия. Его сильная сторона заключается в том, что он основывается на правах человека и авторитете закона. Однако есть у него и существенные недостатки. Официальное уголовное правосудие ориентировано на наказание и противостояние. Оно ведет к отрицанию подлинной ответственности со стороны преступника, не принимает во внимание переживания жертвы. Оно оставляет за рамками судебного процесса жертву и общину, игнорируя их нужды. Вместо того чтобы препятствовать преступлению, система, напротив, нередко содействует ему; она, скорее растравляет, нежели лечит раны. По мнению большинства представителей «карательного правосудия» правосудие и восстановление личности - это разные и, возможно, несовместимые задачи.

Альтернативный подход к правосудию имеет куда более давнюю историю и базируется на универсальных ценностях. В соответствии с ним основная задача правосудия видится в восстановлении, акцент ставится на причиненный вред и обязательства по его возмещению. Потребности и права пострадавших оказываются в центре внимания. Преступника побуждают осознать причиненный ущерб и свою ответственность за него. Поощряется прямой или опосредованный диалог между преступником и жертвой, в котором активное участие принимает община. «Восстановительное правосудие» видит свою задачу в том, чтобы способствовать исцелению как личности, так и общества. Именно это направление в правосудии и стало предметом исследования данной книги.

В книге я стремился представить две модели правосудия: карательную («легистскую») и восстановительную - как взаимоисключающие системы. Хотя такой подход и помогает наглядно продемонстрировать различия, тем не менее, теперь я понимаю, что он слишком наивен, не реалистичен и даже не совсем честен. Сегодня я склоняюсь к тому, что правосудие должно включать элементы обеих систем, учитывая не только недостатки, но и достоинства легистской модели.

Эти два подхода являются, скорее, двумя противоположными полюсами, идеальными типами. На одном полюсе в чистом виде карательное правосудие, на другом - восстановительное. Практика правосудия отличается от идеального типа, по своим результатам она редко бывает *чисто* карательной или восстановительной. В нашей практической деятельности мы стараемся в каждом конкретном случае и в каждой общине, используя сильные стороны карательного правосудия, продвигаться как можно дальше по пути восстановления.

Я, к примеру, сторонник идеи авторитета закона и защиты прав человека, которые являются ядром карательной системы. Но в то же время я надеюсь найти способы сдвинуть, насколько это возможно, процесс правосудия по направлению к восстановительной модели.

В некоторых случаях, как, например, в новозеландской системе правосудия для несовершеннолетних, исследуются возможности построения на основе восстановительной модели всей ювенальной юстиции.

Восстановительное правосудие воплощается с помощью различных программ и практических проектов. Каждая община, каждая культура должна найти присущие именно ей формы, которые соответствовали бы ее потребностям и традициям. «Восстановительное правосудие» - отнюдь не готовая к применению тщательно разработанная схема. Это, скорее, линзы, через которые можно смотреть на мир, это точка отсчета в поиске справедливости. Эти линзы помогают увидеть истины, которые так или иначе присутствуют во всех культурах: что преступление наносит вред отдельным людям и общине в целом, что правосудие ищет пути восстановления мира и целостности в условиях совместного обитания.

В течение долгого времени восстановительное правосудие было предано забвению, как поток, ушедший под землю. Начиная с 1970-х оно вновь стало выходить на поверхность, разрастаясь в бурную реку, а сегодня широко признано правительствами и общинами, которые озабочены преступностью. Тысячи людей во всем мире способствуют расширению этого потока, добавляя к нему свой опыт и знания. Это река, как и все реки, существует благодаря множеству притоков, которые вливают в нее свои воды со всех концов света.

К таким притокам можно причислить практические программы, развернутые в европейских странах. В общий поток вливаются и разнообразные племенные традиции в их современном воплощении: Семейные конференции в Новой Зеландии и Австралии, заседания по выработке предложений по приговорам («Круги правосудия») в общинах аборигенов на севере Канады. Поток пополняется и практическими навыками по посредничеству и разрешению конфликтов, имеющими исторические корни во многих национальных культурах и религиозных традициях. Как человек, только начинающий изучать российскую историю, мне вспоминаются некоторые элементы обычного права и практики, которые тоже могли бы влиться в этот поток.

Семейные конференции и «Круги правосудия», возникшие на почве местных народных традиций, открыли нам новый аспект правосудия, задав необходимость вовлекать более широкий круг для участия в восстановительном процессе. Круг лиц, заинтересованных в осуществлении правосудия, не ограничивается преступниками и жертвами, не менее важную роль играют их семьи и общины. Возможно, исключение общины из официального правосудия стало одной из причин распада общинной жизни в мире. Как обмечает судья Барри Стюарт из Юкона, участие общины в процессе восстановительного правосудия может стать ключевым фактором ее выживания.

Ни один из приведенных примеров не следует слепо копировать в условиях иной культуры. Это, скорее, примеры того, как в разных обществах смена угла зрения, «линз», помогала найти свои собственные, приемлемые именно в данных условиях, пути восстановления справедливости после совершенного преступления. Примеры могут подсказать, с чего начать. Они свидетельствуют о том, что каждый из нас может найти способ адаптировать новые подходы к существующей правовой системе.

Книга «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» написана в США, ее автор американец, в подборке материала ориентировавшийся на аудиторию и ситуацию Северной Америки. Книга обращена к традиционным взглядам, а также предрассудкам этой аудитории. Учитывая эту особенность исследования, я все же надеюсь, что вы найдете в нем то, что покажется вам знакомым, узнаваемым в контексте вашего собственного опыта, собственных традиций. И что вы сможете донести свои мысли и свои идеи до нас, способствуя тем самым расширению нового течения.

Это приглашение присоединиться к диалогу с тем, чтобы мы могли взаимно поддерживать и обучаться друг у друга.

*Ховард Зер
апрель, 1998.*

Предисловие к первому изданию

Эта книга стала результатом многолетнего практического опыта, чтений и дискуссий. Этот труд – собирательный; в большей степени он плод синтеза, нежели самостоятельного творения: за ним практика и размышления многих людей. Я в долгу перед теми, кто оказал мне помощь в написании этой книги, их немало, и мне не хватит места, чтобы перечислить всех, но хочу выразить благодарность хотя бы некоторым...

Моему канадскому коллеге Дейву Уорту, который ободрял меня и подталкивал к завершению книги, он делился со мной многими идеями и дал много советов.

Мартину Райту, Милларду Линду, Элану Крайдеру и В.Х.Олчину, которые, прочтя рукопись, поддержали меня в дальнейшей работе и высказали немало полезных соображений.

Всем тем, чей вклад я, по возможности, отметил в этой книге. А также тем, о чьей помощи мне трудно упомянуть конкретно из-за ее общего характера. И особенно Нильсу Кристи и Герману Бианки, чьи работы и обсуждения с которыми помогли мне наметить направление моего исследования.

Участникам конференций и семинаров в Соединенных Штатах, Канаде и Англии, которые воспринимали эти идеи и в течение последних нескольких лет проверяли их на практике.

Сотням людей, ставшим участниками движения VORP – в США, Канаде, Англии и других странах – чья убежденность и чей пример придали мне смелости и снабдили жизненным материалом.

Менонитскому Центральному Комитету США, который поощрил мои начинания и предоставил возможность развить мои идеи и переложить их на бумагу.

Джону Хардингу и Хемпширской Службе Пробации, которые пригласили меня в Англию, оказали гостеприимство и во время моего пребывания там предоставили помещение для работы над рукописью.

Дорис Руп, создавшей мне условия для работы в спокойной обстановке за пределами офиса.

Многие помогли мне в написании этой книги. Однако хочу оговориться, что беру на себя всю ответственность за ее содержание, которое вовсе не обязательно отражает взгляды Меннонитского Центрального Комитета или тех, кого я здесь перечислил.

Ховард Зер

ЧАСТЬ I

Восприятие преступления жертвой и преступником

ГЛАВА 1

Предварительная зарисовка

Эта книга – о принципах и идеалах. В ней я постарался, насколько это возможно, описать и проанализировать некоторые из господствующих представлений о преступлении, правосудии и справедливости, о нашей совместной жизни. Я попытался кратко очертить историю этих представлений и предложить некоторые альтернативы.

Подобный труд предполагает наличие теоретических рассуждений, но не может ограничиться только ими. Мы должны начать с изучения реального опыта преступления и правосудия и проанализировать его как можно глубже. Только исходя из реальности, мы сможем понять, что мы делаем, почему делаем именно так и что можем делать иначе.

Но понять переживания, порожденные преступлением, не так легко, мало кто добровольно решится на это. Когда мы непосредственно встаем перед вопросом, что это значит – совершить насилие или стать его жертвой – мы испытываем сильное волнение, которое не хотелось бы в себе пробуждать. Если мы не были вовлечены в преступление, не прожили его сами, нам трудно до конца постичь этот опыт. И тем не менее, мы должны попробовать, даже если и понимаем заранее, что попытка будет неполной и, возможно, болезненной.

С этого и начнем нашу книгу.

История одного преступления

Несколько лет назад я сидел возле семнадцатилетнего подсудимого в зале суда маленького американского городка. Моему коллеге и мне было поручено подготовить для суда предложения о наказании. И вот мы сидим в ожидании приговора судьи*.

События, которые привели к этому моменту, представляют собой грустную историю. Этот молодой человек (ему тогда было еще 16 лет) в темном подъезде напал с ножом на женщину. В последовавшем столкновении она потеряла глаз. И теперь решается его судьба.

Хотя и трудно ручаться за все детали, но то, что было раскрыто в ходе судебного следствия, выглядит приблизительно следующим образом. Молодой человек, происходивший из неблагополучной семьи, в которой, видимо, царили нездоровые отношения, решил сбежать из дома вместе со своей подружкой; препятствием было только отсутствие денег. До описываемых событий он ни разу не был замечен в случаях насильственного нападения. Но, видимо, телевидение убедило его, что достаточно только кому-нибудь пригрозить, чтобы получить достаточно денег, и тогда его проблема будет решена.

Выбирая жертву, он вспомнил о молодой женщине, с которой иногда сталкивался в городе. Несколько раз он пытался заговорить с ней, но всякий раз был отвергнут. Так как она оставила у него впечатление женщины состоятельной, этот выбор казался вполне логичным.

Он спрятался в подъезде рядом с ее квартирой с ножом в руке и маской на лице. (Позже он утверждал, что специально выбрал маленький нож.) Когда она вошла, он напал на нее со спины. Но вместо того, чтобы, как он того ожидал, послушно протянуть ему деньги, девушка начала паниковать – как большинство из нас в подобной ситуации – стала кричать и

сопротивляться. Впоследствии мать юноши сказала, что он всегда терял над собой контроль, если на него повышали голос. Возможно, этим объясняется его последующее поведение: после того, как девушка начала сопротивляться, он тоже поддался панике и нанес ей несколько ударов ножом, ранив в глаз.

Вместе они вошли в квартиру. Но здесь их истории расходятся: юноша утверждает, что пытался помочь девушке и она содействовала ему в этом, она же говорит, что он насильно удерживал ее. Как показали свидетели, в момент ареста он повторял: «Я не хотел этого, я не хотел этого. Я не хотел никому причинить вреда. Скажите ей, что я очень сожалею об этом». Он был задержан, когда они выходили из квартиры. Он был признан виновным и в данный момент ожидал приговора.

Теперь он сидит в маленьком зале суда этого небольшого городка рядом со своим адвокатом, за столом, стоящим напротив судейского кресла. За спиной – вся его семья; на последнем ряду – семья и родственники пострадавшей. Несколько зрителей и юристов заняли свои места в зале.

До вынесения приговора я представил на рассмотрение суда свои предложения о мерах, которые следовало бы применить к осужденному. Речь шла о небольшом тюремном сроке, наблюдении, возмещении ущерба пострадавшей и общине, сеансах у психоаналитика, образовании, упорядоченном образе жизни и предоставлении ему работы. Юношу спросили, хочет ли он что-нибудь сказать перед вынесением приговора.

Он начал говорить, как сожалеет о совершенном, как пытается понять, что значит потеря глаза для молодой девушки. «Я понимаю, что принес много горя. Мисс N. Потеряла то, что никогда не сможет вернуть. Я с радостью отдал бы ей собственный глаз. Я очень сожалею о том, что совершил, и прошу прощения. Я больше никогда не причиню вреда ее семье». Наконец, наступил момент оглашения приговора.

Перед оглашением судья последовательно перечислил традиционные цели наказания: потребность в возмездии, в изоляции преступников от общества, в исправлении осужденного, в предупреждении совершения новых преступлений. Он подчеркнул, что преступники должны отвечать за свои действия.

Судья проанализировал и цели, которые ставил перед собой молодой человек при совершении преступления. Юноша был обвинен в вооруженном ограблении и нападении с целью убийства. Похоже, судья принял версию обвиняемого, утверждавшего, что не намеревался убивать свою жертву до того, как предпринял нападение. Тем не менее, окончательный вывод судьи состоял в том, что намерение убить жертву возникло у подсудимого в ходе борьбы; таким образом, обвинение было крайне серьезным.

Затем судья огласил приговор. Юноша был приговорен к заключению на срок от 20 до 85 лет без права на досрочное освобождение или облегчение режима до окончания минимального срока*. Ему будет не менее 37 лет, когда он выйдет из тюрьмы. «Я верю, что там вы откажетесь от тех образцов поведения, которые привели вас к преступлению», - выговаривал судья молодому человеку, оглашая приговор.

Трудно отрицать трагичность этой истории. Однако в короткий срок эта жизненная трагедия приняла совсем иную форму. Судебный процесс и пресса превратили трагическое столкновение двух людей в *преступление*, а самих людей - в *преступника и жертву*, причем последней они интересуются лишь во вторую очередь. Теперь драма разыгрывается уже между отвлеченными понятиями, абстракциями; событие было мистифицировано, обращено в некий миф; реальные же переживания действующих лиц выпали из поля зрения.

Мы начнем с демифологизации и демистификации этой, столь типичной, трагедии. Попробуем раскрыть реальные переживания, рассматривая это преступление как человеческую трагедию, затронувшую двух обычных людей – людей, так похожих на нас с вами.

Глава 2

Жертва

Так я никогда и не встретился с этой девушкой. Причина – в состязательном характере нашего судебного процесса и моей роли в этом деле, которая не предписывала мне каких-либо отношений с жертвой. (Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что мне все-таки следовало бы попытаться с ней встретиться.) Но несмотря на это я, с вашего позволения, постараюсь, используя опыт общения с другими жертвами преступлений, восстановить картину происшествий и переживаний, через которые прошла эта девушка (1).

Переживания

Когда она вошла в подъезд и подверглась нападению со стороны молодого человека с ножом и в маске, то страшно перепугалась. Ее первой реакцией был шок и ощущение нереальности происходящего: «Все это происходит не со мной». Некоторые пострадавшие отмечали, что с первого же момента они чувствовали себя будто парализованными, неспособными действовать. Она же начала кричать и сопротивляться. Позже она призналась, что ее охватил страх неминуемой смерти.

Типичная реакция жертв нападения проявляется в том, что психологи называют «податливостью, вызванной оцепенением («анестезией») под действием панического страха». Столкнувшись со столь пугающей, внезапной ситуацией, жертвы насилия (к примеру, ограбления), как может показаться, часто содействуют преступнику. В некоторых случаях, например, при изнасиловании, подобная естественная психологическая реакция иногда превратно толкуется судом как добровольное согласие. В действительности же подобное отсутствие сопротивления объясняется страхом.

С первых минут после нападения девушка повела себя именно так. По словам преступника, как только он осознал, что натворил, он сразу начал искать какую-нибудь помощь. По его мнению, девушка ему в этом содействовала. На самом же деле она боялась его, чувствовала себя в полной зависимости от него и именно поэтому старалась во всем ему потакать и, по возможности, успокоить.

Таким образом, в первый момент столкновения ее реакция была типичной для большинства жертв: ее переполняли чувства растерянности (ощущение нереальности и одновременно присутствия опасности), беспомощности, ужаса, собственной уязвимости. Эти чувства преследовали ее, хотя в меньшей степени, и в течение последующих недель. А позже в ней пробудились новые сильные эмоции: гнев, чувство вины, подозрительность, подавленность, ощущение бессмысленности происшедшего, неуверенность в себе, сожаление.

После перенесенного шока девушка пыталась прийти в себя. Она стала эмоционально неустойчивой: порой ей казалось, что жизнерадостность и оптимизм, наконец, возвращаются к ней, но подобные приливы сменялись тяжелой депрессией и/или яростью. Она стала подозрительной, особенно по отношению к незнакомым людям, легковозбудимой.

Ее начали преследовать кошмары и видения, яркие фантазии, чуждые ее характеру и системе ценностей. Так, например, она представляла себе, как жестоко отомстит человеку, который с ней так поступил. Поскольку это противоречило ее моральным принципам, такие состояния приводили к внутреннему дискомфорту и пробуждали чувство вины. Проснувшись, она вновь и вновь проигрывала в сознании всю ситуацию, пытаясь понять, почему вела себя именно так и что могла бы сделать иначе.

Подобно большинству жертв насилия девушка была вынуждена бороться с чувством стыда и вины. Она не прекращала задаваться вопросом, почему это произошло, почему она повела себя именно так, была ли в ее ситуации иная возможная линия поведения, и каждый раз почти склонялась к выводу, что в случившемся была и доля ее вины. Если бы она только

не оттолкнула его, когда он попытался заговорить с ней... Если бы она не отлучалась из дома в этот вечер... А может быть, таким образом она наказана за что-то...

Ей придется преодолеть чувства страха, уязвимости и бессилия. Некто присвоил себе право распоряжаться ее жизнью, оставив беспомощной и ранимой, и ей будет нелегко восстановить ощущение уверенности в своей безопасности и автономии. Наряду с этой внутренней борьбой пред ней также встанет вопрос о восстановлении доверия к окружающим людям. Некто совершил насилие над ней и ее миром, и ей будет трудно снова почувствовать себя защищенной в отношениях с людьми, с соседями, в своей квартире, в своем мире.

Большинство жертв испытывает сильный гнев: по отношению к человеку, совершившему насилие, к людям, которые не смогли это предотвратить, к Богу, который допустил, а возможно, и содействовал этому. Такой гнев может противоречить их системе ценностей, тем самым усиливая чувство вины. Для верующего человека подобные переживания могут лечь в основу глубокого кризиса веры. Почему это произошло? Что я сделал, чтобы навлечь на себя такое? Как любящий и справедливый Бог мог это допустить? Отсутствие удовлетворительного ответа может породить кризис веры.

В течение нескольких недель, последовавших за нападением, девушка боролась, пытаясь освоиться в новой ситуации. Она все еще страдала: потеря глаза, потеря личной неприкосновенности. Пыталась как-то справиться со своим гневом, чувством вины, ощущением уязвимости. У нее возникла потребность переосмыслить свой взгляд на мир и на самое себя. Теперь она воспринимает мир в свете потенциальной опасности: этот мир однажды уже предал ее и уже никогда не будет для нее таким понятным и уютным, как прежде. Ей кажется, что она была слишком наивной, что должна перестать быть такой «милой» и доверчивой. Новые чувства заставляют ее пересматривать собственный образ: прежде она считала себя заботливой, любящей, общительной, теперь ее представление о себе (Я-концепция) оказалось разрушенным.

А какую роль во всем этом играют ее друзья?

Хорошо, если у нее были друзья, члены ее прихода, коллеги и соседи, готовые прийти на помощь. Она нуждалась в людях, которые приняли бы ее чувства независимо от того, понятны ли они им, которые не судили бы ее, которые были бы готовы выслушивать ее рассказ снова и снова. Она нуждалась в друзьях, которые помогли бы ей перестать обвинять себя в том, что произошло, которые поддержали бы ее, позаботились о ней, не пытаясь, однако, слишком опекать (2).

К несчастью, ее друзья стараются избежать темы, которая так ее волнует. Они быстро устают от ее рассказа, считая, что ей следует оставить эти переживания в прошлом и больше ориентироваться на будущее. Они не разделяют ее гнева, давая понять, что в большей или меньшей степени она тоже виновата в случившемся. Они считают, что в этом была воля Божья. Возможно, она заслужила наказание. Возможно, у Бога были какие-то благие цели. Возможно, Бог пытался дать ей хороший урок. Такие предположения только усиливают ее склонность к самообвинению и подвергают сомнению ее веру.

Подобное поведение со стороны друзей и знакомых определено психологами понятием «вторичная виктимизация». Когда мы слышим о преступлении, когда пострадавший описывает происшедшие события, мы испытываем чувства, близкие к переживанию жертвы. Эти переживания очень болезненны, и мы стремимся их избежать – поэтому мы пытаемся уйти от темы и обвинить жертву. В конце концов, если нам удастся найти причину ее бед в ее прежних поступках или в ней самой, нам легче дистанцироваться от случившегося. Тогда мы можем поверить, что с нами ничего подобного никогда не произойдет, и почувствовать себя более защищенными.

Таким образом, девушка вынуждена бороться даже за право на страдание. При том, что ее самые близкие друзья, включая, возможно, и жениха, были рядом, возникло дополнительное напряжение, поскольку их переживания отличны от ее собственных и не столь очевидны. Так, например, процент разводов особенно высок среди родителей, чьи дети были убиты, отчасти потому, что супруги и переживают и ведут себя в такой ситуации по-

разному. Если один супруг не может распознать в другом признаки скрытой скорби или понять его боль, брак чаще всего распадается.

Переживания жертвы бывают столь сильными, что влияют на все жизненно важные сферы. В случае с этой молодой женщиной болезненные воспоминания повлияли на ее сон, аппетит, здоровье. Чтобы как-то совладать с собой, она начала прибегать к помощи наркотиков и спиртного. Значительно возросли расходы на врачей. Заметно упало качество ее работы. Различные ситуации продолжали напоминать ей о случившемся. Если бы она была замужем, супружество могло оказаться под угрозой; опыт насилия нередко влияет на восприятие интимных отношений. Последствия преступления для пострадавших, как правило, весьма травматичны и охватывают разные стороны жизни.

Нетрудно представить, насколько всепоглощающими и сильными должны были быть переживания жертвы такого насильственного нападения, и все же человеку, не прошедшему подобное испытание, нелегко постичь всю глубину подобного душевного кризиса. Но нам часто не приходит в голову, что и жертвы менее серьезных (с нашей точки зрения) преступлений могут чувствовать то же самое. Описание переживаний жертв ограблений напоминают рассказы тех, кто пострадал от изнасилования. Жертвы вандализма и автомобильных краж реагируют на ситуацию так же, как жертвы насильственных нападений, хотя и в менее выраженной форме.

Почему преступление переживается так болезненно?

В чем кроется причина такой реакции? Почему преступление влечет такие разрушительные последствия, почему пострадавшим так тяжело приходиться в себя? Причина в том, что суть преступления в насилии: насилии над личностью, надругательстве над сущностью, над тем, во что мы верим, посягательстве на наше частное пространство. Преступление разрушительно, поскольку опровергает для фундаментальных представлений, на которых строится наша жизнь: веру в надежность и осмысленность мира, и веру в автономию личности. Эти представления лежат в основе целостного мировосприятия.

Большинство из нас убеждены в том, что мир (или по крайней мере, та его часть, где мы живем) представляет собой упорядоченное, предсказуемое, доступное для понимания пространство. Далеко не все происходит так, как хотелось бы, но, по крайней мере, мы можем найти ответы, объясняющие большую часть происходящих событий. Обычно мы знаем, чего следует ожидать. Разве могли бы мы жить без некоторой уверенности в надежности?

Преступление, подобно раку, разрушает ощущение порядка и осмысленности. Поэтому жертвы преступления, как и жертвы раковых заболеваний, требуют ответа. «Почему это произошло со мной?» «Что мог я сделать, чтобы предотвратить случившееся?» Это лишь немногие из вопросов, которые преследуют жертв преступлений. Получив ответы, мы возвращаем ощущение порядка и осмысленности. Если мы найдем ответы на вопросы «что?» и «почему?», мир снова обретет для нас смысл. В отсутствие ответов пострадавшие склонны винить во всем себя, окружающих и Бога. Обвинение нередко становится доступным способом восстановить смысл и некое подобие целостности.

Чтобы сохранить собственное Я, нам необходимо чувствовать свою автономию, власть над собственной судьбой. Лишенный личной независимости, невольно оказавшийся во власти преступника, пострадавший испытывает глубокое унижение, оскорблено его человеческое достоинство. Преступление разрушает чувство автономии: посторонний присвоил себе право распоряжаться нашей жизнью, собственностью, личным пространством. Такая ситуация оставляет жертв преступления с ощущением уязвимости, беспомощности, утери контроля над собственной жизнью, затрагивает чувство собственного достоинства. Здесь снова может воспроизвестись механизм самообвинения: ведь если мы обнаружим причину преступления в собственных поступках, то сможем изменить линию поведения и восстановить возможность управлять своей жизнью.

Таким образом, девушка, о которой мы говорили, подверглась не только физическому нападению. Она была – и остается – жертвой насилия над ее личностью: подорвана опора ее Я-концепции – представление о себе как о свободном человеке в предсказуемом мире. Психологические травмы могут быть куда более серьезными, чем физические.

Процесс исцеления

Для исцеления жертв преступлений необходимо, чтобы фаза «шока» сменилась фазой «преобразования». В случаях серьезных преступлений пострадавшим важно освободиться от роли жертвы и увидеть жизненную перспективу, попасть в такую точку, откуда преступление и преступник перестали бы проступать столь отчетливо. Это довольно трудно и требует много времени; отнюдь не всем удастся достичь такого состояния.

В чем нуждаются пострадавшие для полного исцеления? Любой ответ на подобный вопрос может показаться слишком смелым. Только сам пострадавший в состоянии на него ответить, от случая к случаю потребности могут быть разными. Тем не менее, рискнем наметить обобщенный (но не исчерпывающий) перечень этих потребностей.

По-видимому, прежде всего пострадавшие нуждаются в компенсации причиненного вреда. Денежный и имущественный ущерб, нанесенный преступлением, может стать для них настоящей финансовой проблемой. Однако нередко символическая ценность утраченного оказывается настолько же и даже более существенной, чем материальная потеря. И все-таки, в любом случае денежная компенсация может способствовать исцелению. Полное возмещение материального и психологического ущерба, скорее всего, невозможно; тем не менее, возмещение материального ущерба может стать для пострадавшего существенным шагом на пути к восстановлению справедливости. Никто не в состоянии вернуть девушке глаз, но возмещение расходов на доктора может облегчить ее положение и, вместе с тем, придать ощущение восстановления на символическом уровне.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что как бы ни волновали пострадавших материальные потери, у них есть и другие потребности, которые расценивают ими как более насущные. Например, потребность в ответах, в информации. «Почему я?» «Имел ли преступник что-нибудь лично против меня?» «Вернется ли он или она снова?» «Что случилось с моим имуществом?» «Что я мог сделать, чтобы избежать нападения?» Ответы должны быть найдены, и информацию надо сделать доступной для пострадавших.

Можно предположить шесть основных вопросов, ответив на которые пострадавшие встанут на путь исцеления (3):

1. Что произошло?
2. Почему это произошло со мной?
3. Почему я повел себя таким образом в этой ситуации?
4. Почему с тех пор я веду себя именно так, а не иначе?
5. Что, если это произойдет снова?
6. Как все это отразилось на мне и на моем мировоззрении (вере, видении мира, на моем будущем)?

На некоторые из этих вопросов ответить могут только сами пострадавшие. К примеру, они должны найти собственное объяснение своему поведению во время и после происшествия. И должны определиться, как будут реагировать на подобные ситуации в будущем. Однако два первых вопроса затрагивают реальные факты преступления: что же конкретно произошло? Почему это произошло со мной? Информированность очень важна, и ответы на подобные вопросы открывают путь к исцелению. Без этих ответов исцеление может оказаться затруднительным.

Помимо потребности в возмещении ущерба* и информации пострадавшие нуждаются в выражении и признании своих чувств: гнева, страха, боли. Хотя нам довольно тяжело выслушивать подобные признания и хотелось бы, чтобы пострадавшие испытывали более приемлемые для нас чувства, мы должны согласиться, что эти переживания – вполне естественная реакция человека на насилие. По сути дела, гнев следует признать

закономерной стадией страдания, которую не так легко преодолеть. Страдание и боль – неотъемлемая часть преступления, пострадавшим необходимо выразить эти чувства и быть услышанными. Пострадавшим нужна аудитория, чтобы поделиться своими чувствами и переживаниями и даже просто рассказать свою историю. Им важно, чтобы их *правда* была услышана и признана другими.

Пострадавшим необходимо снова обрести ощущение полноценности. Поскольку уверенность в личной автономии украдена преступником, жертвы испытывают потребность вернуть сознание собственной независимости. В частности это предполагает и дополнительные меры по защите своего дома. Так, нередко большое значение придается новым замкам и охране; чтобы уменьшить риск, пострадавшие могут даже изменить образ своей жизни. В той же мере им важно знать, как движется их дело, либо быть непосредственно причастными к его разрешению. Им необходим выбор, и уверенность, что этот выбор вполне реален.

Особую роль играет для пострадавших потребность в безопасности. Они хотят быть уверенными в том, что подобное никогда больше не повторится ни с ними, ни с кем другим. Они хотят убедиться, что в этом направлении предприняты определенные шаги.

И, наконец, все это пронизано общей потребностью, которую можно назвать стремлением к справедливости. В отдельных случаях эта потребность может выразиться в требовании мести. Однако желание мести может оказаться результатом столкновения с отрицательным опытом правосудия, когда справедливость не была восстановлена. Стремление к справедливости настолько фундаментально, что в случае его неудовлетворения исцеление может оказаться недостижимым.

Опыт восстановленной справедливости имеет несколько измерений, которые отчасти я уже осветил. Пострадавшие нуждаются в подтверждении того, что случившееся с ними несчастье было незаслуженным, несправедливым. Им необходимо выговориться, описать все, что с ними произошло, поделиться переживаниями. Они нуждаются в слушателях, которые поняли бы их. Специалисты, работающие с женщинами, ставшими жертвами бытового насилия, определили эту потребность в следующих терминах: «открыть правду», «нарушить молчание», «вынести сор из избы», «не преуменьшать».

К опыту восстановления справедливости относится и сознание того, что предпринимаются конкретные шаги по исправлению совершенного зла и предотвращению возможных рецидивов. Как было подчеркнуто, пострадавшие могут требовать возмещения ущерба не только ради восстановления своего материального благополучия, но и для морального подтверждения, содержащегося в самом признании, что было совершено зло и предпринята попытка его исправить.

Справедливость – это положение вещей, но одновременно и опыт. Справедливость должна совершиться так, чтобы пострадавший испытал ее как нечто реальное. Пострадавшим недостаточно, когда их лишь уверяют, что делу уделено должное внимание. Им важно, чтобы их информировали и хотя бы по некоторым вопросам советовались с ними, вовлекали в процесс правосудия.

Преступление может разрушить уверенность, в которой человек нуждается в первую очередь, – уверенность в осмысленности мира. Соответственно, путь к исцелению лежит через поиск смысла происходящего. Шесть вопросов, о которых мы вели речь, подразумевают поиск смысла. Для жертв преступления потребность в справедливости имеет особое значение, так как по словам философа и историка Михаила Игнатьева, концепция справедливости задает смысловую рамку, позволяющую понять значение пережитого опыта (4).

Попробуем кратко резюмировать наши размышления.

Во-первых, переживания жертвы преступления могут быть очень болезненными. Причина тому – в разрушении того, что имеет витальное значение для человека: представления о себе как автономной личности в осмысленном и предсказуемом мире, а также веры в добрые отношения с другими.

Во-вторых, первое утверждение относится не только к жертвам таких видов насилия, как убийство и изнасилование, которые большинством из нас считаются серьезными преступлениями, но и таких, которые общество относит на второй план: бытовое насилие, ограбление, вандализм, автомобильные кражи.

В-третьих, отмечается значительное сходство в реакции на события со стороны пострадавших, несмотря на различия в их характерах, а также обстоятельствах и видах преступлений. Некоторые состояния, такие как страх и гнев, почти универсальны, и, похоже, стадии восстановления для разных жертв примерно одинаковы.

И последнее. Оказавшись в положении жертвы, люди начинают испытывать потребности, удовлетворение которых может ускорить процесс исцеления. У тех же, кто остался без должного внимания, восстановительный процесс затруднен и нередко остается незавершенным.

Ответ на данную ситуацию

Исходя из сказанного было бы вполне логичным, чтобы жертвы преступления оказались в центре судебного процесса и основное внимание фокусировалось на их потребностях. Думается, пострадавшим есть что сказать по поводу предъявляемого обвинения, а их потребности могли бы быть учтены при окончательном решении дела. По крайней мере, можно бы было ожидать, что им сообщат, когда преступник будет обнаружен, и далее будут держать в курсе дела. Однако в большинстве случаев этого не происходит: пострадавшие почти ничего не знают о том, как ведется их дело, и ведется ли вообще. Чаще всего о них вспоминают лишь как о свидетелях. Им редко сообщают об аресте преступника. Только в тех случаях, когда это предписано законом, суд предпринимает усилия для информирования пострадавших о ходе дела или привлекает их для участия лишь на последних стадиях процесса. Эта ситуация была довольно ярко проиллюстрирована участницей одного семинара, который я как-то помогал проводить. Когда я рассказывал о положении жертв преступлений - их страданиях, нуждах, их невключенности в процесс «правосудия» - сидевшая в последнем ряду женщина поднялась и сказала: «Вы правы. Я как-то сама оказалась жертвой квартирного ограбления. В другой раз на меня напали на темной улице. Ни в том, ни в другом случае меня не поставили в известность и не спросили моего мнения до тех пор, пока дела чуть было не прошли через суд. И знаете что? Я сама прокурор! Мой собственный персонал не стал меня информировать». Можете представить, чего следует ожидать нам с вами.

Пострадавшие начинают все это понимать вскоре после того, как заявят о правонарушении. Они часто удивляются, обнаружив, что уголовное преследование может продолжаться или прекращаться безо всякого учета пожеланий жертвы и что их мало информируют о деле.

Такое отношение к пострадавшим не только не принимает во внимание их потребностей, но, напротив, наносит дополнительный ущерб. Многие говорят о «вторичном ущербе», причиненном персоналом органов уголовной юстиции и самой судебной процедурой. Центральным здесь является вопрос власти над собственной жизнью. Преступление лишает человека чувства уверенности в том, что он способен управлять своей жизнью – это один из наиболее унижительных аспектов в положении жертвы. Вместо того, чтобы вернуть эту уверенность, правовая система, отнимая у пострадавших право участия в решении собственного дела, причиняет им дополнительный вред. Вместо оказания помощи, правосудие наносит новые раны.

В США было принято федеральное законодательство в поддержку начатых во многих штатах программ, обеспечивающие помощь и компенсации жертвам преступлений. Эти программы позволяют жертвам тяжких преступлений против личности (и лишь в строго определенных случаях) подавать прошение о возмещении понесенных расходов. Там, где они приняты, программы обеспечивают консультации у психоаналитиков и некоторые другие виды поддержки. Лидером в разработке локальных программ помощи жертвам стала

Англия; в программах участвуют волонтеры, оказывающие помощь и содействие в течение всего судебного процесса и в период реабилитации (5).

Все эти меры играют важную роль, знаменуя начало нового этапа в отношении общества к проблемам пострадавших. К сожалению, эти усилия остаются пока в зачаточном состоянии, это лишь капля в море, если сравнить ее с тем, что еще предстоит сделать. Пострадавшие все еще остаются на периферии уголовного процесса, представляя собой «бесплатное приложение» к преступлению.

То, что мы до сих пор не принимаем жертв преступлений всерьез, оставляет нам в наследство страх, подозрительность, гнев и чувство вины. Это ведет к постоянной и все возрастающей жажде мести. Способствует созданию негативных стереотипов (как еще можно думать о преступнике, если нет возможности встретиться с ним лично?). И эти стереотипы способствуют еще большему недоверию, инспирируя расизм и классовую вражду.

По-видимому, острее всего жертва переживает невозможность оставить все в прошлом, поставить точку. Когда пострадавшие не чувствуют должного внимания и их потребности остаются неудовлетворенными, им тяжело забыть случившееся. Часто жертвы преступлений рассказывают о случившемся так, будто это было только вчера, хотя реально произошло много лет назад. За много лет ничто не помогло им преодолеть потрясение. Напротив, пережитое и образ преступника все еще владеет ими, не давая желаемого освобождения.

Нанесенный вред не ограничивается одними пострадавшими, его испытывают на себе их друзья и все те, кто знает о трагическом происшествии. Не затянувшиеся раны жертвы отравляют общину нарастающими чувствами подозрительности, страха, гнева и уязвимости.

То, что нам не удастся удовлетворить потребности пострадавших, вовсе не значит, что мы никогда не упоминаем о жертвах преступлений в ходе судебного процесса или в прессе. Напротив, мы произносим их имена всякий раз, когда идет речь о мерах, применяемых к подсудимому, независимо от того, чего на самом деле хотят пострадавшие. По сути же, мы почти ничего не делаем для них, несмотря на все разглагольствования. Мы не прислушиваемся к их чувствам и потребностям. Не стремимся вернуть даже часть того, что ими утрачено. Не позволяем принять участие в решении собственного дела. Не помогаем в процессе исцеления. Даже не сообщаем им о новых данных, полученных в ходе расследования.

В этом вся ирония и трагедия ситуации: те, кто более всего пострадал, не принимаются во внимание. Как мы позже увидим, в нашем привычном понимании проблемы преступления пострадавшему не отводится даже скромного места.

Примечания:

(1) Сейчас становится доступным множество сведений о переживаниях жертв преступлений. Особенно значимыми я считаю Morton Bard and Dawn Sangrey, *The Crime Victim's Book* (New York: Brunner-Mazel, 1986), 2d ed., а также Shelley Neiderbach, *Invisible Wounds: Crime Victims Speak* (New York: The Hayworth Press, 1986) and Doug Magee, *What Murder Leaves Behind: The Victim's Family* (New York: Dodd, Mead and Co., 1983). Важную помощь мне оказала Шарлотта Халлингер, соучредитель организации «Родители убитых детей».

(2) Шарлотта Халлингер, соучредитель организации «Родители убитых детей» и сама жертва преступления, выявила четыре типа поведения друзей по отношению к жертвам преступлений.

Избавитель. Страх заставляет его искать быстрые решения. Вместо того, чтобы слушать, он дает советы, которые только увеличивает зависимость. Он с трудом предоставляет жертве возможность выговориться. Ему тяжело видеть, как человек мучается и чувствовать к себе беспомощным, поэтому он пытается поставить все на свои места.

Враждебный помощник. Страх раздражает его. Он испытывает потребность обвинить во всем жертву. Говорит с осуждением и пытается отделить себя от жертвы. Так как ему страшно, утверждает, что с ним подобное никогда не случилось бы.

Беспомощный помощник. Страх подавляет его. Он чувствует себя так же, а то и хуже, чем сама жертва, но по-настоящему не выслушивает. Может заставить пострадавшего почувствовать себя настолько неловко, что тот сам бросится успокаивать помогающего.

Настоящий помощник. Такой человек отдает себе отчет в своем страхе. Он учитывает уязвимость жертвы, слушает без осуждения и понимает, что время исцеляет. Такой помощник может сказать: «Ты, наверное, очень переживаешь», «Это требует времени», «Ты хорошо справился с ситуацией», «Это, должно быть, ужасно». Другими словами, он позволяет жертве выговориться, не подавляя ее.

(3) По материалам Charles Finley, “Catastrophes: An Overview of Family Reactions”, Chapter 1 of Charles Finley and Hamilton I. McCubbin, *Stress and the Family*, Vol. II: Coping with Catastrophe (New York: Brunner/Mazel, 1983).

(4) Michael Ignatieff “Imprisonment and the Need for Justice”. Обращение к Канадскому Конгрессу по уголовному правосудию, Торонто, 1987. Отредактированная версия Обращения опубликована в *Liaison*, январь 1988.

(5) Национальная организация программ поддержки жертв преступлений (National Association of Victim Support Schemes, 39 Brixton Rd., London SW9 6DZ, England). В США как национальный информационный центр действует Национальная организация помощи жертвам преступлений (The National Organization for Victim Assistance NOVA, 1757 Park Rd. N.W., Washington, DC 20010).

Глава 3

Преступник*

В предыдущей главе я пытался показать, что с точки зрения пострадавшей покалеченной девушки справедливость не была восстановлена. Что же произошло с молодым преступником, который напал на нее?

В это время он проходил через сложный и длительный процесс, где один профессионал, адвокат, представляющий его интересы, состязался с другим профессионалом, прокурором, представляющим интересы государства. Этот процесс регулируется целым лабиринтом сложных правил, которые называют «надлежащей правовой процедурой». Цель этих правил состоит в защите прав подсудимого и государства (но вовсе не обязательно прав жертвы). В ходе этого процесса несколько профессионалов (прокурор, судья, представитель службы пробации, психиатр) содействуют вынесению решения о том, что подсудимый в соответствии с законом действительно виновен в преступлении. Этот вывод подразумевает не только то, что его поступок квалифицируется законом как преступление, но и то, что подсудимый хотел его совершить. И судья определяет, что с ним нужно сделать.

В ходе этого процесса подсудимый оставался почти посторонним. Его волновало положение, в котором он оказался, и что с ним будет дальше; наверняка он столкнулся со множеством проблем, ему предстояло принять новые решения и адаптироваться к новым ситуациям – и тем не менее, большинство решений было принято за него другими людьми.

Тюремный опыт

Молодой человек оказался в тюрьме. Хотя срок тюремного заключения, типичный для американского правосудия, может показаться необычным для Канады или Западной Европы, сам факт заключения вряд ли кого-то удивит: тюрьма – наиболее типичный ответ на преступление в современном Западном обществе. Лишение свободы – отнюдь не крайнее средство, применение которого нуждается в оправданиях и объяснениях со стороны выносящего приговор судьи. Напротив, это – норма, и судье намного труднее мотивировать выбор иного решения.

Обыденность этого наказания и приводит к тому, что у нас такой высокий процент заключенных. Американцы часто считают, что мы «слишком мягкосердечны» в отношении к преступникам. Хотя в некоторых частных случаях преступники действительно «легко

отделяются», в целом картина нашего правосудия выглядит совершенно иначе. Судя по международным стандартам мы слишком строги. В Америке процент лиц, приговоренных к лишению свободы, намного выше, чем в других индустриальных странах, за исключением России и Южной Африки. Некоторые наблюдатели отмечают, что, если в последних из общего числа заключенных исключить политических, США выйдут на первое место.

Тюремное заключение – это наиболее распространенное наказание, и не только в случаях насильственных преступлений. Международных наблюдателей часто удивляет, что многие, если не большинство заключенных, отбывают свой срок за имущественные преступления. В Америке так высок процент лиц, находящихся в неволе, поскольку тюремное заключение считается нормальным ответом на преступление.

Вынося приговор по делу, о котором я говорил, судья выразил надежду, что этот молодой преступник в тюрьме научится нормам ненасильственного поведения. Чему же он может там научиться?

К настоящему моменту этот юноша уже вполне мог сам стать жертвой насилия. Какой урок он получит? Он научится тому, что конфликт – это нормальный стиль отношений, а насилие – наилучший способ решать проблемы и выходить из трудных ситуаций, и чтобы выжить, нужно быть жестоким. Таковы нормы уродливого тюремного мира.

Молодость этого юноши и его небольшой рост, скорее всего, приведут к тому, что он станет жертвой не только физического, но и сексуального насилия. Гомосексуальное изнасилование юношей – частое явление в тюрьмах, где старшие, закоренелые преступники содержатся вместе с молодыми и неопытными юношами. Такое изнасилование может быть результатом долгого полового воздержания и отчаяния, столь характерных для тюремной жизни. Чаще изнасилование становится формой утверждения авторитета и власти над окружающими, когда все другие формы самоутверждения оказываются недоступными. Гомосексуальное изнасилование может быть и выражением презрения, пренебрежения по отношению к другим, возможностью их унижить. Это, в свою очередь, отражает извращенное, но, к сожалению, слишком распространенное понимание соотношения мужского и женского начала. Учитывая закомплексованность этого юноши, можно предположить, что тюремный опыт станет тяжелым испытанием для его чувства собственного достоинства, ощущения себя как мужчины – и в конце концов искалечит.

Так что судья зря надеялся на то, что образцы насильственного поведения в тюрьме будут забыты. Напротив, судья приговорил молодого преступника к двадцатилетнему сроку жизни в атмосфере, которая только способствует и учит насилию. Насилие может стать для него образцом для подражания, способом решения всех проблем, стилем общения.

Этот преступник оказался в столь сложной ситуации отчасти из-за низкой самооценки, неуверенности в себе. Тюрьма только усугубит все это, оставив ему еще меньше шансов на легитимное восстановление чувства собственного достоинства и независимости.

Я убежден в том, что преступление и насилие – это, по большей части, способ самоутверждения. Об этом говорил как-то мой друг, который – приговоренный за серию вооруженных ограблений – провел в тюрьме 17 лет. В конце концов благодаря помощи членов церковной общины он был отпущен на свободу. Бобби вырос в бедной негритянской семье. Его отец, работавший дворником, был алкоголиком и чувствовал себя запертым в мире, слишком похожем на тюрьму, без надежды на освобождение. Преступление стало для Бобби побегом от собственной никчемности. «По крайней мере, когда у меня в руках было оружие, я чувствовал себя человеком!» – говорил Бобби. Как мог он уважать окружающих, если настолько не уважал самого себя?

Психолог Роберт Джонсон, описывая поведение приговоренных к смертной казни убийц, очень точно охарактеризовал значение и корни насилия:

«Совершаемое ими насилие – не какая-то болезнь или наваждение, которое захватывает их безо всякой причины, и не способ проявления уродливых страстей. Это, скорее, приспособление к суровой и, часто, жестокой жизни... [Склонность к насилию] наиболее вспыльчивых людей в конечном счете коренится во враждебности и плохом обращении окружающих, ее можно объяснить неуверенностью в себе и искаженной самооценкой. Как ни парадоксально, но такой способ действия – это обратная сторона самозащиты, которая

только подтверждает чувства уязвимости и слабости, породившие насилие. Когда насилие обращается на невинных жертв, это признак не крепких нервов, а потери контроля над собой» (1)

Низкая самооценка, потеря чувства собственной значимости и независимости, столь свойственные многим преступникам, приводят к тому, что в тюрьме даже незначительные конфликты и столкновения ведут к открытому насилию. Спор по поводу одного доллара легко может закончиться чьей-нибудь смертью.

Наш осужденный попал в беду из-за низкой самооценки и неуверенности в себе. Его преступление было уродливым способом показать, что он все-таки чего-то стоит, а также установить контроль над своей и, возможно, чужой жизнью. Тюремная обстановка только еще больше подорвет его чувство собственного достоинства и уверенности в себе.

Тюремная атмосфера лишает человека - и предназначена для этого - чувства собственного достоинства. заключенным присваивают номера, выдают одинаковую форму, их ограничивают или совсем лишают личного пространства. Им почти полностью отказано в праве принятия собственных решений, на отстаивание независимости. По сути, тюремные нормы предписывают постоянное послушание, умение следовать приказам. В подобной ситуации у человека остается весьма скудный выбор. Покорность и послушание – вот урок, который призвана преподать тюрьма, но меньше всего этот урок пригодится, чтобы освоиться на свободе. Наш молодой человек совершил преступление из-за неспособности принимать самостоятельные решения, управлять своей жизнью, оставаясь в рамках закона. Тюрьма только усугубит его беспомощность. Нет ничего удивительного в том, что те, кто наилучшим образом приспосабливается к тюремной жизни, редко с тем же успехом осваиваются на свободе.

Второй возможной реакцией заключенных на подавление личности может быть бунт. Многие восстают. Такое восстание - попытка хоть как-то сохранить себя как личность. Как правило, те, кто сопротивляются, легче совершают переход к жизни в свободном обществе, чем те, кто приспосабливаются (хотя такого рода выступления оставляют меньше шансов для досрочного освобождения). Но есть и другая сторона: если бунт слишком жесток и продолжителен, то модель насильственного поведения может стать ведущей.

Джек Аббот – заключенный, посвятивший большую часть своей жизни в тюрьме борьбе с конформизмом. Его книга «Во чреве зверя» представляет собой скрупулезный и глубокий анализ тюремной жизни (2). Проведя в тюрьме многие годы, он вышел на свободу лишь с тем, чтобы совершить новое убийство в ответ на первое же слово, которое он воспринял как оскорбление.

Третья возможная линия поведения – лицемерие: заключенный будет следовать всем требованиям и создавать впечатление полной покорности, пытаясь при этом сохранить сферы личной свободы. Это еще один урок, который получают в тюрьме: лицемерие может быть нормой поведения. В конце концов только так и можно приспособиться к тюремной жизни. Именно этого требует от заключенных тюремный персонал – да и как при минимуме предоставленных вспомогательных средств столь небольшая группа людей может управлять таким числом заключенных?

Наш преступник попал в беду из-за неспособности делать правильный выбор. Тюремный опыт еще больше подточит его умение принимать верные решения. В течение этих двадцати лет у него будет мало стимулов и возможностей делать собственный выбор и брать на себя ответственность за этот выбор. Скорее, то чему он там научится в первую очередь, - так это зависимости. В течение многих лет ему не потребуется платить за квартиру, зарабатывать деньги, содержать семью. Он будет полностью зависеть от государства, которое возьмет на себя заботу о нем. Когда же он выйдет, у него останется совсем немного навыков для жизни в обществе. Научится ли он снова ходить на работу, экономить деньги, откладывать на будущее, платить по счетам?

В тюрьме наш преступник привыкнет к деформированным взаимоотношениям, цель которых - подчинить себе окружающих: супругу, друга, коллег по работе. Любовь и забота о других будет рассматриваться как слабость. А быть слабым значит оказаться добычей сильного.

Нашему преступнику нужно научиться осознавать ценность собственной личности, свою способность самостоятельно и ответственно принимать правильные решения. Он должен научиться уважать окружающих и чужую собственность. Научиться мирно разрешать конфликты. Научиться со всем справляться сам. Вместо этого в нем укрепится склонность к насилию, которое станет для него дорогой к самоутверждению, способом решения всех проблем. Его уверенность в себе может оказаться полностью подорванной либо развиться на очень опасной почве.

И если с этой точки зрения посмотреть на пожелания судьи, они покажутся нам по меньшей мере наивными, а по большому счету - крайне ошибочными.

Усвоит ли юноша в тюрьме образцы ненасильственного поведения? Вряд ли. Скорее тюрьма научит его еще большей жестокости. Сможет ли общество защититься таким образом? Возможно, но лишь на какое-то время: в конце концов, он выйдет на свободу и тогда, вполне вероятно, будет опаснее, чем до заключения. В тюрьме же он может стать опасным и для своих соседей по камере.

Станет ли тюрьма сдерживающим фактором для новых преступлений? Можно спорить о том, удержит ли его заключение других, но более чем сомнительно, что оно скажется таким образом на нем самом. Как я уже отметил, существует даже *большая* вероятность, что он совершит повторное преступление из-за утраты навыков справляться с жизненными обстоятельствами и того образца поведения, который он усвоит в тюрьме. И больше того, тюрьма уже не сможет наводить на него ужас, так как он будет знать, что способен там выжить. Действительно, после двадцати лет тюрьмы станет для него настоящим домом, и вне ее стен он будет чувствовать себя неуверенно.

Некоторые заключенные, которые провели в тюрьме довольно много времени, по освобождении совершают новые преступления исключительно для того, чтобы вернуться в привычную обстановку. Они предпочитают жить в той среде, для которой у них есть навыки выживания, нежели оказаться лицом к лицу с опасностями мало знакомой им жизни. Недавно я был приглашен на встречу в британский центр по проблемам бывших преступников. Один молодой человек из присутствующих несколько раз был в заключении. «Мне нравится на свободе, - сказал он, - но точно так же нравится в тюрьме». Для такого человека угроза тюремного заключения вряд ли может стать сдерживающим фактором.

Так же маловероятно, что угроза тюрьмы может остановить бедняков и маргиналов, для которых жизнь на свободе оказывается неким подобием тюрьмы. Для таких людей быть приговоренным к тюремному заключению значит всего лишь сменить один вид несвободы на другой. И при этом, именно для бедных и незащищенных в первую очередь предназначены наши тюрьмы.

Что должно произойти?

Вынося приговор, судья говорил о необходимости отвечать за свои поступки. С этим трудно не согласиться. Преступники, действительно, должны нести ответственность за свое поведение. Но что это значит – нести ответственность? В наше время, с точки зрения судьи и других людей, это значит, что преступник должен понести наказание (часто в виде тюремного заключения), цель которого - запугивание или возмездие. «Заставить людей нести ответственность» значит заставить их «принять лекарство» - это довольно странная метафора для столь разрушительного явления, как тюремное заключение.

Такое понимание ответственности в высшей степени ограничено и абстрактно. Без осознания внутренней связи между действием и его последствиями вряд ли возможна настоящая ответственность. И до тех пор, пока вопрос о последствиях решает кто-то другой, преступники, формально отвечая за свои поступки, тем не менее не будут чувствовать подлинной ответственности за них.

Чтобы совершать преступления и продолжать жить в ладу с собой, не меняя своего поведения, преступники часто выстраивают целые системы аргументации для оправдания своих поступков, а тюрьма только способствует этому и предоставляет достаточно времени.

Они начинают верить, что совершенное ими не так серьезно, что жертва «заслужила» это, что все так делают и что страховка возместит любой ущерб. Они стараются свалить вину на других и на обстоятельства. При мысли реальных и потенциальных жертвах они прибегают к стереотипам - осознанно или неосознанно делают все, чтобы оградить себя от жертвы. Например, некоторые грабители отмечают, что, если они видят фотографии хозяев дома, в который вламываются, то поворачивают их к стене, чтобы не думать о своих жертвах.

Уголовный процесс не опровергает ложных представлений преступника, а, напротив, часто содействует самооправданию и поддерживает стереотипы. Состязательный характер правосудия, создавая преграду между преступником и жертвой, преступником и обществом, лишь способствует закреплению соответствующих штампов. Запутанный, болезненный характер процесса, лишаящий преступника и пострадавшего полноценного участия, ведет к тому, что внимание фокусируется на тяжелых обстоятельствах жизни преступника, а не на вреде, причиненном жертве. Многие, если не большинство преступников, в конце концов, начинают верить в то, что с ними плохо обращались в жизни (возможно, так и было). А это, в свою очередь, способствует тому, что они сосредотачиваются исключительно на собственных ранах. Отчасти это объясняется сложностью процесса и его ориентацией на преступника, и последний остается озабоченным только собой и своим правовым положением.

Следовательно, мало что в уголовном процессе побуждает преступников в полной мере оценить страдания, которые они причинили. Что это значит – стать жертвой квартирного ограбления, автомобильной кражи, пережить страх и растерянность, задаваясь вопросом кто мог это совершить и почему? Что чувствует человек, испытавший страх смерти, и потом потерявший глаз? Что представляет собой эта жертва как личность? Ничего в ходе процесса не наталкивает преступника на эти вопросы. Не заставляет его (или ее) пересмотреть свои стереотипы, уйти от самооправдания. В приведенном выше примере преступник, по крайней мере, попытался понять значение содеянного, но его понимание неполно и в скором времени будет стерто новым опытом, полученным в ходе судебного процесса и отбывания наказания.

Итак, «нести ответственность» - значит осознать последствия своих поступков, понять, что было сделано и кто от этого пострадал. Но подлинная ответственность означает нечто большее. Она предполагает еще и практические шаги по компенсации и заглаживанию вреда от последствий собственного поведения. Преступникам должно быть предоставлено право участвовать в решениях по восстановлению справедливости в отношении жертвы, по возмещению нанесенного ущерба.

Судья Деннис Чэллин обращает внимание на то, что большинство приговоров, заставляя преступников отвечать за свои поступки (через понесение наказания), не вызывает у них чувства ответственности за совершенное. А ведь именно неразвитое чувство ответственности приводит к тому, что они совершают преступления. Когда наказание налагается на людей, обладающих такой способностью, утверждает Чэллин, они относятся к этому ответственно; если же такая способность отсутствует, наказание только способствует еще большей безответственности (3).

Некоторые суды начали включать в свои приговоры возмещение ущерба. Это шаг в верном направлении. Однако мотивировка этого требования часто бывает неясной и даже ошибочной. Возмещение ущерба нередко рассматривается как вид наказания, как установленная приговором санкция, а не как восстановление справедливости по отношению к пострадавшему, что лишает преступника возможности почувствовать свою причастность к такому решению. Обычно преступник не участвует в принятии решения по возмещению ущерба и имеет лишь самое поверхностное представление о понесенных жертвой убытках. Он или она, таким образом, склонны рассматривать возмещение ущерба как дополнительное наказание, а не как разумную попытку исправить нанесенное зло и выполнить обязательства по отношению к другому человеку. Приговоры, которые вынуждают преступников в виде наказания возместить убытки пострадавших, вряд ли способствуют развитию чувства

ответственности. Именно поэтому во многих программах по возмещению ущерба размеры денежных компенсаций столь малы.

Наш преступник должен нести ответственность за свое поведение. А значит по возможности осознать содеянное (чем его поведение обернулось для другого человека и свою роль в этом). Его следует подтолкнуть к попытке восстановить справедливость, он должен участвовать в поиске реальных путей, ведущих к этой цели. Это и будет подлинной ответственностью.

Такая ответственность со стороны преступника поможет решить некоторые проблемы пострадавшего, удовлетворяя часть его насущных потребностей. Это поможет и преступнику в решении его собственных проблем. Понимание того, какое страдание он причинил, может удержать его от подобных поступков в будущем. Возможность восстановить справедливость, стать полноценным членом общества, вернет ему уверенность в себе и будет способствовать законопослушному поведению.

Что же произойдет?

Ничего такого не произойдет в жизни нашего преступника в ближайшие двадцать лет. Что же будет?

У него не будет возможности преодолеть стереотипы и представления, приведшие к такому поступку. Больше того, за годы заключения они только глубже укоренятся в нем. У него не будет условий для развития навыков межличностных отношений, которые так понадобятся ему по выходе на свободу. Напротив, он усвоит ложные паттерны взаимоотношений и потеряет те положительные навыки, которые были у него до заключения. Он не сможет ни осознать, что совершил, ни восстановить справедливость.

У него не будет возможности справиться с чувством вины, которую такое преступление порождает. В процессе правосудия нет места, где он почувствовал бы себя прощенным, где увидел бы, что справедливость восстановлена. Представьте, как это отразится на его самооценке. Что ему остается? Попытаться оправдать свое поведение. Либо направить гнев на себя и всерьез задуматься над самоубийством. Либо направить гнев на окружающих. В любом случае, клеймо преступника останется на нем даже через много лет после того, как он «выплатит свой долг» и отбудет наказание. Ненависть и насилие, с которыми он столкнется в тюрьме, не оставят в его душе места раскаянию.

Как и пострадавшая девушка, он будет не в состоянии уйти от случившегося, поставить точку на своем прошлом. Рана останется открытой.

Своими действиями наш преступник совершил насилие над другим человеком. Он также посягнул на доверие в отношениях между людьми. Однако ничего в процессе правосудия не поможет ему понять масштабы причиненного вреда.

Преступление совершено человеком, который и сам прежде подвергался насилию. Хотя это и не может служить оправданием, но его действия стали результатом жестокого обращения с ним в прошлом. Еще ребенком он стал жертвой физического насилия. Когда вырос, продолжал подвергаться психологическому и духовному насилию, которое подточило его чувство собственного достоинства и отношения с окружающим миром. Никто в ходе судебного процесса не примет эти обстоятельства во внимание. Никто не поможет ему встать на путь восстановления.

Примечания:

(1) Robert Johnson, «A Life for a Life?» *Justice Quarterly*, 1, No. 4 (December 1984), 571.

(2) Jack Henry Abbott, *In the Belly of the Beast: Letters from Prison* (New York: Random House, 1981).

(3) Dennis A. Challeen, *Making It Right: A Common Sense Approach to Criminal Justice* (Aberdeen, South Dakota: Melius and Peterson Publishing, 1986).

Глава 4

Некоторые общие темы

Хотя я обсуждал проблемы жертвы и преступника по отдельности, нельзя не уловить некоторые общие темы.

Раскаяние и прощение

До сих пор я анализировал их переживания и потребности, прежде всего, в терминах личного опыта и психологии. Теперь подойдем к этому с позиции христианской.

Оба человека нуждаются в исцелении. Для полного исцеления необходимо выполнить, по крайней мере, два условия: найти путь к раскаянию и путь к прощению.

Пострадавшим для исцеления очень важно суметь простить.

С христианской точки зрения это кажется очевидным: мы призваны прощать наших врагов, тех, кто обижает нас, как Господь прощает нас. Мы не свободны до тех пор, пока нами правит вражда. Мы должны следовать примеру Господа.

С точки зрения практики, жизненного опыта это кажется сложной, почти невыполнимой задачей. Как мать или отец могут простить убийцу своего ребенка? Преодолимы ли гнев и жажда мести? Как тот, кто не пережил ничего подобного, осмеливается давать такие советы? Можно ли думать о прощении до тех пор, пока не обеспечена полная безопасность? Возможно ли восстановить доверие к окружающему миру?

Простить, как и быть прощенным, не так легко. И те, кто не могут найти в себе силы для прощения, не должны вваливать на себя за это дополнительный груз вины. Истинное прощение не может быть результатом пожелания или насилия над собой, но должно прийти в свое время и с Божьей помощью (1). Прощение — это дар, оно не должно стать непосильной ношей (2).

Поясним, что мы понимаем под прощением. Часто мы думаем, что простить — значит забыть о случившемся, вычеркнуть прошлое из нашей памяти, может быть, даже отпустить преступника безнаказанным. Но простить — не значит забыть. Эта девушка никогда не сможет — и не должна — полностью забыть о своей травме и потере. И нельзя от нее этого ожидать. Прощение не подразумевает, что мы должны перестать считать преступление преступлением. Мы вовсе не должны убеждать себя: «Это было не так тяжело, не так важно». И тяжело, и важно; и отрицая это, мы одновременно обесцениваем переживания и страдания жертвы и личную ответственность преступника.

Прощение — это освобождение пострадавшего из-под власти преступления и преступника. Не пережив прощение, не поставив точку на прошлом, мы оставляем свои раны открытыми, позволяем преступлению взять верх над нами, нашим сознанием и нашей жизнью. Таким образом, истинное прощение - это процесс освобождения и исцеления. Истинное прощение позволяет жертве выжить.

Существует несколько путей возвращения к жизни после преступления. Некоторые пострадавшие пытаются справиться с ситуацией «живя счастливо», считая, что лучший реванш после подобной трагедии — личный успех. «Они еще увидят» - таков ответ многих, и он психологически вполне оправдан. Но этот путь все еще оставляет преступника и преступление в фокусе внимания. Прощение же позволяет тяжелым переживаниям отойти на задний план, стать лишь воспоминанием о событии, пусть существенном, но переставшем занимать главное место в жизни.

Прощению содействуют некоторые условия. Существенную роль может сыграть признание преступником своей ответственности, выражение им сожаления, раскаяния. Важным условием становится и поддержка со стороны окружающих, а также ощущение восстановленной справедливости. Существенный момент в «исцелении памяти» — молитва. Представители церкви могут помочь, выслушав исповедь и отпустив грехи. Все мы, особенно наши церкви, несут ответственность за создание соответствующей атмосферы, в которой может произойти такое исцеление.

Как я уже отмечал, обретение ощущения восстановленной справедливости может происходить по-разному. Один из таких способов отражен в библейском образе плача,

который мы встречаем в некоторых псалмах. Обращаясь к задачам Церкви, богослов Вальтер Брюгеманн очень точно определил его смысл:

«Зрелость — это способность открыто говорить об отрицательных сторонах явления. Я представляю себе священника, стоящего рядом со мной и спрашивающего; все ли ты высказал или что-то еще осталось? И я обнаруживаю, что, если я все открываю, ничего *не* утаивая, то иду домой обновленным и свободным. Но если мы не обращаемся к Богу с плачем, мы оставляем страдание в себе на всю нашу жизнь. Мы живем в мире людей, ждущих случая доверять свои страдания Господу. Тайна заключается в том, что если вы честно говорите о них Богу, Бог не пугается их, не обижается, не отдаляется, но, напротив, становится ближе... *Очень много людей в нашей подавленной культуре испытывают постоянную потребность высказывать свою ярость, ненависть, обиды и страх.* Люди не могут петь акафисты с такой свободой и легким сердцем, если до этого они не имели возможности выразить во всей полноте боль потерь и обид. Задача пастора — позволить людям говорить о том, что их волнует, чтобы потом они могли свободно славить Господа...

Задача Церкви не в том, чтобы говорить о хорошем, но чтобы говорить правду. Иногда единственная правда — та, что причиняет страдания. Псалом 87 написан как раз для таких ситуаций. Единственная правда, выраженная в этом псалме, — чувство боли и возможность дать душевной ране открыться. Следующий день может быть днем исцеления и миропомазания, но сегодня рана нуждается только в чистом воздухе. Псалом 87 не боится той болезненной правды, что в жизни бывают тяжелые, горькие моменты». (3)

На Церкви лежит ответственность за этот процесс. К сожалению, она слишком часто пыталась избежать страдания, обойтись без плача. Но в то же время от пострадавших требовала прощения. И неохотно прощала пострадавшим их естественные чувства гнева и враждебности по отношению к преступнику, обществу и Богу.

Так же как жертве нужно простить, преступнику нужно получить прощение. Как иначе он может справиться со своим чувством вины? Как еще может начать новую жизнь? Как может обрести чувство собственного достоинства? Как может быть спасен?

Преступники, вопреки общему мнению, нередко испытывают раскаяние в содеянном. Но чувство вины представляет собой угрозу для самооценки и чувства собственного достоинства. Одно исследование показало, что преступникам свойственны сильные приступы страха, среди основных причин которого — ощущение собственной «никчемности», незначительности (4). Отсюда, преступники прибегают к различным способам, лишь бы заглушить чувство вины и сохранить самоуважение.

Один из таких способов содействует формированию у преступников того, что Михаил Игнатъев определил как «стратегия самооправдания» (5). Они могут оправдывать себя тем, что «все так делают», что жертва «заслужила» это или вполне может справиться с причиненным ущербом, что они были спровоцированы на подобные действия. Они обращаются к языку социального и психологического детерминизма, утверждая «я развращен, потому что обделен». Точно так же склонность преступников придавать столько значения несправедливости, которой они подвергаются в ходе судебного процесса, нередко оказывается лишь попыткой забыть о собственной вине.

Чтобы примириться с собственной совестью, некоторые преступники даже выдумывают замысловатые истории о себе и о том, что совершили. Некоторые испытывают чуть ли не раздвоение личности, проводя строгую грань между Я-виновным и Я-подлинным.

Думаю, в основе переживаемых преступниками таких сильных эмоций, как гнев и ярость, лежит чувство вины. Признание вины оборачивается ненавистью к себе. Отрицание вины может обернуться ненавистью к окружающим. В любом случае подобная ненависть крайне разрушительна.

Некоторые утверждают, что чувство вины преодолевается через понесенное наказание: принимая наказание, преступник выплачивает свой долг и освобождается от чувства вины. Теоретически трудно определить, так ли это, но практика почти не дает положительных примеров. Чтобы наказание могло снять чувство вины, оно в глазах преступника должно быть законным и заслуженным. Однако такое случается нечасто. Больше того, преступнику трудно понять и согласиться с тем, что вред нанесен обществу и что долг, следовательно, должен быть выплачен обществу. Это слишком абстрактно, и к тому же преступники видят мало связи между собой и обществом.

У нас нет ритуалов, символизирующих, что долг выплачен и вина искуплена. Как отмечает Игнатъев, прощение снимает бремя долга в той же степени, если не больше, что и наказание. Однако обычно считают, что наказание должно предшествовать прощению. На

деле же наказание приносит только больший вред и кажется преступнику незаслуженным, тем самым закрывая возможность испытать прощение.

Новая жизнь требует одновременно прощения и исповеди. Для полного восстановления преступники должны исповедаться в совершенном зле, почувствовать свою ответственность и признать нанесенный вред. Лишь после возможно раскаяние, ведущее к началу новой жизни. Исповедь и раскаяние — таков путь исцеления преступников, но этот путь может принести исцеление и пострадавшему.

Но ничто: ни раскаяние, ни исповедь, ни прощение со стороны Бога или жертвы — не может уничтожить последствий действий преступника. Благодать, милость не даются так просто. Остаются еще обязательства по отношению к жертве. И тем не менее, спасение и свобода возможны.

Путь к такому спасению, по утверждению многих тюремных священников и посетителей, лежит в признании собственной глубокой греховности и недостойности, так как грех коренится в себялюбии (6).

Преступникам часто недостает представлений о нравственности, они больше заняты собственными проблемами и не способны разделить переживания окружающих. Однако, как я уже отмечал, эта озабоченность своими проблемами коренится в неуверенности в себе, а возможно, и ненависти. Но если это так, условием исцеления может стать открытие того, что их ценят и любят, а вовсе не дальнейшее подтверждение их никчемности.

И жертва и преступник нуждаются в исцелении; последнее возможно лишь через прощение, исповедь, раскаяние и примирение. Некоторые из этих актов осуществляются в отношениях между личностью и Богом, личностью и церковью, личностью и общиной. Но точно также прощение, исповедь, раскаяние и примирение должны быть включены и в отношения — которых, возможно, и не было до преступления — между жертвой и преступником.

К сожалению, наша современная система уголовной юстиции ничему такому не способствует; даже напротив, делает примирение почти невозможным. В ходе уголовного процесса нет места для раскаяния, тем более — прощения. Больше того, своим характером процесс способствует тому, что преступники отрицают свою вину и сосредотачиваются на собственном положении. Такой процесс создает барьер между преступником и жертвой, подталкивая их к противостоянию, и тем самым препятствует поиску точек соприкосновения в понимании происшедшего и в разрешении конфликта.

Мое последнее утверждение можно наглядно проиллюстрировать случаем с молодым преступником, которого я встретил много лет назад. Отбывая срок наказания в тюрьме, он стал христианином. Когда он был досрочно освобожден, его предупредили: «Мы понимаем, что теперь вы стали христианином. Возможно, вы намереваетесь вернуться к вашей жертве и восстановить справедливость. Если вы только приблизитесь к жертве, немедленно снова окажетесь здесь!» Такая реакция понятна, но все-таки это трагедия.

Власть над собственной жизнью

Вопрос личной независимости и автономии стоит во главе угла проблематики преступления и правосудия, как их воспринимают преступник и жертва.

Одно из самых болезненных переживаний пострадавшего — это потеря внутренней свободы, отнятой у него преступником. Чтобы быть полноценной личностью, нам нужно осознавать возможность управлять собственной жизнью и судьбой. Преступник, присвоив себе право распоряжаться чужой жизнью, превращает жертву в вещь, предмет. Это необыкновенно унижительно.

Когда у людей отнимают нечто столь существенное, как чувство независимости, они стремятся вернуть себе способность распоряжаться своей жизнью. Жертвы преступлений нуждаются в восстановлении такого самоощущения и пытаются добиться этого самыми разными способами. Для одних выход заключается в преодолении, в понимании того, что они выжили, в достижении жизненного успеха. Другие принимают дополнительные меры предосторожности для обеспечения своей безопасности либо используют другие пути восстановления контроля над своей жизнью. Иные требуют мщения и сурового наказания. Некоторые способны вернуться к жизни через христианское всепрощение. В любом случае,

возможность распоряжаться собственной жизнью — лишение и возвращение этой возможности — вот главная тема переживаний пострадавшего.

Эта же тема — в центре переживаний преступника. Вообще много людей чувствует свою беспомощность и никчемность. В нашем обществе это ощущение отсутствия власти над собой и своей жизнью воспринимается молодыми людьми, как покушение на их мужественность, поскольку мужественность и власть часто отождествляются. Один из способов обретения уверенности в себе и ответа на подавление со стороны общества заключается в унижении другого. Гомосексуальное изнасилование в тюрьме принадлежит как раз к таким способам. Большинство преступлений — только извращенная попытка утверждения личной власти и значимости, неуклюжий способ самовыражения.

Но неужто и впрямь люди в нашем обществе чувствуют себя столь неуверенными? Безусловно, подобное утверждение противоречит американскому мифу о вознаграждении за способности: все, кто обладают определенными способностями и не боятся тяжелой работы, могут многого добиться в жизни. Если же им это не удастся, пусть винят самих себя. Более того, успех мерится материальным достатком. Власть и богатство — вот основные критерии успеха и значимости. Но независимо от того, соответствует ли реальности миф об личном выборе и вознаграждении (что сомнительно в отношении многих), мало бедняков верят в него, во всяком случае, в отношении самих себя.

Я часто задумывался над тем, что, по-видимому, грань, разделяющая низшие и средние классы нашего общества, определяется не столько воспитанием и богатством, сколько ощущением личной независимости и свободы выбора. Большинство из тех, кто вырос в семьях средних и высших классов, верят, что они хозяева своей судьбы. Хотя существуют различные препятствия, а также удача и провидение, которые играют определенную роль, мы все же верим, что обладаем реальным выбором, властью распоряжаться своей судьбой.

Бедняки чаще всего не верят в это. С их точки зрения, то, что с ними происходит, — результат случая, а не предпринятых ими действий. Успех они воспринимают скорее как выигрыш, а не результат собственных усилий. Если же они подвергаются аресту за преступление, — это тоже игра случая, а не результат нарушения закона. Суть даже не в том, могут ли они реально совершать выбор, а в том, что они не верят в саму возможность выбора. Для некоторых людей преступление, тем самым, может стать способом обретения власти, которой им так недостает в жизни.

Многие считают, что события происходят помимо их воли. Такая установка подрывает теорию предупреждения преступности, базирующегося на устрашении. Для того, чтобы эта теория оказалась эффективной, люди должны верить, что их действия являются результатом свободного выбора, который, в свою очередь, влечет за собой определенные последствия. Но опрос, проведенный Паркером Россманом среди молодых жителей Нью-Йорка, многократно нарушавших закон, показывает иную картину (7).

Каждый день эти юноши наблюдали, как полиция арестовывает невинных людей. Каждый день они сталкивались с преступниками, которые разгуливали на свободе. В их представлении между преступлением и наказанием нет явной связи. Наказание для них, все равно что дождь. Дождь то польет, то перестанет. На виновного и невинного дождь льет одинаково. Большинство из них предполагает, что раньше или позже они тоже будут арестованы и понесут наказание. Как и все остальное в их жизни, это должно произойти под действием неуправляемых сил.

В нашем обществе немало тех, кто лишен ощущения власти над собственной жизнью, и преступление может оказаться способом самоутверждения. В подобном контексте наш ответ на поступки тех, кто отнимает у других возможность распоряжаться собственной жизнью с тем, чтобы компенсировать собственную неуверенность, более чем странен: мы еще больше подрываем их ощущение собственной значимости и самостоятельности. Вся правовая система рассчитала именно на это — на подавление преступников всей мощью государства и усугубление их неуверенности. В ходе уголовного процесса с ними обращаются как с пешками. Направляют в тюрьмы, где еще больше ущемляют их личную свободу и чувство собственного достоинства, если только они не найдут возможность утвердить себя в какой-нибудь извращенной форме. Таким образом, они сопротивляются «исправлению» по тем же причинам, что пострадавшие сопротивляются нападению: потому что им отказывают

в собственной автономии. Как же мы можем надеяться, что заключенные выйдут из тюрьмы с чувством собственного достоинства, не основанным на подавлении других? (8)

Пострадавшим в ходе судебного процесса тоже отказано в самостоятельных решениях. Их потребности никого не интересуют, и сами они остаются за пределами процесса правосудия, что усугубляет их чувство беспомощности.

Итак, и преступнику, и пострадавшему в ходе уголовного процесса отказано в самостоятельных решениях, что наносит вред обоим. Но одностороннее право на принятие решения имеет и другие последствия. Концентрация власти в одних руках может развратить тех, кто ей обладает, внушить им, что они выше закона. Подобное средоточие власти плюс различия в образовании и социальном статусе часто приводят к тому, что люди, играющие ключевую роль в правосудии, не способны проникнуться чувствами и переживаниями тех, у кого этой власти нет, будь то преступник или пострадавший. Они часто отказываются принимать к сведению точку зрения, отличную от собственной. Средоточие власти в руках обвинителя и судьи усугубляет проблему.

Итак, преступление нередко есть способ самоутверждения преступника. Преступник лишает свою жертву индивидуальной свободы и власти над собой. Для психологической реабилитации пострадавшие нуждаются в восстановлении чувства автономии. Что касается преступников, то их личностная работа должна быть ориентирована на развитие самостоятельности и внутренней свободы, не связанных с подавлением других. На деле же, процесс уголовного правосудия только усугубляет проблему, лишая преступника и жертву законного чувства самостоятельности, власти над собственной жизнью, одновременно концентрируя всю власть в руках немногих.

Теперь попробуем сопоставить проблемы преступника и пострадавшего с несколько иной точки зрения.

Судья Чэллин отметил, что одна из основных черт, присущих большинству преступников, с которыми он сталкивался, состоит в том, что в глазах общества все они — неудачники (9). И именно неудачники чаще всего склонны отстаивать себя с помощью преступления. Для них угроза наказания не так страшна, как для многих других. Устрашение, заключает судья, менее всего эффективно именно для тех, кто больше всего в нем нуждается: кто терпит постоянные неудачи, кому нечего терять, кто в самую последнюю очередь думает о последствиях в виде ареста и наказания.

Говоря о пострадавших, норвежский криминолог Нильс Кристи обратил внимание, что виктимизация сама по себе не является чем-то очевидным (10). Скорее, она «создается» в интерпретации события его участниками. При одинаковых обстоятельствах одни считают себя жертвами, другие — неудачниками, третьи — победителями. То, как «жертва» интерпретирует ситуацию, зависит от многих факторов. Если человек, проанализировав случившееся, приходит к выводу, что ему причинен вред, он может счесть себя жертвой. А кто-то другой свыкся с положением неудачника. И будучи неспособным увидеть причиненный ему вред, может истолковать ситуацию как очередное невезение, новое подтверждение того, что он неудачник.

И Кристи, и социологи Ричард Сенетт и Джонатан Кобб обратили внимание, что наше общество склонно внушать людям, оказавшимся на дне, что они в большей степени неудачники, чем жертвы (11). Дети из семей рабочих чаще всего объясняют свою несостоятельность личными недостатками, а не социальной несправедливостью. Именно бедняки особенно часто считают себя неудачниками.

Люди, привыкшие считать себя неудачниками, могут пойти на преступление с единственной целью — самоутвердиться.

В то же время, поскольку они уверены, что все, что с ними происходит, есть просто «игра случая», постольку угроза тюрьмы и наказания не является для них сдерживающим фактором. Так возникает новый класс жертв: жертв-преступников.

Одни из таких жертв осознают себя таковыми, другие — нет. Люди, привыкшие к невезению и сталкивающиеся с преступлением ежедневно, видят себя неудачниками, теряют контроль над своей жизнью и рассматривают преступление как очередную неудачу. Бедственное социальное положение только усугубляет их ситуацию. Именно из этой группы и выходят многие преступники. И создается порочный круг.

Мистификация преступления

Случай с молодым человеком, ограбившим и ранившим девушку, привлек к себе много внимания внутри общины. Однако — как и в большинстве подобных случаев — сообщения о событиях и действующих лицах были существенно искажены как в средствах массовой информации, так и в ходе судебного процесса.

Искалеченный жизнью юноша, нанеший рану девушке, стал *преступником*, некоей абстракцией, стереотипом, с которым и обходились соответственно. Раненая девушка стала *жертвой*, но ее нужды остались без должного внимания. Событие превратилось в *преступление*, которое описывалось и трактовалось с точки зрения символических и правовых категорий, непонятных его непосредственным участникам. Весь процесс был мистифицирован, превращен в некий миф, ставший удобным инструментом прессы и политики.

Преступление занимает много места в ежедневной информации, которую мы получаем из газет. Исследования показали, что отчасти это объясняется коммерческими интересами: сенсации привлекают людей. Но преступление занимает столько места еще из-за того, что это «легкие новости». В отличие от других новостей, сведения о преступлении легко доступны: репортеру достаточно поддерживать связь с полицией и прокурором. Но эти «новости» часто бывают необъективными, и принимаются журналистами без достаточной критики. Информация о преступлении, поступающая из официальных источников, часто не подвергается сомнению и не проходит дополнительной проверки. Чтобы иметь постоянный доступ к подобной информации, журналисты должны оставаться в добрых отношениях с полицией и прокурором, что отнюдь не способствует объективности. Следовательно, информация о преступлении подается с точки зрения официальной власти. Такая информация не только страдает односторонностью, но также представляет *преступление* как абстракцию и миф.

Преступление служит и важным орудием в руках политиков. *Преступление* может стать палкой для битья. Взгляды на преступление в значительной мере определяют положение человека в обществе. Являетесь ли вы жестким реалистом? Или мягкотелым идеалистом? Высказаться по поводу *преступления* значит принять определенную сторону, занять некую позицию, как мы это увидели в президентских выборах 1988 года в США.

И снова за всем этим теряются чья-то боль и реальные обстоятельства преступления. По мере того, как процесс мистифицируется и мифологизируется, он все дальше отрывается от жизни. Такой процесс вселяет в нас страх.

Все это сказывается на нашем чувстве общности. Сталкиваясь с *преступлением*, мы встаем перед определенным выбором. Мы можем сплотиться и вместе противостоять «врагу». Чувство общности, возможно, и возрастет, но это будет обороняющаяся, замкнутая на себе, агрессивная община. Или мы можем поспрятаться по домам, перестав кому-либо верить. Чувство общности, и так ослабленное, еще больше пострадает.

Таким образом, то, как мы отвечаем на преступление, имеет серьезные последствия для нашего будущего.

Примечания:

(1) Мне помогли работы Marie Marshal *Fortune Sexual Violence: The Unmentioneable Sin* (New York: Pilgrim Press, 1983), and «Justice-Making in the Aftermath of Woman-Battering», in *Domestic Violence on Trial*, ed. Daniel Sonkin (New York: Springer Publishers, 1987), pp. 237—248. Сравни Jeffrie G. Murphy and Jean Hampton, *Forgiveness and Mercy* (Cambridge University Press, 1988) and Thomas R. Yoder Neufeld, «Forgiveness and the Dangerous Few: The Biblical Basis», address to the Christian Council for Reconciliation, Montreal, Qedec, November 18, 1983.

Мортон МакКаллум-Патерсон высказал предположение, что прощение может подразумевать добровольный отказ от возмездия. Также оно может подразумевать готовность передать все в руки Господа. Он указал на то, что корень слова «прощение» в Новом Завете означает передавать или откладывать. См.: *Toward a Justice That Heals* (Toronto: The United Church Publishing House, 1988), стр. 56.

(2) Спасибо Дейву Уорту за это удачное замечание.

(3) По материалам семинара по изучению псалмов в Торонто, Онтарио. Цит. по «A Reflective Analysis on Reconciliation as It Relates to Criminal Justice», неопубликованному докладу по результатам дискуссии рабочей группы Национальных ассоциаций в сфере уголовного правосудия на семинаре в мае 1987 г. в Оттаве, Канада.

(4) См. David Kelley, «Stalking the Criminal Mind: Psychopaths, “Moral Imbeciles”, and Free Will», *Harper's*, August 1985.

(5) Ignatieff, «Imprisonment and the Need for Justice.»

(6) См. Gerald Austin McHugh, *Christian Faith and Criminal Justice: Toward a Christian Responce to Crime and Punishment* (New York: Paulist Press, 1978), pp,172ff.

(7) Parker Rossman, *After Punishment What?* (Cleveland, Ohio: Collins, 1980).

(8) Особенно полезным источником для анализа вопроса о власти является Richard Korn, «Crime, Criminal Justice, and Corrections», *University of San Francisco Law Review*, October 1971.

(9) Dennis A. Challeen, *Making It Right* (Aberdeen, South Dakota: Milieus and Peterson Publishing, 1986), pp. 21ff. and 43ff.

(10) Nils Christie, “The Ideal Victim.” Неопубликованная лекция, прочитанная в рамках 33-го международного курса по криминологии, Ванкувер, Британская Колумбия.

(11) Jonathan Cobb and Richard Sennett, *Hidden Injury of Class* (New York: Cambridge University Press, 1977).

ЧАСТЬ II

Парадигма правосудия

ГЛАВА 5

Карательное правосудие

В процессе отправления правосудия боль и потребности обеих сторон — пострадавшего и преступника — остаются без должного внимания. Больше того, иногда наносится и дополнительный вред.

В судебном процессе преступление начинает выходить за границы реальности: преступление мистифицируется и мифологизируется, его превращают в некий символ, которым манипулируют политики и пресса.

На протяжении последних нескольких веков предпринималось довольно много попыток преобразовать этот процесс. Бытующее мнение, что «ничто не помогает» и реформаторские усилия не дали никаких положительных результатов, не совсем верно. И все-таки многие реформы, если не большинство, зашли в тупик, привели к самым разным непредвиденным последствиям: результаты резко отличались от первоначальных замыслов. Тюремь, например, исходно рассматривались как гуманная альтернатива телесному наказанию и смертной казни; тюремное заключение должно было ответить на потребность общества в наказании и изоляции преступников и одновременно содействовать их перевоспитанию — однако уже в течение первых лет введения тюрем они стали местами ужаса. В результате зародилось движение за реформирование тюрем.

Признание того факта, что тюрьмы не соответствуют требованиям, которые к ним предъявлялись первоначально, в скором времени привело к поискам «альтернатив» тюремному заключению (1). Вводилось много альтернатив, но их опыт никак нельзя назвать положительным. Часто они служили альтернативами другим «альтернативам», но не заменой лишения свободы. Слишком часто эти альтернативы не доводились до каких-либо официальных действий. Одновременно с распространением «альтернатив» численность тюремного населения продолжала расти, что вело к увеличению числа людей, подпавших под контроль и наблюдение со стороны государства. «Сеть» контроля и отслеживания разрасталась по всем направлениям, но при этом без какого-либо заметного влияния на преступность; основные потребности жертвы и преступника все так же оставались без внимания.

В чем же причина? Почему непосредственные потребности вовлеченных в преступление людей — говорим ли мы о правонарушителе или о том, чьи права нарушены, — почему их потребности оказываются столь незначимыми для отправления «правосудия»? Почему преобразования, призванные реформировать систему правосудия, часто так бессильны изменить этот стандарт? Ответ коренится в нашем общем понимании сущности преступления и правосудия. И до тех пор, пока мы не обратимся к обсуждению этих базовых определений и понятий, вряд ли стоит ожидать подлинных изменений.

Но существуют ли и в самом деле общие, единые для всех определения преступления и правосудия? На первый взгляд, мы обнаруживаем значительные расхождения, даже среди профессиональных юристов. Судьи, к примеру, демонстрируют удивительное разнообразие во взглядах на то, какое наказание соответствует тому или иному преступлению, и почему. В этом основная причина такого серьезного недостатка, как отсутствие единообразия в вынесении приговоров. Расхождение во взглядах и даже в философских концепциях отчетливо проявилось в ходе исследования, когда нескольким судьям дали на рассмотрение идентичные дела и спросили, какой бы приговор они вынесли. Разница в результатах

поистине захватывающая. Каждый судья, каждый прокурор, каждый работник службы пробации действует в соответствии с собственным пониманием того, что справедливо, а представления эти могут значительно расходиться.

Таким образом, существуют разные точки зрения на то, как мы должны реагировать на преступление. Чтобы объяснить это разнообразие, в США часто прибегают к словам «либеральный» и «консервативный». От консерваторов ждут быстрого, уверенного и непреклонного приговора, а также пренебрежения правилами, защищающими права обвиняемого. Консерватор, в нашем представлении, должен подчеркнуть осознанность преступных действий подсудимого и необходимость ответственности, игнорируя смягчающие обстоятельства дела. От либералов, напротив, мы ждем большего внимания к правам подсудимого и смягчающим обстоятельствам. И нам кажется, будто у либералов и консерваторов совершенно различные взгляды на преступление и правосудие (2).

Однако эти «противоположные позиции» на самом деле могут не так уж сильно различаться. При более внимательном анализе мы находим, что большинство из нас придерживается взглядов, которые стоят поверх указанных различий. Одни из этих взглядов нашли свое воплощение в уголовном законе, другие нет. Важно понять, в чем их содержание.

При ответе на вопрос, идет ли речь именно о преступлении и как следует на него реагировать, мы исходим из некоторых основных предпосылок. Мы считаем, что:

- 1) виновность должна быть установлена;
- 2) виновный должен «получить по заслугам»;
- 3) справедливое возмездие предполагает страдания;
- 4) критерием правосудия является надлежащая правовая процедура;
- 5) действие подпадает под категорию преступления только в том случае, когда имеет место формальное нарушение закона.

Рассмотрим эти предпосылки более внимательно.

Установление виновности

Вопрос виновности — центральный для уголовного процесса. Установление виновности — основная задача, вокруг которой и из которой разворачивается весь уголовный процесс.

Важность этой задачи, серьезность вытекающих из ее решения последствий настолько существенны, что все здесь регулируется специально разработанными законами. Как только виновность установлена, забота о соблюдении процессуальных гарантий и прав обвиняемого идет на убыль.

Центральное место, которое виновность занимает в правосудии, приводит к тому, что решению суда о наказании придается меньшее значение. Обучение в юридических институтах фокусируется на законах и процедурах, относящихся прежде всего к установлению виновности, что же касается вынесения приговоров, то в этой области подготовке студентов уделяется недостаточное внимание. Соответственно, лишь немногие судьи и еще меньше процессуальные стороны профессионально оснащены в части определения наказания по уголовным делам.

Такая озабоченность установлением виновности свидетельствует о вполне определенной тенденции: прошлое интересует нас больше, чем будущее. «Что случилось? И кто виноват в этом?» — эти вопросы стоят на первом месте, предваряя обсуждение проблем, возникших в результате преступления (или оказавшихся его причиной). Профессиональные юристы посвящают мало времени обсуждению того, что может быть сделано для предотвращения новых проблем в будущем.

Понятие виновности, которое конституирует судебный процесс*, — довольно узкая, в высшей степени юридико-техническая конструкция, предполагающая «объективное» или описательное содержание. Совершило ли данное лицо преступление в том виде, как оно описано в законе? Было ли деяние умышленным? Был ли в данном случае нарушен закон?

Установление виновности в ее юридическом смысле дает лишь ответы на вопросы, было ли данное действие совершено обвиняемым, и если да, подлежит ли он по закону наказанию.

В юриспруденции понятия преступления и виновности облакаются в особые формы и трактуются иначе, чем их переживают пострадавший и преступник. Вердикт суда о признании подсудимого виновным может очевидным образом и не отражать настоящее преступление. Нередко складывается впечатление, что судебная трактовка виновности-невиновности имеет мало отношения к тому, что произошло реально. Как недавно признали некоторые апологеты этой системы, «юридическая виновность, а не фактическая... является основой уголовного процесса» (3).

Подсудимый довольно скоро сталкивается с такой ситуацией. Его могут обвинить в чем-то, что звучит совсем иначе, чем то, что он совершил на самом деле. Официальное обвинение может быть результатом переговоров между его адвокатом и прокурором. Даже если он и совершил преступление, юридически он может оказаться невиновным*, поэтому ему могут посоветовать виновным себя не признавать. И он может поверить, что и в самом деле невиновен. Даже если по закону он виновен, адвокат, чаще всего (на определенной стадии процесса) советует ему вину не признавать. В переводе с юридического на обыденный язык «не признавать себя виновным» означает «я требую суда»** или «мне нужно больше времени»***. Все это ведет к сокрытию истины и затемняет нравственную подоплеку феномена виновности-невиновности.

В правовом отношении вопрос виновности — это вопрос «или-или». Степень опасности преступления может быть разной, в то время как степень виновности (в юридическом смысле) никак не измеряется: вы либо виновны, либо не виновны. Кто-то должен выигрывать, кто-то проигрывать. Нильс Кристи точно определил смысл этого:

«Мы рассматриваем суды как воспитательные учреждения, защищающие общественные нормы, но реально они в скрытой форме учат оценивать людей, исходя из примитивной дихотомии» (4).

Процессуальное понятие виновности является техническим и описательным, констатирующим (descriptive), в то время как преступник может иметь дело и с другими профессионалами, чей подход богослов Том Йодер Нефильд назвал «предписывающим» («prescriptive»). Соответствующая концепция объясняет преступление в логике причинно-следственных связей, позволяющей указать на его предсказуемость, предопределенность. В этом плане преступление рассматривается чаще всего в социальном и психологическом контексте (5).

Психолог, например, может подойти к понятию виновности с точки зрения, отличной и от юридической, и от этической. Он может вообще обойти обсуждение этого понятия. Скорее, он сосредоточит внимание на психологических факторах, которые привели к тому или иному действию, и возможно, станет рассматривать поведение обвиняемого как показатель его болезни или какого-либо серьезного функционального нарушения. Социолог, в свою очередь, сосредоточится на паттернах и причинах поведения с точки зрения социальных факторов: семья, близкое окружение и общество в целом. Если юрист обращается с преступником как с самостоятельным индивидом, принимающим более или менее сознательные решения, социологи и психологи будут рассматривать его, хотя бы отчасти, как реагирующего на разнообразные внешние обстоятельства. При подобном подходе встает вопрос о том, в какой мере преступник несет личную ответственность за нарушение закона и вообще, в какой степени он является нарушителем, а в какой — жертвой.

В то время как специалисты в области юриспруденции и социальных наук вкладывают в понятие виновности каждый свое содержание, большинство людей, включая и многих официальных лиц из сферы уголовной юстиции, придерживаются третьего подхода. Такой подход можно было бы назвать морализаторским или «приписывающим» (ascriptive). В массовом сознании бытует мнение, что вина (виновность) не столько характеризует поведение человека, сколько свидетельствует о его моральных качествах. Вина совершившего преступление как бы указывает на наличие у него некоего несмываемого отрицательного свойства. Вина «прилипает» к нему чуть ли не на всю жизнь, и от нее почти

невозможно избавиться. Однажды обвиненный в воровстве в глазах людей навсегда останется вором, попавший в тюрьму - бывшим заключенным, бывшим преступником, уткой. Это приписывается ему как неотъемлемое свойство и забывается с трудом.

Молодой преступник, о котором я говорил вначале, так и останется с плохой репутацией и в сознании людей будет связан с этим преступлением независимо от того, какие положительные качества у него есть или разовьются в будущем. Тот факт, что он совершил преступление, скажется на возможностях его трудоустройства, карьере, на всей его жизни. Вина, а вовсе не индивидуальные свойства будут играть определяющую роль в его жизни. И ничто в процессе уголовного правосудия не поможет ему преодолеть это — даже если он отдаст «долг обществу», отсидев срок.

Процессуальное понятие виновности, таким образом, в высшей степени технично и удалено от реальной жизни. В тоже время при рассмотрении одного и того же дела сталкиваются разные концепции виновности, что может просто-напросто сбить обвиняемого с толку. Его адвокат будет говорить с ним о виновности в чисто процессуальном смысле и, вероятно, в ходе процесса посоветует отрицать вину, если тот юридически не виновен или у него не будет другого выхода. Возможно, обвиняемый встретится с психологом или психоаналитиком, которые постараются помочь ему увидеть свое поведение с психологической точки зрения, и не исключено, что они заглушат в нем чувство личной ответственности. Он может натолкнуться на священника, который заведет с ним речь о нравственной вине, но также и о милосердии, благодати, прощении. Такой священник может сказать обвиняемому, что вина его реальна, и не только формально-юридически, но выход есть. Будут и другие, как например, тюремные надзиратели, отражающие массовое сознание, в соответствии с которым вина не только реальна, но и несмытаема, и он действительно «плохой человек».

Что же такое виновность? Как может ее объяснить себе тот, кто совершил преступление? Является ли он (или она) преступником или жертвой обстоятельств? Виновен ли он в самом деле? И в чем его вина? Можно ли оставить случившееся в прошлом и начать все сначала? Как сказал Нефилд, преступники постоянно сталкиваются с терминологией вины, но им отказано в ясном и доступном языке, который мог бы разъяснить это понятие. И даже нет механизмов для разрешения этой проблемы.

Юридическое и массовое представления о виновности, которые определяют нашу реакцию на преступление, перемешаны и даже противостоят друг другу, но у них есть общая черта: они в высшей степени индивидуалистичны. Западные законы и ценности основаны на вере в человека как свободного и нравственного члена общества. Если кто-то совершает преступление, мы считаем, что оно совершено по собственной воле. Таким образом, и наказание вполне заслуженно, так как оно есть следствие свободного выбора. Люди несут личную ответственность. Виновность индивидуальна.

Итак, западные законы и ценности исходят из фундаментального утверждения о человеческой свободе и личной ответственности, и примитивный детерминизм здесь явно неадекватен. И все же в западной культуре возникают проблемы с тем, в какой форме воплощаются наши представления о свободе и ответственности.

Немало фактов указывает на то, что довольно часто человек, совершивший преступление, был лишен свободного выбора или, по крайней мере, считал себя ограниченным в необходимой свободе. Как я указывал в предыдущей главе, многие люди в нашем обществе отнюдь не считают себя свободными и ответственными за собственную жизнь. Напротив, они рассматривают себя как продукт действия почти непреодолимых сил — социально-экономических или провиденциальных. В таком контексте понятия человеческой свободы и ответственности приобретают иное значение.

Кроме того, индивидуалистическое понимание виновности и ответственности упускает из виду обстоятельства, влияющие на поведение. Хотя все мы несем ответственность за совершенные поступки, социальный и психологический фон, на котором протекает наша жизнь, бесспорно влияет на наш актуальный и потенциальный выбор. Социальные, экономические, политические и психологические факторы оказывают суще-

ственное влияние на поведение, но индивидуалистический подход к пониманию виновности игнорирует это обстоятельство.

Мотивы, побуждающие к совершению предосудительных действий, намного сложнее, чем мы соглашаемся признать при индивидуалистическом подходе. Апостол Павел бесспорно учитывал сложность решения вопроса об ответственности, которую человек несет за свои проступки. Хотя он считал, что люди делают самостоятельный выбор и несут ответственность за свое поведение, он признавал, что представление о человеке как существе абсолютно свободном в своих действиях не отдает должное власти и вездесущности зла. В Послании к Римлянам, в главе 7, Павел с болью говорит о борьбе с силами зла в собственной жизни, о своей склонности поступать не так, как следует. Он полагает, что существует разница между реальной и потенциальной свободой, рассматривая свободу как дар, а не качество, присущее человеку. Преступление может служить некоей моделью поведения, формируемого различными силами, и лишь отчасти есть результат свободного выбора. Сломать подобную модель очень трудно.

С точки зрения индивидуалистического подхода к вопросам вины и свободы личность свободна в выборе и предвидит последствия своего выбора. Мы предполагаем, что человек меняет свое поведение, ориентируясь на возможные последствия. Но подобные послышки не принимают во внимание тот факт, что люди могут вовсе не считать себя свободными. Индивидуалистический подход приписывает людям способность связывать в сознании поведение и его последствия, более того, предвидеть отдаленные результаты. Он вообще не учитывает характер преступления во всей его сложности. Он, наконец, не принимает во внимание социальный, экономический и психологический фон, на котором разворачивается конкретное событие. Следовательно, правосудие, с позиции преступников, осуществляется без учета социальной справедливости и, тем самым, сохраняет существующее положение, status quo. Наказание считается, справедливым и заслуженным независимо оттого, существует ли справедливость в обществе, где преступление совершено.

Возможно, подобный взгляд на виновность и ответственность неизбежен в индивидуалистическом обществе, основанном на конкуренции, где людей оценивают в соответствии с их материальным и общественным успехом, а достижения или поражения рассматриваются как личное дело каждого. Люди оцениваются с точки зрения их доступа к богатству и власти. Считается, что те, кому не удается достичь соответствующего уровня, сами в этом виноваты. Они не просто потерпели неудачу, они стали неудачниками. То же касается и вины. Вина определяется как личное поражение. Контекст поведения игнорируется. Правонарушитель стоял перед выбором и, сделав неправильный выбор, отнесен к категории виновных.

В итоге, наше представление о правосудии прежде всего связано с установлением виновности. Отправление правосудия — своего рода театр, в котором вопросы виновности-невиновности играют главную роль. Судебное разбирательство либо признание преступником своей вины образует кульминацию драмы*, с развязкой в виде приговора. Тем самым правосудие больше занято прошлым и не уделяет достаточного внимания будущему.

Юридическое понятие виновности, которое определяет судебный процесс, в высшей степени технично, оторвано от жизни. Это позволяет преступникам уходить от сознания личной ответственности за свое поведение и, с другой стороны, оскорбляет пострадавших, которым трудно примириться с юридическим описанием события, столь расходящимся с их собственными переживаниями. Обе стороны — и преступник, и пострадавший — вынуждены для описания суду соответствующих событий изъясняться на языке «системы», вместо своего собственного.

Достаточно узкое представление о виновности, которое используется в правосудии, и акцент на индивидуальном поведении позволяет пренебречь социальными и экономическими причинами и контекстами преступления. Иными словами, мы пытаемся воплотить в жизнь справедливость, не замечая многих существенных факторов. А так как виновность рассматривается с точки зрения «или-или», это приводит к упрощенному

видению мира, в котором все делится на хорошее и плохое, на них и нас. Правосудие становится драмой виновности, театром морали, где перед нами разыгрывают примитивное представление о мире.

Но юридическое понятие виновности действует совокупно с некоторыми другими концепциями. Сам по себе этот факт создает некоторое замешательство среди участников процесса и может способствовать тому, что преступник будет отрицать ответственность за свои поступки. Некоторые из таких концепций — как, например, концепция несмыслимой и пожизненной вины — имеет серьезные и далеко идущие последствия для подсудимого.

Преступники должны нести ответственность за то, что совершили. Один из аспектов ответственности состоит в понимании и признании своего преступления. Однако бытующие у нас трактовки виновности, в лучшем случае, не поощряют подобного сознания ответственности за преступление, в худшем — способствуют обратному. Отсутствие механизма по разрешению проблемы виновности способствует «стратегии самооправдания», когда преступник прибегает к разного рода рационализациям и стереотипам, чтобы облегчить тяжелое бремя вины. Иногда преступника подталкивают к поведению, соответствующему с социальными ожиданиями и стереотипами, которые ему приписываются в соответствии с его положением.

При том, что уголовный процесс сосредоточен на вопросах виновности и ответственности подсудимого, он еще стремится распространить ответственность за окончательное решение суда на систему правосудия в целом, в то же время отрицая нашу общую ответственность за преступления. У тех, кто принимает ключевые решения (адвокаты, прокуроры, судьи, должностные лица службы пробации*), формируется образ защитника закона, выполняющего свой долг; и такие взгляды поощряются. Им внушают, что ответственность за исход дела лежит на «системе». Это означает, что свою личную ответственность за результаты судебного разбирательства «вершители» правосудия могут отрицать; их ограждают от возможности увидеть нечто общее между собой и преступником, увидеть в преступнике такого же человека.

Рената Мор в своей работе, посвященной уголовному праву Канады, точно подметила:

«Каким же образом мы осуществляем наказание? Таким, что ни одно конкретное лицо не может взять на себя ответственность за ограничение свободы другого лица. Система уголовного правосудия... хитро разработана в виде ряда автономных подразделений. Те, кто предъявляют обвинение, те, кто вступают в прения по этому делу, те, кто выносят приговор и приводят этот приговор в исполнение, — все это разные люди, мало или почти совсем не связанные как между собой, так и с обвиняемым. У нас есть даже специальное слово, подчеркивающее особую изолированность судей. После того, как они исполнили свои функции по вынесению приговора, они становятся "functus". Это означает, что им не стоит или даже не следует... более отягощать себя мыслями и беспокойством о тяжести наказания, которое они наложили на человеческое существо. Таким образом весь процесс обеспечивает ежедневное совершение насилия над другими, при том, что ни один человек не несет личную ответственность за это» (6).

Наказание по заслугам и страдание

Как только виновность установлена, в игру вступает другое положение, определяющее процесс правосудия. Мы считаем, что преступник должен «получить по заслугам». Преступник должен получить то, что ему причитается. Правосудие должно свести счеты, «зуб за зуб». Преступление порождает нравственный долг, который должен быть выплачен, правосудие — это процесс установления равновесия. Как если бы во вселенной существовало некое метафизическое равновесие, нарушенное преступлением и требующее восстановления.

Такая концепция правосудия в большей мере имеет дело с абстрактными категориями, нежели с конкретным ущербом. Она исходит из того, что для восстановления равновесия необходимо именно наказание и что меру наказания можно рассчитать для каждого конкретного случая. Официальные лица сферы уголовной юстиции видят свою

задачу в определении соответствующей меры наказания. Преступников пытаются убедить, что, неся наказание, они выплачивают свой долг обществу.

Однако преступники с трудом соглашаются с тем, что таким образом они «выплачивают свой долг обществу». «Расплата» — понятие в высшей степени абстрактное, и нет очевидного для всех момента, который был бы признан как момент окончательного погашения долга. Расплата приносит мало пользы обществу. Больше того, даже стоит обществу денег. Говоря преступнику: «Ты обидел кого-то, так теперь мы, обидев тебя, восстановим равновесие», — мы только увеличиваем количество зла в мире.

Виновность и наказание — два кита, на которых держится система правосудия. За страдание, причиненное другим, люди должны пострадать. Только причинение страданий может восстановить равновесие.

Давайте называть вещи своими именами. Когда мы говорим о наказании, то фактически ведем речь о причинении страданий, причем преднамеренном. Нильс Кристи помог нам увидеть, что уголовный закон на самом деле является «законом страданий», поскольку представляет собой детально разработанный механизм, позволяющий отмерить «справедливые» дозы страдания (7).

Обычно мы стараемся скрыть эту сторону дела. Наша культура стремится избежать реальности страданий. Мы попытались изгнать из нашего сознания смерть и передали заботу о ней профессионалам. Мы прибегаем к эвфемизмам: мы, скорее, «отходим с миром», чем умираем (8).

Неловкость, которую мы обычно испытываем при мысли о причиняемом страдании, осложняется своего рода табу, наложенным обществом на месть как возможный мотив наших действий. Это, в свою очередь, усиливает стремление скрыть их истинную природу и мотивы.

Нам не нравится страдание и месть, и уж во всяком случае, мы не хотим, чтобы о нас думали как об их источнике, и следовательно, мы всячески затушевываем их. Но совершая «правосудие», мы делаем именно это: причиняем страдания в ответ на преступление.

Мы передаем исполнение наказания в руки профессионалов, чтобы оно было вне поля нашего зрения. Мы затемняем его истинный характер, прибегая к разнообразным терминам и рациональным объяснениям. Мы предпочитаем говорить об «исправительных учреждениях», а не о тюрьмах, о «персонале исправительных учреждений», а не об охране.

Мы изобретаем множество доводов в пользу причинения страданий. То мы прибегаем к наказанию во имя перевоспитания, то как к возможной реабилитационной мере. Часто мы наказываем, с тем чтобы предотвратить новое преступление, удержать, запугать преступника («индивидуальное устрашение»), а также страхом подобных последствий отбить охоту и у потенциальных преступников («всеобщее устрашение»). Мы причиняем страдания в целях предупреждения преступности, даже не задаваясь вопросами, а каковы результаты реализации подобного подхода и насколько он вообще срабатывает. Мы причиняем страдания, не утруждая себя вопросом, насколько нравственно заставлять страдать одного человека ради *потенциального* устрашения другого. Мы причиняем страдания, несмотря на то, что они могут не иметь никакого отношения к нуждам пострадавшего и вообще не отвечать на проблемы, связанные с преступлением. Как говорит Джон Лампен из Северной Ирландии, мы причиняем страдание, потому что нас научили думать, что в унижении и страдании суть правосудия и что зло должно сдерживаться жестокостью, а не любовью и пониманием (9).

Ирония в том, что эта аксиома уголовного правосудия — необходимость причинения страданий — может вступить в противоречие с исходным положением — необходимостью установления виновности. Из-за страха перед наказанием подсудимые неохотно признаются в совершенном преступлении. Поскольку карательные последствия чрезвычайно серьезны, правосудие нуждается в разработанной системе мер по защите прав обвиняемого, что, в свою очередь, создает трудности в установлении истины. Судьи, как и присяжные, могут оказаться не слишком склонными к осуждению, когда потенциальное наказание в их глазах чересчур сурово.

Господство концепции заслуженного наказания и причинения страданий указывает на то, что преступники оказались в мире, живущем по закону «зуб за зуб». Это, в свою очередь, лишь подтверждает жизненный опыт и мировоззрение многих из них: зло должно наказываться посредством того же зла, обидчик всегда заслуживает мести. Многие преступления совершались людьми, «наказывающими» свои семьи, соседей, знакомых.

Исследования по высшей мере наказания не смогли доказать, что угроза смертного приговора удерживает людей от совершения преступлений. По некоторым данным, пример смертного приговора кого-то может даже спровоцировать на убийство (10). Очевидно, урок, который некоторые потенциальные преступники извлекают из данной ситуации, заключается не в том, что убийство само по себе есть зло, но что тот, кто совершает зло, заслуживает смерти. Аксиома, что преступники должны получить по заслугам (а наказание — это именно то, что они заслужили), может стать уроком, отличным от того, который мы хотели бы преподать.

Уже давно всеми признано, что в основу современного уголовного законодательства положена угроза наказания для нарушителей закона. Специалисты по государственному праву отмечают, что суть государства сводится к «легитимной» монополии на насилие. Как отмечает политический философ Д.В. Мор, институты и методы права — скорее часть порочного круга насилия, нежели способ вырваться из него (11).

Процесс

Первоочередной задачей нашего судебного процесса является установление виновности, а когда она установлена — назначение наказания. Однако, следуя традиции Римского права, правосудие в большей степени определяется как процесс, нежели результат (12). Форма преобладает над содержанием: если все судебные процедуры и правила соблюдены, считается, что справедливость восторжествовала.

Со всей очевидностью демонстрируют это апелляционные суды США. Только в особых случаях решения суда могут быть обжалованы из-за неправильного решения или обнаружения новых фактов. В основном, апелляционные жалобы подаются в связи с процедурными нарушениями. Апелляционный суд не исследует содержание показаний как таковых.

Рассмотрим основные характеристики нашего уголовного процесса.

Суть процесса в состязательности. Он предполагает и поощряет столкновение интересов сторон. Через регулируемый конфликт противостоящих интересов правда, в конечном счете, выйдет наружу, и интересы обеих сторон будут соблюдены. Подобная конструкция процесса предполагает существование непримиримых интересов и всячески способствует тому, чтобы таковыми они и оставались. Состязательное правосудие становится самореализующимся пророчеством.

Джералд Ауэрбах, анализируя вынесенные в США спорные судебные решения, красноречиво показывает, что такая процессуальная конструкция есть в высшей степени индивидуалистическая модель, построенная на принципе конкуренции. Она не только продукт раздробленного, конкурирующего общества, но еще и способствует процветанию в нем этих качеств (13).

У этой конструкции есть и свои сильные стороны, но по сути она не что иное, как модель борьбы, регулируемая дуэль. И отнюдь не случайно политики и вершители закона употребляют понятие «борьба с преступностью».

В США либералы и консерваторы отличаются друг от друга тем, на чем делается акцент, но и те и другие рассматривают правосудие как конфликт, регулируемый определенными правилами. Консерваторы в ориентации на то, что называют «контроль преступности», отдают предпочтение борьбе с преступностью (обратите внимание на терминологию!), а не правам обвиняемых. Либералы же особо акцентируют внимание на важности прав личности — модель «надлежащей правовой процедуры». Однако и те, и другие одинаково считают, что правосудие предполагает наличие борьбы между двумя враждующими сторонами, борьбы, регулируемой определенными правилами.

При такой значимости правил и процедур особое внимание уделяется равноправию как критерию правосудия. Цель в том, чтобы ко всем подсудимым применялись одинаковые стандарты. Следует, однако, подчеркнуть две специфические характеристики такого равноправия. Во-первых, речь идет в большей степени о намерении, а не о реальном положении вещей. В реальности даже приблизительное равноправие — как мы видим на примере расовой дискриминации при осуждении к лишению свободы и смертной казни — большая редкость. Однако правомерность подобных приговоров трудно ставить под сомнение, если нет возможности доказать, что с подсудимым обошлись преднамеренно несправедливо.

Правосудие изображается в виде богини с завязанными глазами и весами в руках. Подчеркивается равенство всех людей в самом процессе правосудия, а не в фактических жизненных обстоятельствах. Процесс уголовного правосудия заявляет о своей полной беспристрастности в отношении к социальным, экономическим и политическим различиям, стараясь обращаться со всеми обвиняемыми, как если бы они были равны перед законом. Культивируя ценность равного обращения с людьми неравными, уголовный процесс тем самым игнорирует и даже поддерживает существующее в обществе неравноправие. Как это ни парадоксально, но таким образом правосудие во имя равноправия способствует неравноправию.

Уголовный процесс, должным образом оснащенный многочисленными правилами, вынужден полагаться на профессионалов, которые уполномочены представлять обвиняемого и государство. Это, в свою очередь, удаляет процесс правосудия от обычных людей и общин, которые вовлечены и пострадали от преступления. И жертва, и обвиняемый здесь посторонние, они лишены возможности участвовать в решении собственного дела. Так зарождается гигантский бюрократический аппарат со своими собственными интересами. Так поощряется обыкновение нашего общества обращаться к профессионалам за разрешением любых проблем.

Мы стараемся представить правосудие как совокупность процедур, регулирующих состязание или игру (14). Мы декларируем намерение равно относиться к людям в ходе процесса, но совершенно безразличны к неравным условиям их жизни и тем более к неравенству в исходе дела. В столь сложном процессе мы оказываемся зависимыми от профессионалов, выступающих от нашего лица.

Преступление как нарушение закона

Правосудие в нашем обществе определяется как применение закона, преступление — как нарушение закона.

Вместо того, чтобы поставить во главу угла нанесенный ущерб или переживания жертвы и преступника, мы фокусируемся на факте нарушения закона. Именно нарушение закона, а не ущерб или конфликт, конституирует преступление и становится поводом для начала уголовного процесса.

Из-за акцента на нарушении закона преступление и виновность подпадают под определения чисто юридического характера. Как я уже отмечал, вопросы нравственности и социальных обстоятельств становятся не только второстепенными, но иногда и вовсе не играют никакой роли. Контекст преступления не принимается во внимание, а если и учитывается, то лишь в той степени, в какой имеет прямое отношение к закону. Как верно указал на это Кристи:

«Правовая практика — это практика упрощения; это сформированная неспособность учитывать все факторы исследуемой ситуации и умение отбирать лишь такие обстоятельства, которые имеют юридическое значение, то есть те, которые определены как значимые первосвященниками правовой системы» (15).

Социальные, нравственные и личностные факторы значимы лишь постольку, поскольку они как таковые квалифицированы юридически, вопросы же социальной справедливости редко подпадают под такую квалификацию. Решающая роль отводится «преступному деянию», которое имеет исключительно юридико-техническую функцию.

Кто жертва?

Я попытался составить список, состоящий из пяти утверждений о преступлении и правосудии. Принято считать, что:

- 1) преступление по сути своей есть *нарушение закона*;
- 2) нарушение закона влечет установление *виновности*;
- 3) с тем, чтобы было справедливо отмерено *заслуженное наказание*;
- 4) через причинение *страдания*;
- 5) в ходе *состязания*, где *правила* и намерения превыше результатов.

Эти утверждения и их смысл помогают объяснить некоторые недостатки сложившейся системы, но есть один существенный вопрос: кого считать жертвой.

В уголовном законе преступление определено как вред, причиненный государству. Именно государство, а не человек, считается жертвой. Государство — и только государство — имеет право на ответную реакцию.

В силу того, что государство считается жертвой, уголовный закон противопоставляет преступника государству. На деле это значит, что один профессионал, представляющий преступника (адвокат), противопоставляется другому профессионалу, представляющему государство (прокурору), перед третьим профессионалом (судьей) в качестве рефери или арбитра.

Поскольку власть государства столь велика, а значение гражданских свобод столь существенно, точное соблюдение всей судебной процедуры чрезвычайно важно. Из-за обезличенности и абстрактности государства прощение и милосердие почти невозможны.

Так как государство выступает в роли пострадавшей стороны, не удивительно, что истинные жертвы оказываются вне поля зрения процесса, а их нуждам и пожеланиям уделяется так мало внимания. С какой стати кто-то должен обращать внимание на их нужды? Они даже не имеют отношения к «составу преступления». Пострадавшие служат лишь некоторым «приложением» к уголовному процессу, закон в них нуждается лишь как в свидетелях.

За последние несколько лет некоторую популярность приобрели программы по возмещению ущерба и помощи пострадавшим. Им и следовало бы быть популярными. И тем не менее, мы не можем ждать от них сколь-нибудь серьезных и долговременных результатов до тех пор, пока не будет переосмыслено наше понимание преступления: пока пострадавший не будет считаться неотъемлемым элементом в определении преступления, он так и останется скорее пешкой, чем фигурой в судебном процессе.

Процесс отправления правосудия не ставит своей задачей примирение между жертвой и преступником, так как их отношения не рассматриваются как существенная проблема. И в самом деле, как их чувства друг к другу могут быть приняты всерьез, если обе стороны не являются членами «судебного уравнения»?

Следовательно, шестое и, возможно, наиболее существенное утверждение, которым следует дополнить приведенный список, состоит в том, что *именно государство является подлинной жертвой*. Это утверждение приводит к далеко идущим последствиям.

Итак: нарушение закона означает преступление против государства; правосудие состоит в установлении виновности и определении «дозы» страдания в ходе состязания, регулируемого определенными правилами; ответственность за этот процесс (фактически — монополию) присвоило государство.

До тех пор, пока мы не начнем пересматривать эти утверждения, любые вводимые изменения вряд ли принесут какие-либо результаты. В основе нашего правосудия лежит карательная модель, и именно в ней коренится большинство наших проблем.

Примечания:

(1) Сформировался значительный корпус литературы об истории и значении «альтернативных форм». См., например, David T. Rothman, *Conscience and Convenience: The Asylum and Its Alternatives in Progressive America* (Boston: Little, Brown, and Co., 1980) and M. Kay Harris, «Strategies, Values, and the Emerging Generation of Alternatives to Incarceration», *New York University Review of Law and Social Change*, XII, No.1 (1983- 84), pp. 141—170.

(2) Анализ либерального и консервативного подходов см. Elliott Currie, *Confronting Crime: An American Dilemma* (New York: Pantheon Books, 1985). Сравни Nils Christie, «Crime, Pain, and Death» in *New Perspectives on Crime and Justice*, Issue No.1 (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1984).

(3) Donald R. Ranish and David Shichor, «The Victim's Role in the Penal Process: Recent Developments in California», *Federal Probation*, XLIX, No.1 (March 1985), p.55.

(4) Nils Christie, *Limits to Pain* (Oslo, Norway: Universitetsforlaget, 1981), p.45.

(5) Основные точки зрения в дискуссии о виновности см. Tom Yoder Neufeld, *Guilt and Humanness: The Significance of Guilt for the Humanization of the Judicial-Correctional System* (Kingston, Ontario: Queen's Theological College, 1982). Сравни McHugh, *Christian Faith and Criminal Justice*, Chapter 7, and Patrick Kerans, *Punishment vs. Reconciliation: Retributive Justice and Social Justice in the Light of Social Ethics* (Kingston, Ontario: Queen's Theological College, 1982).

(6) Renate M. Mohr, «A Feminist's Analysis of the Objectives and Alternatives Re: Punishment», неопубликованный доклад на конференции «Феминистские подходы к реформе уголовного правосудия», Оттава, Канада, 1987.

(7) Christie, *Limits to Pain*.

(8) Christie, *Crime, Pain and Death*.

(9) John Lampen, *Mending Hurts* (London, England: Quaker Home Service, 1987), pp. 61, 67ff.

(10) См., например, William J. Bowers and Glenn L. Pierce, «Deterrence or Brutalization: What Is the Effect of Executions?» *Crime and Delinquency*, 26, No. 4 (October 1980), pp. 453-484.

(11) J. W. Mohr, «Causes of Violence: A Socio-Legal Perspective.» Неопубликованный доклад на конференции Общества Джона Ховарда «Насилие в современном канадском обществе», Оттава, Канада, июнь 1986.

(12) По этому и другим допросам см. труды Herman Bianchi, в том числе рукопись «Justice as Sanctuary».

(13) Jerold S. Auerbach, *Justice Without Law?* (New York: Oxford University Press, 1983), pp. 138ff.

(14) Сравни John Griffiths, «Ideology in Criminal Procedure or a Third 'Model' of the Criminal Process», *The Yale Law Journal*, 79, No. 3 (January 1970), pp. 359-415.

(15) Christie, *Limits to Pain*, p. 57.

Глава 6

Правосудие как парадигма

За последнее столетие мы стали чуть скромнее относительно тех познаний, о которых можем говорить с полной уверенностью. Мы уже не так убеждены в том, что все, что, как нам кажется, мы знаем о вселенной, отражает реальное положение вещей.

Исторические и кросс-культуральные горизонты помогли нам понять, что наше мировоззрение определяется особыми линзами, через которые мы смотрим на этот мир. Современная психология обнаружила скрытые мотивы, определяющие наши мысли и поступки, продемонстрировала нам сложные и взаимодействующие пласты сознательного и подсознательного. В итоге, следует признать, что познаваемая реальность на самом деле много сложнее и проблематичнее наших представлений о ней.

Было время, когда физика поманила нас ложными обещаниями точных знаний о природе и устройстве реального мира. Однако в конце двадцатого века ученые далеко не так уверены в том, что их картина мира объективно отражает физический универсум. Многие умилились своим оптимизмом относительно применимости естественнонаучных методов ко всем областям жизни. Хотя изначально ученые, претендуя на полную объективность и суля ответы на все вопросы, не отличались большой скромностью, современная наука признает существование границ в познании. Люди науки начинают понимать, что имеют дело скорее с моделями, «парадигмами», чем с фотографическим воспроизведением реальности.

Важность парадигм

До семнадцатого века западное видение мира основывалось на открытиях Птолемея. Каждый знал, что земля — и человек — являются центром вселенной. Планеты вращаются вокруг этого ядра, заключенного в концентрических хрустальных сферах. Это видение космоса соответствовало физике Аристотеля, которая объясняет движение с точки зрения назначения и «природы» вещей. Богословие и физика поддерживали друг друга.

Люди, в большинстве своем, считали, что эта точка зрения отражала истинную картину вселенной. Все, что не вписывалось в это представление, казалось абсурдом. Какой бы неправдоподобной ни казалась нам сегодня эта модель, для сознания человека Средних веков и раннего Возрождения она было в порядке вещей.

Научная революция семнадцатого века породила совершенно иную картину мира, которая до сего дня определяет наше представление о вселенной. В соответствии с новым видением мира, сформированным такими пионерами науки как Коперник и Ньютон, в центре находится Солнце, Земля же вращается вокруг него наравне с другими планетами. Это открытие привело к разрыву между физикой и богословием. Ньютонианская физика предполагает существование рационального механистического мира, подчиненного рациональным, доступным познанию, законам. Она имеет дело с закономерностями, которые можно обнаружить и просчитать. Она объясняет подобные явления с точки зрения причинно-следственных связей: прошлое рассматривается как причина, или объяснение, настоящего, будущее предопределено настоящим (но само не может влиять на настоящее).

Следовательно, вселенная вполне предсказуема, так как всегда можно найти соответствующее объяснение любому явлению. Существует единая рациональность, способная объяснить весь мир.

«Научный» подход Ньютона оправдывает себя в том, что касается объяснений и предсказаний в видимом, физическом мире. Многие годы считалось, что его картина мира точно отражала устройство реальности и применима как к физическому, так и к психологическому миру. Она сформировала наши общие представления.

Однако сегодня мы приходим к пониманию ограниченности такой картины мира. Границы обнаруживаются не только в таких областях как психология, но и в самом физическом мире.

Ньютоновская физика имеет дело с телами «нормальной» величины, движущимися с «нормальной» скоростью, — с «наблюдаемым и ощутимым миром». Последующие открытия показали, что на бесконечно малые тела или бесконечно большие скорости ньютоновская физика не распространяется. Точно так же и в генетике положения Ньютона обнаружили свою несостоятельность. В подобной ситуации на смену законосообразности и предсказуемости приходит вероятность. Оказывается, в логике причинно-следственных связей не так просто предсказать будущее. Для высоких скоростей в открытом космосе наши привычные представления о времени и пространстве становятся неадекватными. Для объяснения этих явлений на место ньютоновской приходит физика Эйнштейна. Приходится обращаться к иной картине мира.

В своей книге «Пространство Эйнштейна и небо Ван Гога» *Лоуренс Лешан* и *Генри Маргено*, первый — физик, второй — психолог, показали, что традиционное, «научное» мировоззрение не оправдывает себя и в искусстве, психологии, духовной сфере (1). Здесь действуют совершенно иные движущие силы, и мы должны обращаться к другим способам познания мира. Например, люди способны проектировать будущее и строить свое поведение в соответствии с предполагаемыми последствиями. А это значит, настоящее определяется будущим, то есть принцип причинно-следственной связи весьма ограничен, поскольку не учитывает целевого характера поведения человека. Рациональные, механистические «законы» уже не могут применяться безоговорочно, мы должны обращаться к иным способам описания реальности.

В области психологии границы традиционной науки удачно подмечены в «первом законе психологии животных»:

«Если взять животное с известной, стабильной генетической основой, вырастить его под строгим контролем в лабораторной обстановке и вводить в него точные дозы стимулятора, животное поведет себя, как ему взбретет в голову» (2).

Лешан и Маргено поясняют и развивают дальше идеи, которые философами науки уже обсуждаются в течение некоторого времени. Представления о реальности в каждой культуре и эпохе суть не что иное, как способы конструирования этой реальности. То есть реальность определяется моделями, парадигмами. В одних случаях они могут «срабатывать», объясняя какие-то ситуации и влияя на них, в других окажутся неадекватными.

Парадигмы — это картины мира, сформированные на основе конкретных потребностей и представлений, а потому они неполны.

Парадигмы определяют наш подход не только к физическому, но и к социальному, психологическому и философскому миру. Они дают нам линзы, через которые мы смотрим на явления. Они указывают пути решения проблем. Они формируют наше «знание» о возможном и невозможном. Парадигмы формируют то, что мы называем здравым смыслом; все, что выходит за рамки парадигмы, кажется нам абсурдным.

Парадигмы являются особым способом конструирования реальности, и «карательное правосудие» есть лишь одна из таких конструкций. Карательная парадигма правосудия — это один из способов представления реальности, который задает вполне определенный подход к проблемам и выбору соответствующих решений. Она является нашим «здравым смыслом».

Но это — всего лишь парадигма. Как все парадигмы, она обладает сильными сторонами. Как все парадигмы, она в то же время ловушка.

Кристи подметил важность парадигм в формировании наших ожиданий:

«Воин вооружается мечом, любовник — цветами. Они снаряжены в соответствии с тем, что их ждет, и их снаряжение только увеличивает вероятность того, что ожидаемое сбудется».

Так и с институтом уголовного правосудия (3).

Границы карательной парадигмы

Обратим внимание, что карательная парадигма касается весьма ограниченного класса ситуаций. Каждый день происходят тысячи конфликтов и столкновений, но большинство из них регулируются вне зала суда, в неформальной обстановке; лишь малая часть доходит до суда. Другими словами, правосудие — только один из многих способов разрешения споров и обид, и обращаются к нему довольно редко.

Из тех немногих случаев, которые доходят до суда, большинство поступает по каналам гражданского судопроизводства. В гражданском процессе одно частное лицо противостоит другому частному лицу, а не государству. Государство играет роль рефери и арбитра. Только участники спора решают, следует ли начать процесс. И могут прекратить процесс в любой момент, как только найдут приемлемое решение своего дела.

Поскольку гражданский процесс фокусируется на решении дела, а не на лишении человека свободы или жизни, он регулируется не так строго, как уголовный. По той же причине определение и критерии виновности имеют более общий характер. В центре внимания находится мера ответственности и чувство долга, а не виновность. Следовательно, здесь реже, чем в уголовном процессе, принимаются решения по принципу «или - или», когда участники делятся на победителей и побежденных. В отличие от уголовных гражданские дела чаще заканчиваются решением о возмещении ущерба.

И лишь немногие конфликты доходят до уголовного судопроизводства. Когда это случается, на первый план выступают совершенно иные понятия и подходы. Здесь господствует карательная парадигма.

Таким образом, процент конфликтов и столкновений, подпадающих под понятие «преступления», довольно мал, и только небольшая их часть в конечном счете признается таковыми уголовным судом (4). Отбор деяний, квалифицируемых как преступления, и тех, что фактически попадают в уголовный суд, более чем субъективен и относителен.

Содержание понятия «преступления» меняется в зависимости от времени и места, причем часто это определяется весьма произвольно. Многие виды деяний, повлекших причинение вреда и совершаемых отдельными лицами, мы относим к преступлениям, в то время как серьезный вред, наносимый промышленным предприятием, во внимание не принимается (хотя жертв от него бывает куда больше).

Из действий, которые можно назвать «преступными», лишь немногие становятся уголовными делами. И опять отбор может быть произвольным. Немаловажную роль играют такие факторы, как общественное положение, раса, национальность преступника и жертвы. Кроме того имеют значение приоритеты и степень загруженности прокурора, полиции и суда.

Итак, преступлением мы считаем крайнюю форму конфликта и причинения вреда. Лишь некоторые из подобных ситуаций подпадают под понятие преступления, и только часть из них признается таковыми судом. С большинством же наших проблем и конфликтов мы справляемся без помощи правосудия.

Если мы решаем, что данное действие является преступлением, мы начинаем описывать реальность особым образом. Эта «реальность» может и не соответствовать переживаниям участников события: карательная парадигма создает собственную реальность. И *теперь* оказывается, что преступление совершено против государства, которое принимает решение о том, как следует реагировать. Наказание, а не урегулирование конфликта, кажется здесь вполне приемлемым ответом. Ответственность преступника здесь рассматривается как абсолютная величина, определяемая в терминах виновности, а не обязательств. Решения выносятся почти без участия жертвы и преступника. Карательная парадигма берет верх, определяя наши представления о том, что может и должно быть сделано.

Смена парадигм

Представления о возможном и невозможном основаны на конструкциях, с помощью которых мы схватываем реальность. Эти конструкции могут меняться и меняются.

Томас Кун в своей знаменитой книге «Структура научных революций» отметил, что изменения в научных взглядах происходят как следствие серии изменений парадигм (5)*.

Одна модель или парадигма заменяет другую, провоцируя революцию в нашем видении и понимании окружающего мира. Такой механизм изменений вообще характерен для смены парадигм.

Парадигма Птолемея, определявшая мировоззрение Западного мира до семнадцатого века, вполне объясняла все наблюдаемые явления. Если ночью лежа посмотреть на небо и использовать Северную звезду как точку отсчета, мы увидим, что все звезды и планеты образуют сферу с Землей в центре, и кажется, что они вращаются. Вполне естественно, что космос представлялся как серия концентрических «кристалльных сфер» с Землей посередине.

Геоцентрическая картина вселенной согласовывалась также с богословскими и философскими представлениями. Человек считался вершиной Божественного творения, и, вполне закономерно, место расселения людей рассматривалось как центр вселенной.

Но были и явления, которые не вписывались в это представление о мироздании. С изобретением телескопов и по мере дальнейшего изучения неба количество таких явлений возрастало. Так, например, кометы пересекали пространство, которое по теории должно было быть разделено хрустальными сферами. Вычисленные расстояния оказывались ошибочными. Иногда складывалось впечатление, что планеты двигались по своим орбитам в обратном направлении.

Это последнее явление, названное регрессивным движением, сбивало ученых с толку, так как его трудно было объяснить, исходя из предположения, что планеты замкнуты в хрустальные сферы. Ученые заключили, что планеты, по всей видимости, движутся по малым орбитам внутри больших орбит. Это явление было названо эпициклом. Так как постоянно обнаруживались новые явления регрессивного движения, количество отмеченных эпициклов все возрастало.

В семнадцатом веке несоответствия внутри системы Птолемея достигли критической массы. Одновременно с этим было сделано несколько новых открытий и разработаны новые теории. Кеплер опубликовал свои «законы». Галилей предложил свои законы движения. С помощью линз нового, изобретенного им телескопа, он начал подробное изучение неба. Браге начал регулярно фиксировать движения небесных тел. Все возрастающее количество регистрируемых явлений не вписывалось в существующую парадигму.

И тем не менее, не так-то просто было взять и перечеркнуть птолемеевское мировоззрение. Оно воплощало здравый смысл, служило нормой в течение многих веков. И было тесно связано со многими философскими и богословскими концепциями. Опровержение этой парадигмы было бы революционным и опасным. И ученые оказывались вынужденными объяснять несоответствия множеством эпициклов, на новаторов же оказывалось мощное давление, заставлявшее их держать свои открытия при себе.

Однако к началу семнадцатого века все больше и больше явлений не вписывалось в господствующую картину мира. Одновременно ученые делали новые открытия. Исаак Ньютон сопоставил все явления и создал парадигму, которая была настолько логичной и последовательной, что ее невозможно было не признать. Парадигма ньютоновской физики подтвердила состоятельность взглядов Коперника.

Кун отмечает, что в этой научной революции мы можем обнаружить общую схему интеллектуальных революций. Он утверждает, что наше понимание любого явления определяется особой парадигмой. Ведущая парадигма описывает большинство явлений, с которыми мы сталкиваемся; те же явления, которые не вписываются, относятся к исключениям.

С течением времени, по мере того, как все больше и больше явлений не вписываются в эту парадигму, выявляются несоответствия, или аномалии*. Тем не менее, мы пытаемся ее спасти, изобретая эпициклы и реформы, которые сохраняют ее целостность. Но, в конечном счете, аномалии данной модели становятся ее доминирующей характеристикой, модель

распадается и ее заменяют новой. Но этого не происходит, пока не возникает новая «физика». Иными словами, к этому моменту, чтобы сформировалось новое представление о мире, должны быть в наличии все элементы новой системы, ожидающие только синтеза.

Несколько лет тому назад Ренди Барнетт в интересной статье высказал предположение, что нынешнее состояние нашей юстиции демонстрирует ряд симптомов смены парадигмы (6). Как и в случае с научной революцией семнадцатого века, парадигма правосудия давно начала проявлять свою несостоятельность. Несмотря на то, что уже не раз приходилось прибегать к «эпициклам», чтобы залатать прорехи, аномалии становятся слишком очевидными и не позволяют надеяться на простые решения.

На ранней стадии действия карательной модели наказания были очень строгими. Не было разработанной системы защиты подсудимого от превышения власти со стороны суда, и не существовало прямой зависимости между степенью серьезности преступления и наказанием. В эпоху Просвещения возникла концепция пропорционального наказания, наказание стало более рациональным и приемлемым. Эта концепция заключалась в том, что, если наказание будет более адекватным преступлению и менее произвольным, то есть станет меньше зависеть от прихоти власть имущих, в нем будет больше смысла.

Тюремное заключение как форма применения пропорционального наказания стало весьма популярным. Сроки заключения могут меняться в зависимости от серьезности преступления. Тюрьма стала рассматриваться как научно обоснованное, логичное наказание. В эпоху науки и рационального мышления пропорциональное наказание казалось разумным способом применения карательной парадигмы. Тюремные сроки стали способом «научного» применения этой концепции.

Были созданы и другие «эпициклы». Так, например, в течение первой половины двадцатого века характер приговоров определяла теория реабилитации. Она внесла новый вклад в оправдание карательной модели и наказания как ответа на преступление. Однако, в 1960-х гг. теория реабилитации была дискредитирована, и основанные на усмотрении судьи неопределенные приговоры*, которые были частью этой модели обращения с правонарушителями, оказались забытыми. Этот «эпицикл» был заменен концепцией заслуженного наказания, которая сосредоточивает особое внимание на обязательном и строго определенном характере наказаний. Концепция эта господствует до сих пор.

Поиск альтернатив лишению свободы представляет собой новую попытку подлатать расплывающуюся по швам парадигму: вместо поиска *альтернативы наказанию как таковому* речь идет лишь об альтернативных *видах наказания*. Предлагая новые виды наказания, менее дорогостоящие и более привлекательные, чем тюрьма, сторонники таких реформ только поддерживают существующую парадигму. Будучи лишь «эпициклами», эти нововведения не проблематизируют саму концепцию наказания. Таким образом, они оказались несостоятельными в решении тех проблем, для которых были предназначены (например, перенаселенность тюрем).

Так, например, популярной санкцией стали приказы о направлении на общественные работы. Когда этот институт только вводился, предполагалось, что он возьмет на себя часть осужденных к лишению свободы, решив тем самым проблему перенаселенности тюрем. Фактически же он лишь породил новую форму наказания, в частности, и для тех правонарушителей, которые в ином случае могли бы избежать наказания. В наши дни электронный надзор создает новые возможности для наказания и контроля.

Точно так же очередным «эпициклом» можно считать возмещение ущерба и помощь пострадавшим. В Соединенных Штатах, когда предлагаются подобные меры, во главу угла ставятся права жертв преступлений, в Англии основным аргументом становятся их потребности и благополучие. Однако, не подвергая сомнению основополагающие взгляды на роль жертвы и государства в современной правосудии, оба подхода пытаются решить проблему в рамках существующей парадигмы. Они признали факт существования проблемы, но не видят ее источника.

Наличие аномалий и кризис очевидны для многих. Одновременно ведутся поиски новой «физики», нового понимания и ответа на ситуацию, которую мы называем *преступлением*. Возможно, почва для замены парадигмы уже подготовлена.

Как мне кажется, источником многих наших неудач являются линзы, через которые мы смотрим на преступление и правосудие, линзы, которые суть парадигма, предопределяющая особый способ видения, конструкцию реальности. Эта парадигма не единственно возможная. В следующих главах я представлю обзор некоторых исторических и библейских взглядов. Наличие таковых свидетельствует о том, что наша карательная парадигма возникла относительно недавно и другие парадигмы возможны. Кроме того, эти взгляды могут послужить некоторым «строительным материалом» для формирования альтернативной концепции.

Примечания:

(1) Lawrence Leshan and Henry Margenau, *Einstein's Space and Van Gogh's Sky: Physical Reality and Beyond* (New York: Collier Books, 1982). Этот труд внес значительный вклад в теорию парадигм. Он оказал существенное влияние на данную главу.

(2) *Leshan and Margenau, Einstein's Space, p. 150.*

(3) Christie, «Images of Man in Modern Penal Law», *Contemporary Crises: Law, Crime and Social Policy*, 10, No.1 (1986), 95.

(4) Люк Хальсман доказал это на ряде примеров. См. Louk H.C. Hulsman «Critical Criminology and the Concept of Crime», *Contemporary Crises: Law, Crime and Social Policy*, 10, No. 1 (1986), pp.63-80. Сравни John R. Blad, Hans van Mastrigt and Niels A. Uildriks, eds., *The Criminal Justice System as a Social Problem: An Abolitionist Perspective* (Rotterdam, Netherlands: Erasmus University, 1987).

(5) Thomas Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (Chicago: University of Chicago Press, 1970).

(6) Randy Barnett, «Restitution: A Paradigm of Criminal Justice» in *Perspectives on Crime Victims*. ed. Burt Galaway and Joe Hudson (St. Louis Missouri: C. V. Mosby Co., 1981), pp. 245-261.

ЧАСТЬ III

Корни и ориентиры

Глава 7

Общинное правосудие: историческая альтернатива

Преступники нарушают закон государства и должны понести наказание, государство обязано взять на себя заботу об этом,— все это кажется таким естественным и неизбежным. Несомненно, карательная парадигма действует в нашем обществе на протяжении многих веков. Несомненно, она должна представлять собой более совершенный вид правосудия, нежели тот, что предшествовал ей. Несомненно, должно быть именно так.

Но Западный мир отнюдь не всегда рассматривал правосудие исключительно в категориях карательной модели. На протяжении большей части нашей истории господствовали иные модели правосудия, и лишь в течение последних нескольких веков карательная парадигма монополизировала наше мировоззрение.

Победа этой парадигмы не означает и то, что она более совершенна по сравнению с предшествующими формами правосудия. Это типичное заблуждение — толковать историю как прогресс. Современность мы трактуем как почти неминуемое развитие по отношению к прошлому. Но настоящее вовсе не обязательно вытекает из прошлого и отнюдь не всегда приносит прогрессивные изменения.

При исторической интерпретации развитие уголовного правосудия в первую очередь связывается с двумя обстоятельствами: приданием правосудию публично-правового характера при одновременном вытеснении частного правосудия и все возрастающей зависимостью от тюрьмы как средства наказания. Наличие этих, происходивших в тех или иных формах, изменений сомнений не вызывает. Однако в современных исторических исследованиях поднимается вопрос о конкретных формах и значении этих изменений.

Обычно, мы думаем, что в прошлом господствовало только «частное» правосудие, для которого характерна кровная месть, часто необузданная и жестокая. Современное же правосудие, напротив, находится под строгим контролем государства и более гуманно, более взвешенно, менее сурово. Мы уверены, что тюремное заключение является менее жестоким и более просвещенным наказанием по сравнению с предшествующими формами. С этой точки зрения мы стали более цивилизованными и рациональными в отправлении правосудия и определении наказания.

Реальность, однако, много сложнее этого традиционного представления. «Частное» правосудие не было таким уж частным и вовсе не обязательно подразумевало кровную месть. Решения, принимавшиеся «частным» порядком, не всегда были более суровыми, менее взвешенными или просвещенными, чем при государственном правосудии. Напротив, о последнем можно было бы сказать, что оно даже в большей степени нацелено на возмездие и предлагает меньше возможностей для выбора. Кровная месть, хотя и имела место, пока не была вытеснена государственным правосудием, являлась лишь одним из многих вариантов разрешения конфликта. Так называемое частное правосудие, бесспорно, не было лишено недостатков, но общая картина не так примитивна, как мы привыкли себе представлять (1).

Общинное правосудие

История Западного мира отличается большим разнообразием социальных структур и обычаев. Не удивительно, что порядок отправления правосудия мог быть разным в зависимости от эпохи и места. И тем не менее, существовало много общего в понимании преступления и правосудия. В какой-то мере общность во взглядах объяснялась общими культурными корнями. Средневековое мировоззрение было отчасти основано на традициях греко-римской и германской культур. Схожесть опыта и нужд тоже вели к общности во взглядах.

До Нового времени преступление рассматривалось, в первую очередь, в контексте межличностных взаимоотношений. Под преступлением чаще всего понимали нанесение вреда или конфликт между двумя людьми. Как и в «гражданских» делах, наибольшее внимание уделялось причиненному вреду, а не нарушению закона или абстрактного социального и нравственного порядка. В случае нанесения вреда возникали обязательства по возмещению ущерба — последнее и было наиболее распространенным способом восстановления справедливости. Междоусобицы были лишь одной из форм разрешения конфликтов наряду с переговорами, возмещением ущерба и примирением. Существенную роль в этом процессе играли жертвы и преступники, а также родственники и община.

Так как преступление порождало обязательства, типичным исходом судебного процесса было урегулирование конфликта в той или иной форме. Даже если речь шла о преступлениях против личности, распространенным решением было возмещение ущерба. Законы и обычаи часто определяли размер соответствующих компенсаций за урон, нанесенный имуществу или человеку. Они включали особые статьи, соотносившие степень нанесенного ущерба с размером материального возмещения. Наша нынешняя концепция виновности и наказания, возможно, отражает тот же принцип эквивалентности, только видоизмененный (или извращенный?). Греческое «рune» означает выдачу денег для покрытия нанесенного ущерба и, видимо, лежит в основе английского слова «punishment» (наказание). Также, английское «guilt» (виновность) может происходить от англосаксонского слова «geldan», которое, как и германское слово «Geld», означает выплату (2). Преступления порождают обязательства. Правосудие же требовало, чтобы были приняты меры по восстановлению справедливого порядка вещей.

Преступник и жертва (или в случае убийства представитель жертвы) разрешали большинство конфликтов — в том числе и те, которые мы относим к категории преступлений — за пределами зала суда. Они осуществляли примирение в рамках собственной семьи и общины. Ведущую роль в переговорах и урегулировании конфликтов часто играли церковные и общинные старейшины, они отвечали и за запись достигнутых соглашений. Отправление правосудия зиждилось, в первую очередь, на посредничестве и переговорах, а не на применении законов и навязывании решений.

Отражая подобное понимание роли Церкви, один старейшина Французской Реформаторской церкви в 1681 году сказал, что Церковь должна «усердно трудиться над примирением всякой ссоры, известной членам консистории» (3). Подобные ссоры включали и такие нарушения, которые мы могли бы назвать преступлениями. Так, старейшины приняли решение составить список всех конфликтов с тем, чтобы побудить ссорящихся примириться; тем же, кто не соглашался, отказывали в причастии. Французские «акты о примирении» представляли собой такие соглашения, регистрируемые у нотариуса (4).

Более адекватно подобный подход к разрешению конфликтов следовало бы обозначить понятием «общинное правосудие», а не «частное». Правосудие было частным только в том смысле, что не было государственным. И нанесенный вред, и следующий за ним процесс «правосудия» не выходили за рамки общины, совершенное зло рассматривалось в контексте общинной жизни. Причиненный одному из ее членов вред тем самым наносился семье и общине. И семья, и община были вовлечены в разрешение конфликта и играли в этом первостепенную роль. Они могли принудить к соглашению или

выступить в роли посредников и арбитров. Членов общины можно было привлечь в качестве свидетелей или даже помощников в составлении соглашений.

Общинное правосудие обычно совершалось вне зала суда, отдавая предпочтение переговорам, которые чаще всего заканчивались установлением компенсаций. Но были еще две альтернативы. К ним обращались только в крайних случаях с тем, чтобы заставить стороны начать переговоры, либо после провала переговоров. Таким образом, оба способа использовались лишь в том случае, когда общинное правосудие не срабатывало, хотя успешное функционирование последнего, возможно, как раз и обеспечивалось наличием этих альтернатив.

Карательная альтернатива

Одной из указанных альтернатив была кровная месть. По очевидным причинам к этому способу прибегали реже, чем принято думать. Мечь опасна. Она часто вела к ответному насилию и кровавым междоусобицам. В обществе, состоящем из небольших, тесно связанных между собой общин, поддержание добрососедских отношений имело жизненно важное значение. В этих условиях переговоры и компенсации имели куда больше смысла, чем насилие.

Угроза кровной мести существовала всегда, но реально она ограничивалась; ее роль и значение далеко отличны от того, как мы это себе представляем.

Одной из форм ограничения кровной мести, форм, которая только подчеркивает значение переговоров для правосудия, были святилища (5). На протяжении всего средневекового периода и вплоть до Французской революции в Западной Европе можно было найти множество безопасных мест, неподвластных никаким внешним законам и правителям. Люди, обвиненные в преступлении, всегда могли укрыться в этих местах, спасаясь от мести или властей. Многие из этих мест не предназначались для долгосрочного пребывания, но служили безопасными приютами, в которых можно было переждать, пока затихнут страсти и переговоры приведут к положительным результатам. В некоторых из этих святилищ определялись сроки, в течение которых обвиняемые могли оставаться в их стенах. Но в самом святилище преступник всегда находился в безопасности.

Датский криминолог Герман Бианки высказал предположение о другом возможном назначении этих святилищ. Вместе со своими коллегами он обнаружил, что христиане, совершающие покаянные паломничества, часто останавливались в таких святилищах. Эти паломники, похоже, совершали паломничества в качестве покаяния за совершенные преступления. Это указывает на то, что покаяние и компенсация были соответствующими санкциями в ответ на определенные категории преступлений.

Оказавшись недавно в Англии, в городе Винчестере, я обнаружил «Дом Богородицы». Это здание, в котором теперь размещается магазин одежды, представляет собой бывшее Помесье Богородицы, переданное церкви королевой Эммой в 1052 году. Помесьем было предоставлено право полного самоуправления, включая и право «изгнания всех представителей государственной власти за пределы помесья». Сохранившиеся в помесье архивы суда указывают на то, что оно служило святилищем для преступников вплоть до XVТ века, когда было распушено Генрихом VIII.

В записях суда упоминается, что были случаи, когда за преступниками приходили и арестовывали их в стенах святилища. Но из этих же записей выясняется, что такие действия рассматривались как надругательство над святилищем. Устав Винчестера XIII века гласит, что человек не может быть одновременно членом городской общины и помесья, в ином случае ему придется выплатить штраф. Знаменательно, что исключение делается только для преступников, оказавшихся в стенах помесья. Оба эти факта свидетельствуют о роли помесья как убежища для преступников.

Кровная месть была также ограничена разными законами и обычаями. Так, например, в средневековой Европе междоусобная война считалась незаконной в случае, если предварительно не предпринималась попытка провести переговоры. Широко известное

изречение Ветхого Завета «око за око» способствовало ограничению кровной мести на протяжении почти всей истории Западной Европы.

«Око за око» могло, конечно же, пониматься дословно, и такая месть была бы очень жестокой. Однако в обществе, не подчиняющемся официальным законам и правовым процедурам, подобное правило было не руководством к действию, а ограничением насилия: «Вы можете сделать ровно столько, но не больше этого». Ответный шаг должен был быть пропорционален причиненному вреду, а не усугублять существующий конфликт.

Больше того, люди часто понимали это как формулу для определения размера компенсации: «стоимость одного глаза за стоимость одного глаза». Урегулирование конфликтов при помощи денежных соглашений было частым явлением в нашей истории, даже в случае серьезных увечий. Подобные правила задавали принципы определения компенсации.

Даже когда выражение «око за око» понималось буквально, оно все же рассматривалось как формула компенсации. Когда в обществе, организованном по принципу общины, кто-то умирает или получает увечье, равновесие между племенами, кланами и другими группами нарушается. Это равновесие может быть сохранено путем восстановления численного баланса между племенами. Насилие, выраженное в этой формуле, было нацелено как на восстановление равновесия сил, так и на строго отмеренную месть.

В те времена, как и в наши дни, жертвы нуждались в моральной реабилитации. Им необходимо было общественное признание того факта, что им причинен вред, а также публичное признание преступниками своей ответственности. Компенсация становилась одним из способов осуществления подобной реабилитации, но некой моральной компенсацией могло стать и возмездие. Иногда угроза возмездия побуждала преступников публично признать свою ответственность.

Угроза возмездия, бесспорно, существовала, но она могла быть средством в той же мере, что и целью. Больше того, смысл и функция возмездия часто отражали философию компенсации. Вся система основывалась, в первую очередь, на необходимости компенсации пострадавшим и восстановления взаимоотношений. Обычно это вело к переговорам, результатом которых должно было стать признание преступником его ответственности и обязательств.

На протяжении почти всей нашей истории встречались исключения из этого идеала компенсационного правосудия, затрагивавшие некоторые категории преступлений. В ранних теократических обществах были преступления, которые квалифицировались как религиозные, и по отношению к ним прибегали к особым, «исключительным» мерам. Например, некоторые виды сексуальных преступлений считались особо неприемлемыми, так как оскорбляли Божество. Они вызывали коллективное чувство вины. Чтобы продемонстрировать порицание такого поведения, а также чтобы вина не пала на всю общину, совершались особые символические ритуалы очищения. Но нарушений такого рода было немного, все они были четко определены законом и обычаями, и соответствующие им наказания не становились нормой для большинства «уголовных» преступлений.

На заре современной эпохи в Европе лишь небольшое число преступлений рассматривалось как покушение на нравственный и политический порядок, и по отношению к ним требовались специальные насильственные меры. Это было колдовство, кровосмешение, гомосексуализм и некоторые виды особо жестоких убийств.

Судебная альтернатива

Кровная месть была лишь одной из альтернатив примирительному правосудию. Другой альтернативой было обращение в суд. Однако, как и к мести, к этой мере прибегали в самую последнюю очередь, когда переговоры оказывались несостоятельными или закон и обычай требовали решения дела в судебном порядке. Эта альтернатива существовала для того, чтобы внушать страх, подталкивая тем самым конфликтующих к решению дела через

переговоры. Для современного мышления непонятно, почему члены того общества с такой неохотой обращались к официальным механизмам суда.

На протяжении Средних веков в Западной континентальной Европе существовал ряд «официальных» судов. Некоторые из них были государственными или королевскими, другие подчинялись церковным, городским и феодальным властям. Однако даже государственные суды были склонны рассматривать дела, сообразуясь с принципами общинного правосудия.

Средневековые суды были «обвинительными» по своему характеру. За исключением небольшой категории преступлений (например, покушений на коронованную особу), даже королевские суды были не в праве начать следствие по делу без запроса со стороны жертвы или ее семьи. Без реального обвинителя не могло быть и дела. Не было ни поста прокурора, ни правового обоснования для независимого преследования со стороны государства, за исключением случаев, когда пострадавшей стороной оказывалась королевская особа.

Если же кто-то подавал жалобу, роль суда состояла в том, чтобы обеспечить сотрудничество между обеими сторонами, по возможности уравновесить соотношение сил и урегулировать конфликт. Таким образом, суды служили чем-то вроде третейского суда. Если вовлеченные стороны приходили к полюбовному соглашению, они имели право в любой момент закрыть дело. Без согласия обвинителя государство не имело права продолжать преследование. Вся инициатива была в руках непосредственных участников конфликта.

Обычно люди обращались к судам с тем, чтобы заставить другую сторону принять на себя ответственность за преступление и прийти к общему решению. Предпочтение, вплоть до Нового времени отдаваемое внесудебным формам общинного «правосудия», было известным явлением. Это нежелание прибегать к судебной альтернативе объяснялось рядом причин. Во-первых, наилучшим путем разрешения конфликта считались переговоры. Но существенным фактором было и противостояние местных властей центральным. Еще одной причиной были судебные издержки. А кроме того, средневековые суды подвергали риску обе стороны. Если обвинителю не удавалось убедить суд в своей правоте, к нему могли применить наказание, предназначенное для обвиняемого. Прежде чем представить дело в суд, обвинитель должен был быть абсолютно уверен в беспроигрышности своего дела. И наконец, королевские суды в качестве наказания часто налагали штраф. А поскольку деньги поступали в собственность казны, пострадавший от этого ничего не выигрывал.

Таким образом, обвинительная модель, отраженная в судебной структуре и процедуре разбирательства дел, действовала на фоне общинного способа разрешения конфликтов, при котором, в свою очередь, особое внимание уделялось компенсациям и инициативе непосредственных участников дела. Существование обвинительных судов только усиливало значение общинного правосудия.

Оценка исторических форм правосудия

Правосудие, существовавшее до нынешней эпохи, традиционно рисуется как мстительное и варварское в противовес более рациональному и гуманному подходу современного правосудия. Совершенно очевидно, что эта картина слишком примитивна и мрачна. Однако не стоит предаваться ностальгии по ушедшему золотому веку: общинное правосудие имело и серьезные недостатки. Методы установления виновности в спорных делах были произвольными, неточными и не предоставляли никаких гарантий. Наиболее успешно эта форма правосудия действовала среди равных; когда же преступники находились в подчиненном положении, правосудие могло быть субъективным и жестоким.

Общинное правосудие возлагало тяжелое бремя и на плечи пострадавших, так как следствие по делу полностью зависело от их инициативы и, возможно, денежных средств. Что же касается наказаний за особо тяжкие преступления, то они могли быть поистине варварскими.

И тем не менее, урегулирование конфликтов путем переговоров и компенсаций, конституирующих общинное правосудие, является собой альтернативное понимание существа

преступления и правосудия — вот что имеет значение. Традиционные теории правосудия признавали, что вред наносится определенным людям, что вовлеченные лица должны стоять в центре разрешения конфликта и что возмещение ущерба играет первоочередную роль. Общинное правосудие ставило на первое место поддержание добрых отношений, примирение. Тем самым, форма общинного правосудия гораздо точнее отражала подлинное положение вещей при преступлении, чем наша «просвещенная» парадигма.

Традиционное правосудие часто характеризуют как правосудие возмездия. Однако наказание было лишь одним из многих возможных вариантов решения дела и часто воспринималось как неудача, отступление от идеала. Общинное правосудие предлагало куда более широкий спектр решений, нежели современная карательная парадигма. Во всяком случае стоит пересмотреть наши взгляды на традиционное правосудие и отразить его возможности как относительно возмездия, так и примирения.

Революция права

В средневековой Европе не существовало системы уголовного права в той форме, как мы его себе представляем сегодня. Не было писаных кодексов, квалифицирующих определенные действия как преступления и предписывающих соответствующие наказания. Дела обычно велись непрофессионалами. Политические и судебные власти выступали в определенной им роли, но она была достаточно ограниченной. Существовало несколько видов судов, однако они руководствовались, в основном, положениями общинного правосудия. К судам прибегали крайне неохотно.

В одиннадцатом и двенадцатом веках начались, однако, некоторые изменения, которые заложили основу абсолютно новому подходу к преступлению и правосудию. Потребовались века, прежде чем эти изменения достигли зрелости, тем более, что они были встречены яростным сопротивлением со стороны многих. Лишь в девятнадцатом веке новая модель правосудия одержала окончательную победу. Однако эта метаморфоза — столь затянувшаяся и часто игнорируемая историками — стала тем, что историк права Гарольд Д. Берман обозначил как «революцию права» (6).

Политические власти предшествующих эпох были вынуждены создавать «законы», опираясь на понятия и практику местных обычаев. В период позднего средневековья они заявили свое право на создание новых и отмену старых законов: и обычаи стали вытесняться официальными, писаными кодексами, вобравшими в себя новые принципы. К восемнадцатому и девятнадцатому векам были разработаны специальные своды кодифицированного права, затрагивавшие особую категорию конфликтов и видов причинения вреда, определяемых как преступления.

Новые аргументы и процедуры открыли государству возможность большего вмешательства и инициативы по определенным категориям дел. На европейском континенте появились прокуроры, представляющие интересы государства. В Англии мировые судьи, будучи ограниченными в полномочиях, тем не менее действовали от имени государства. Для некоторой категории дел суды постепенно сменили роль пассивных посредников на более активную: они взяли в свои руки инициативу по возбуждению дела и по сбору доказательств.

В континентальной Европе стиль работы судов сменился с обвинительного на следственный. Теперь суды взяли на себя ответственность за вынесение обвинений, собирание фактов, определение исхода дела, при этом информация часто держалась в секрете. В Англии обвинительная модель продержалась дольше, благодаря роли присяжных и сохранению частной формы иска. Но и здесь представители государства заняли место граждан в ведении «уголовных» дел*.

Характер приговоров по таким делам начал претерпевать изменения — предпочтение стало отдаваться не примирению, а наказанию. Штрафы, поступающие в государственную казну, заменили возмещение ущерба пострадавшим. Попытки стали использоваться не только в качестве наказаний, но и как судебный метод добывания показаний. Доля участия пострадавшего постепенно уменьшалась.

Изменения эти произошли не вдруг, не в один день государство захватило судебные полномочия, представители государства внедрялись в обвинительный процесс постепенно. Так, взяв на себя функцию расследования, государство, в конце концов, стало обвинителем. К 1498 году французский закон установил, что король или королевский прокурор являются стороной во всех делах. Начав с претензии на участие в делах, государство, в конце концов, потребовало и полного главенства.

Государственные юристы прибегали ко множеству юридических приемов и аргументов — новых и старых — чтобы оправдать вмешательство государства. В обвинительном процессе дела обычно возбуждались жертвой или ее родственниками. Только для особых случаев некоторые законодательства оставляли место для «чрезвычайного» преследования со стороны суда или государства. Гак, например, во Франции четырнадцатого века принятие судом дела к рассмотрению предполагало наличие разного рода оснований. Обычно таким основанием было предъявление иска обвинителем. Однако в случаях очевидности правонарушения (если преступник захвачен с поличным) или наличия «гласа народа» (когда и преступление, и преступник были широко известны общественности), суд мог вмешаться при отсутствии конкретного обвинителя. Законом было предусмотрено и возбуждение дела по доносу. В подобных ситуациях существовали и реальные обвинители (жертвы), но они оставались в тени, играя лишь незначительную роль. Как это часто бывает, меры, которые первоначально предназначались для чрезвычайных случаев, постепенно стали применяться повседневно (7).

Введение таких правовых мер подкреплялось еще и новой концепцией. Корона стала претендовать на роль миротворца. От такого заявления был лишь один шаг до утверждения, что, если нарушается порядок, жертвой оказывается государство. Неудивительно, что в таком процессе роль и нужды реальных жертв были забыты.

Роль канонического права

Вполне закономерно, что развитие новой централизованной правовой системы происходило в условиях ожесточенной борьбы за власть. Борьба за господство велась как внутри религиозных и мирских структур, так и между ними. Это в значительной мере отразилось на том, как отправлялось правосудие. Развитие канонического права — закона Католической Церкви — сыграло в этой борьбе ключевую роль.

На протяжении первых веков христианства Церковь была децентрализована. Постепенно появилось несколько соперничающих центров, каждый из которых претендовал на определенное влияние. В результате в лоне церкви возникли проблемы внутренней дисциплины. Первоочередной задачей папства на протяжении Средних веков было укрепление его авторитета в Церкви. Одновременно папство было вовлечено в борьбу за власть, претендуя на статус равный или превосходящий статус светских правителей.

Как раз к этому времени начали складываться централизованные государства с теми же претензиями. Они тоже нуждались в укреплении власти в пределах своих владений, стремясь подчинить себе и другие центры влияния, включая Церковь. Таким образом, и религиозные, и светские правители одновременно искали новые обоснования и средства укрепления своей власти. Законы позднего периода Римской империи стали как раз таким инструментом, во-первых, для Церкви, и во-вторых, для государства.

На протяжении республиканской эпохи римской истории преступление оставалось, в первую очередь, делом общины или частных лиц, государство пользовалось лишь ограниченными правами. С возникновением империи, однако, были разработаны законы, которые признавали и расширяли роль государства в законодательной деятельности и отправлении правосудия.

После VI века эти законы были большей частью утеряны, хотя и не полностью забыты. Обнаружение в конце одиннадцатого века рукописей законодательства Юстиниана* вряд ли стоит считать случайным **. Сторонники Папы Римского, да и светские власти, видимо, в течение какого-то времени пытались найти нечто подобное. Римское право, заново открытое в одиннадцатом веке, стало фундаментом канонического права,

ставшего основой церковного порядка. Позже его положения были адаптированы и светскими властями всей континентальной Западной Европы, а также оказали некоторое влияние на английскую правовую систему.

Проанализировав законодательство Юстиниана и его последующую адаптацию, Берман отмечает, что оно радикально отличалось от обычного права, представляло собой самостоятельный правовой массив, который в средние века был унаследован от далекой по времени и культуре цивилизации и привнес новые существенные элементы в европейскую правовую систему.

Кодекс Юстиниана был тщательно отрегулированной, рациональной, то есть основанной на строгой логике и фундаментальных принципах, систематизацией правового материала римского права. Не опираясь на местные обычаи и исторические предания, он стоял особняком. Поэтому он предоставлял центральной власти полную свободу в создании новых и отмене старых «законов», тем самым обеспечивая власть «правомочной» основой для вмешательства в любые дела. Отчасти привлекательность римского права для центральных властей заключалась как раз в той чрезвычайно важной роли, которую оно им предназначало.

Итак, римское право было представлено писаным законом, основанным на принципах, свободных от местных традиций. Оно было снабжено методом сопоставления норм и разработки новых законов (т.е. схоластикой)*. В результате появилась реальная возможность не только систематизации и распространения римского права, но и его изучения и преподавания независимо от государственных границ. Универсальный характер римского права позволяет объяснить его притягательность и почти мгновенное распространение в большей части западноевропейских университетов.

На основе римского права Церковь создала сложную систему канонического права — первую современную правовую систему. Это было революционное преобразование. Каноническое право снабдило папство серьезным оружием в борьбе за господство как внутри Церкви, так и во взаимоотношениях со светскими политическими властями.

Предоставив центральной власти право на самостоятельное уголовное преследование, каноническое право создало основу как для борьбы с ересью, так и со злоупотреблениями в среде духовенства. Крайним выражением этого нового подхода стала Инквизиция, которая позволила представителям папства охотиться на еретиков и посредством пыток извлекать показания и сводить счеты.

Частное лицо уже не рассматривалось как главная жертва. При Инквизиции жертвой оказался весь моральный порядок, а центральные власти были его защитниками. Совершенное зло более не было вредом, который следует загладить. Оно стало грехом.

Итак, каноническое право знаменовало не просто введение систематизированного, формального закона и возросшую роль центральных властей. Оно изменило всю концепцию преступления и правосудия: правосудие свелось к выполнению правил, установлению виновности и определению наказания. В раннюю эпоху христианства акцент ставился на прощении обид, на необходимости примирения и искупления (8). Каноническое право и параллельно сформировавшееся богословие стали определять преступление как зло, направленное против морального или метафизического порядка. Преступление стало грехом, причем не только против человека, но против Бога, и именно Церковь несла ответственность за очищение мира от этого греха. От этого был только один шаг до утверждения, что общественный порядок являет собой воплощение Божьей воли и что преступление — грех против этого порядка; Церковь же (а позже и государство) должны обеспечивать этот порядок. Не удивительно, что акцент сместился с примирения между вовлеченными сторонами на наказание, выносимое центральными властями (9).

Каноническое право и сопутствующее ему богословие формализовали понятия свободной воли и личной ответственности, что, в свою очередь, создало условия для рационального обоснования наказаний. Тюремное заключение стало наказанием для своенравных монахов и в восемнадцатом и девятнадцатом веках получило довольно широкое распространение.

Каноническое право породило новые важные принципы. Они были приняты и приспособлены к местным условиям политическими властями и служили образцом для светской правовой системы от Англии до Польши и Венгрии.

Тем не менее роль канонического права в формировании европейского права никак не может служить исчерпывающим объяснением причин и оснований формирования современной концепции правосудия в его карательной, ориентированной на государство форме. Англия, к примеру, подверглась гораздо меньшему влиянию канонического права, чем Европейский континент, инквизиционная система там не сложилась, однако государственная уголовная юстиция возникла в Англии параллельно с остальной Европой. Учитывая тенденции общественного развития и потребности зарождающихся национальных государств, правосудие вполне могло сформироваться подобным образом и без влияния канонического права. Однако воплощенный в нем адаптированный образец римского права был использован политическими властями для разработки важных концепций и техник, способствующих укреплению их позиций.

Во всем этом не совсем ясна роль христианского богословия. Некоторые историки утверждают, что именно богословские концепции вины и моральной ответственности легли в основу новых подходов к пониманию преступления, правосудия и власти, которые государство в конечном счете воплотило. Другие доказывали, что складывание нынешней концепции правосудия детерминировалось политическими нуждами зарождающихся национальных государств или социально-экономическими процессами. Богословие же просто шло в русле этих процессов, оправдывая эти новые формы. И все-таки связь между богословием и изменениями в сфере юстиции очевидна.

Победа государственного правосудия

Историки Брюс Ленман и Джеффри Паркер высказали предположение, что история Запада может быть представлена в виде диалектического противоречия между двумя основными моделями права или правосудия: общинной и государственной (10).

Государственное правосудие было известно уже в самые отдаленные эпохи. Его элементы можно обнаружить в Вавилонском Своде Хаммурапи или в реформаторских законах Солон в древней Греции. Но лишь в течение нескольких последних веков государственное правосудие одержало окончательную победу, определив современные взгляды на преступление.

Общинное правосудие в своем идеальном проявлении заключалось в переговорах и возмещении ущерба. Суть такого правосудия может быть выражена понятием «frith», бывшем в ходу у германских племен и обозначавшем горизонтальное примирение, основанное на взаимном согласии. В свою очередь государственное правосудие — это «Королевский мир», правосудие вертикальное, построенное на строгой иерархии, принудительное, карательное (11).

Хотя может показаться, что общинное и государственное правосудие противостоят друг другу, точнее было бы определить их как два полюса одного континуума с большим разнообразием промежуточных форм (12). На одном конце мы имеем общинное правосудие в «чистом виде», оно подразумевает урегулирование конфликтов путем переговоров между вовлеченными сторонами. С появлением третьей стороны, назначенной, возможно, политическими властями в качестве арбитра или нотариуса, правосудие становится более официальным. Еще более официальны обвинительные суды, отдающие особую роль государству. На другом полюсе — воистину государственный суд с правом на возбуждение дела, с дискреционной властью, осуществляющий контроль от имени государства и рассматривающий государство в качестве жертвы преступления.

Общинное правосудие в том виде, как оно существовало в Европе на заре современной эпохи, содержало элементы государственного правосудия. Возможно, именно сочетание этих двух форм, их симбиоз позволял функционировать общинному правосудию. Не исключено, что страх перед государственным судом подстегивал действие механизма общинного правосудия. Вероятно, возможность выбора места разрешения конфликта

играла существенную роль. Однако с победой собственно государственного правосудия изменились взгляды на то, что можно было считать уместным и возможным. По большинству преступлений общинное правосудие свою роль утеряло.

К концу XVI века в Европе уже был заложен прочный фундамент государственного правосудия. Новые кодексы во Франции, Германии и Англии раздули общественную опасность некоторых преступлений и предоставили государству значительно больше прав. Уголовный кодекс определял характер преступлений и увеличивал роль наказаний. Некоторые из этих наказаний, включая пытки и смерть, были крайне суровыми. Во многих случаях применялись и экономические санкции.

Реформация XVI века, по-видимому, способствовала этой тенденции, поддерживая монополию государства на наказание. Лютер активно выступал за государство как посредника Бога в применении наказаний. Кальвинизм тоже стремился представить Бога в образе карающего судьи. Реформация отдавала государству решающую роль в поддержании морального порядка.

Государственное правосудие находилось в процессе становления, но еще не преобладало и не могло претендовать на полную монополию. Столь радикальному изменению мы обязаны Просвещению и Французской революции восемнадцатого века (13). К XVIII веку государство стало притязать на абсолютную власть, которой оно пользовалось в крайне деспотичной и произвольной форме. Страшно подумать, какие пытки и наказания были обычным явлением не только для приговоренных по всем правилам «преступников», но и для подозреваемых и политических противников. Корона объявила себя выше закона, а сам закон был чудовищным смещением обычаев и принципов, логики и произвола, частных и общественных интересов.

Деятели Просвещения искали пути возвысить закон над правительствами и снабдить его рациональным обоснованием. Эти люди — будучи критически настроенными по отношению к традиции и религии, которые казались им лишенным всякой логики набором предрассудков, — обращались к светской форме законодательства, основанного на естественном праве и рациональных принципах.

Решая поставленную задачу, мыслители Просвещения начали создавать новую концепцию общества и государства, основанного на общественном договоре. Они утверждали, что законы должны отражать потребности более широких слоев общества, в обязанности же государства входит разработка и применение таких законов. При этом они вовсе не подразумевали, что политические решения будут выноситься простыми людьми, большинство деятелей Просвещения не были демократами. Но именно они первыми сформулировали концепцию государственного правления, при котором представлены интересы общества в целом, а не узкого слоя или королевской фамилии.

Столкнувшись с деспотической властью государства, претендующего на абсолютизм, просветители восемнадцатого века могли бы выступить и против концепции централизованного государства. Но этого они не сделали. Напротив, они не только выступили за сильное государство, но заложили теоретический фундамент для еще более могущественной власти, основанной на новой логике и новом понимании ответственности. Новая логика заключалась в идее общественного договора, новая ответственность — в ответственности перед более широкими слоями общества и перед законом.

Книга Чезаре Беккариа «О преступлении и наказании», впервые опубликованная в 1764 году и как основополагающая работа по современному уголовному праву часто цитируемая, частично отражает этот подход эпохи Просвещения*. Беккариа утверждал, что закон должен рационально отражать потребности всего общества. Он говорил, что закон должен быть разумным, относиться ко всем одинаково и исполняться *государством*.

Беккариа полагал, что люди ведут себя, сообразуясь с предполагаемым результатом своего выбора, предвидя грядущее страдание или наслаждение. Закон должен предложить рациональные и ограниченные дозы страдания с тем, чтобы степень страдания превышала степень наслаждения, получаемого от преступления. Однако причиняемая наказанием боль должна быть пропорциональна совершенному злу.

Книга Беккарии стала практическим оружием в борьбе с деспотизмом государства и традиционного закона. Однако вместо того, чтобы поставить под вопрос центральную роль государства в отправлении правосудия, автор лишь на новых основаниях подтвердил ее законность. Больше того, хотя многие и увидели в его книге провозглашение полностью рациональной, «утилитарной» концепции закона, по сути дела в этой концепции в значительной степени сохранены элементы карательного подхода (14).

Французская Революция, начавшаяся в 1789 году и захватившая начало девятнадцатого века, корнями уходила в эпоху Просвещения, но сформировала и собственную философию. Она тоже нападала на обычаи и привилегии, стремясь заменить их рациональной концепцией закона и новым видением государства. Но как и Просвещение, лишь оправдывала усиление государственной власти.

Новые уголовные кодексы, принятые революционным правительством и Наполеоном, отразили эту тенденцию. Они предоставили государству еще больше прав на преследование. Эти кодексы тоже подразумевали применение наказаний, хотя более рациональных и справедливых.

Таким образом, изменения, произошедшие в восемнадцатом и начале девятнадцатого века, сыграли важную роль в становлении современной формы карательного правосудия. Государство получило новые полномочия и механизмы по осуществлению власти. Закон приобрел статус святыни, нарушение которой было предосудительно и, следовательно, «заслуженно» подлежало наказанию.

Философия Просвещения и позднейшая практика способствовали тому, что преступления стали определяться в терминах нарушения закона, а не фактически причиненного ущерба. Если же ущерб и принимался во внимание, то рассматривался в масштабе всего общества, а не конкретного лица. Так как считалось, что государство отражает интересы и волю народа, нетрудно было представить такое государство в роли жертвы и оставить за ним монополию на правосудие. Именно Просвещение создало новую «физику» страдания.

Мыслители Просвещения и Французской революции не опровергали положение, что преступление требует применения наказания. Напротив, они предлагали более рациональную схему причинения страдания и создали новые механизмы назначения наказания.

Основным инструментом причинения страданий стала тюрьма. В эту эпоху было достаточно причин для введения и качестве санкции тюремного заключения. Однако заманчивость такого вида наказания была обусловлена, прежде всего, тем, что сроки заключения можно было устанавливать в соответствии с тяжестью преступлений. Тюрьмы позволили измерять наказания в единицах времени, создавая видимость рациональности и научности приговоров.

Далее, тюрьмы отвечали изменяющемуся менталитету и запросам общественности. Для Старого Режима*, эпохи господства абсолютизма, были характерны жестокие публичные физические наказания, которые применялись в целях демонстрации силы и власти правителей. Новые правительства, построенные на более демократических основах, для подтверждения своей легитимности не так уж нуждались в принародном проявлении власти. Кроме того, люди стали более чувствительными в вопросах боли и смерти; подход к таким явлениям, как смерть и болезнь, изменился, отражая новую потребность прятать или даже отрицать эти тяжелые стороны жизни (15). Тюрьмы же как раз представляли собой более скрытый вид наказания.

Изменилась не только технология причинения страданий, но и конечная цель. В раннюю эпоху Просвещения объектом наказания было тело, и наказание могло быть очень жестоким. Сегодня тюрьма, по словам французского историка Мишеля Фуко, пытается добраться до души преступника (16). Американские квакеры, защитники тюрем (17), верили, что результатом лишения свободы могут стать покаяние и обращение. В более поздних аргументах в пользу тюремного заключения утверждалось, что тюрьма является лабораторией по преобразованию моделей поведения и мышления, по формированию новой

личности. Было найдено замечательное разнообразие доводов в пользу тюрем, используемых ради так называемого «целенаправленного страдания» (по словам Н. Кристи).

Официальное государственное правосудие, корни которого уходят в далекое прошлое, встречало довольно мощное противодействие. И лишь в девятнадцатом веке государственное правосудие одержало окончательную победу. Американский опыт служит как раз подходящим примером (18). Излагая историю американского правосудия, исследователи часто подчеркивают раннее складывание официальных государственных форм правосудия и относят зарождение формального публичного уголовного преследования к дореволюционному периоду. Последние исследования, однако, показали, что прокуроры того времени играли довольно ограниченную роль. Вплоть до середины де пятнадцатого века и даже позже у них было мало полномочий для возбуждения или прекращения дела. Напротив, другие формы правосудия (включая посредничество, примирение и разбирательство в гражданском суде) были достаточно популярными и сохранялись еще долгое время после того, как восторжествовало государственное правосудие. Популярной формой, по крайней мере, в случаях причинения материального ущерба, было возмещение, и жертвы играли ключевую роль.

В конце концов государственное правосудие одержало полную победу. В США важнейшими шагами в этом направлении стали введение поста прокурора с широкими полномочиями и распространение пенитенциарных учреждений. В результате сегодня, по словам Джерольда Ауэрбаха, «закон является нашей национальной религией, юристы — нашим духовенством, а зал суда — храмом, в котором разыгрываются современные драмы страстей» (19).

Масштабы правовой революции

Победа государственного правосудия совершилась не в один день. Но — и опираясь на документальный материал, Гарольд Берман наглядно продемонстрировал это — победа означала настоящую правовую революцию с далеко идущими последствиями. Масштабы этой революции в теории и практике правосудия можно кратко представить следующим образом.

Во-первых, в ядре революции был переход от частного или общинного правосудия к публичному, защищающему государственный интерес. Этот процесс начался с предоставления государству права на самостоятельное уголовное преследование. Поначалу государство претендовало на сотрудничество, затем на господство, пока окончательно не монополизировало право на отправление правосудия в отношении подавляющей части конфликтов и нарушений, которые стали «преступлениями».

В ходе огосударствления правосудия понятие жертвы преступления было переопределено, реальная жертва была замещена жертвой юридической — государством. Жертва стала абстракцией, реальные действующие лица отступили в решении дела на второй план.

Во-вторых, параллельно шло преобразование самой основы правосудия, в результате которого место традиций и обычаев заняли формальные законы. Суть правосудия стала отождествляться с писаным законом, как он интерпретировался и применялся профессионалами. Во все возрастающей степени критерием правосудия становилось соблюдение процессуальных правил.

Определенные виды конфликтов и причинения вреда выделялись из общей совокупности как требующие разбирательства в уголовном процессе, где государство играло ведущую роль. Другие рассматривались в гражданских процессах, где за участниками сохранялись достаточно широкие возможности влияния на исход дела.

В-третьих. Одной из альтернатив общинного правосудия было возмездие, государство приняло на себя эту функцию, сократив возможности принятия иных решений. Наказание стало нормой, другие способы урегулирования конфликтов и примирение стали

необычным и даже незаконным явлением. Поскольку нормой сделалось наказание, а не возмещение ущерба, роль пострадавших в разрешении дела стала практически не значимой.

Интересно, что Церковь никогда не выступала с серьезной критикой происходящего. Она активно поддерживала процесс огосударствления правосудия, ее больше волновали вопросы контроля над кровной мезтью, и она с готовностью приняла ведущую роль государства.

Приобретя статус нормы, наказание стало более разнообразным. Изменилось и его символическое значение.

В древности элемент возмездия всегда присутствовал при определении наказания. По крайней мере, в понятие наказания вкладывалась и идея отмщения за жертву. Чаше всего наказание было публичным. Одни виды конфликтов и причинения вреда выделялись из общей совокупности как требующие ведения уголовного процесса, где государство играло ведущую роль. Исполнение наказания всегда воспринималось как символический акт морального восстановления жертвы.

В теократических обществах наказание подразумевало и символическое очищение всей общины от осквернения, принесенного преступлением. Наказание было наглядным подтверждением того, что общество не прощало подобные действия и таким образом поддерживало ощущение границ и самоидентичности общины.

Зарождающееся новое государственное правление часто персонифицировалось королевскими фамилиями, которые были озабочены укреплением своего положения. Жестокие публичные наказания служили символом власти государства, демонстрацией и подтверждением его силы. Правосудие в таких условиях было не более, чем театром виновности и возмездия, демонстрирующим устрашающую силу центральных властей (20). Суровость наказаний во многом объясняется их символической ролью. Они предназначались для демонстрации силы государства и возможных последствий сопротивления этой силе. Наказания должны были внушать ужас. Превращение наказания в символ государственной власти объясняет общественное сопротивление некоторым формам наказания. Висельники были бельмом в глазу многих европейских общин, отчасти потому, что являли собой репрессивное государственное правосудие (21).

В наши дни наказание обычно обосновывается чисто утилитарными, прагматическими целями: устрашения, предупреждения совершения новых преступлений, исправления преступника. Но за всем этим сохраняется важная символическая подоплека, которая, как мне представляется, содержит элементы ранних форм наказания. Когда я наблюдаю за ходом судебного процесса в момент вынесения приговора, мне часто кажется, что за ним стоит такая же потребность продемонстрировать власть государства и закона над индивидом.

В-четвертых. С изменением концепции правосудия возникло новое видение преступления и преступника. Преступления стали толковаться не как локальные столкновения между конкретными людьми, а как коллективное зло, общественная или моральная ересь. Преступлениям стали теперь приписывать нарушение одновременно и социального, и Божественного порядка. Интересы общества стали превыше личных. У государства появилась серьезная аргументация для использования силовых форм укрепления общественного и морального порядка. Правосудие стало рассматриваться как восстановление равновесия, метафизического равновесия неких абстракций.

Смена парадигмы правосудия

Правовая революция, как я уже отмечал, являла собой смену парадигмы, способа конструирования и оценки реальности. Что лежало в основе этой смены? На это можно ответить по-разному, и некоторые ответы уже предлагались.

Лешан и Маргено отмечают, что новые парадигмы появляются как способ разрешить наиболее насущные общественные или культурные проблемы (22). Научная парадигма, по их мнению, возникла как попытка решить наиболее насущную проблему западного общества в период позднего средневековья. Проблема эта возникла, прежде всего, в связи с

такими бедствиями, как Черная Смерть*. Общество очутилось перед необходимостью взять на себя контроль за окружающей средой и разработало парадигму, соответствующую этой потребности. Однако с возникновением новых проблем парадигма устарела, и для их решения возникла потребность в новом инструментарии.

В чем же состояла проблема, для решения которой была предназначена карательная парадигма? Некоторые видят существо проблемы в усложнении структуры общества и его обезличивании, что, в свою очередь, обусловлено ростом численности населения, урбанизацией и индустриализацией. По-видимому, традиционные способы разрешения конфликтов перестали оправдывать себя вне общины.

Другие отмечали потребность, по крайней мере высших слоев общества, в контроле над возможными беспорядками. Власти стремились подавить классовую борьбу и найти пути поддержания порядка, ничего не меняя в системе социального и политического неравенства.

Есть еще одна довольно распространенная точка зрения, где речь идет о потребности общества в ограничении кровной мести. Имеется в виду, что кровная месть была неконтролируемой силой, воспрепятствовать которой можно, лишь передав в руки государства «законную монополию на насилие». Этот довод часто выдвигался представителями государства. Однако историки далеко не уверены, что месть была настолько неконтролируемой или альтернативные решения были так редки, как пытается показать эта теория.

В какой-то мере, ответом на поставленный вопрос может быть потребность зарождающихся государств в полной монополии на власть. В чем же состояло назначение карательной парадигмы в таком контексте? По-видимому, в обосновании легитимности усиления государственной власти. По словам социолога Льюиса Козера, современное государство — это «жадная организация» (23).

Во всяком случае, на смену старой пришла новая парадигма. Но в скором времени стали проявляться ее аномалии. Вводились разнообразные «эпициклы» и паллиативные меры. И тем не менее, сегодня аномалии проявляются особенно остро. Возможна ли другая парадигма? Если да, может ли она взять что-то из прошлого? Традиция предлагает нам некоторые варианты.

Примечания:

(1) Помимо источников, на которые ссылается данная глава, полезную информацию содержат: George Calhoun, *The Growth of Criminal Law in Ancient Greece* (Berkeley: University of California Press, 1927); Michael Ignatieff, *A Just Measure of Pain: The Penitentiary in the Industrial Revolution, 1750-1850* (New York: Pantheon Press, 1978); Stanley Cohen and Andrew Scull, eds., *Social Control and the State*, (New York: St. Martin's Press, 1983); John H. Langbein, «The Historical Origins of the Sanction of Imprisonment for Serious Crime», *Journal of Legal Studies*, 5 (1976); Langbein, *Prosecuting Crime in the Renaissance, England, Germany and France* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1974); Alfred Soman, «Deviance and Criminal Justice in Western Europe, 1300-1800: An Essay in Structure», *Criminal Justice History: An International Annual*, I (1980), 3—28; Pieter Spierenburg, *The Spectacle of Suffering: Executions and the Evolution of Repression* (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1984).

(2) J. W. Mohr, «Criminal Justice and Christian Responsibility: The Secularization of Criminal Law», неопубликованный доклад на ежегодной встрече Канадского центрального комитета меннонитов, Аботсфорд, Британская Колумбия, 22 января 1981 г.

(3) Soman, «Deviance and Criminal Justice», p. 18.

(4) Bruce Lenman and Geoffrey Parker, «The State, the Community and the Criminal Law in Early Modern Europe», in *Crime and the Law: The Social History of Crime in Western Europe Since 1500*, eds. V. A. C. Gatrell, Bruce Lenman, Geoffrey Parker (London: Europa Publications, 1979), pp.19ff.

(5) См. Herman Bianchi, «Justice as Sanctuary», неопубликованная рукопись; «An Exchange on Sanctuaries», *International Association for the History of Crime and Justice Newsletter*, November 1986, pp. 27—33; Michael R. Weisser, *Crime and Punishment in Early Modern Europe* (Atlantic Highlands, New Jersey, Humanities

Press, 1979), p.54; Paul Rock, *Law, Order and Power in the Late Seventeenth — and Early Eighteenth-Century England*, in *Social Control and the State*, eds. Cohen and Scull, pp. 191—221.

(6) Harold J. Berman, *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983) and «The Religious Foundation of Western Law», *The Catholic University of America Law Review*, 24, No. 3 (Spring, 1975), pp. 490-508. Новаторская работа Бермана имеет исключительно важное значение. Другие источники, представляющие интерес для изучения ранних этапов современной революции правосудия и права: A. Esmein, *A History of Continental Criminal Procedures* (Boston: Little, Brown and Co., 1913) and Weisser, *Crime and Punishment*.

(7) См. Esmein, *A History*, pp. 121ff.

(8) Gerald Austin McHugh, *Christian Faith and Criminal Justice: Toward a Christian Response to Crime and Punishment* (New York: Paulist Press, 1978), pp. 14ff.

(9) Конечно же, такого рода логика была не нова по характеру. Концепция определения виновности или невиновности с помощью ордалий (испытаний огнем и водой), применявшихся в средневековом судебном процессе, основывалась на идее взаимосвязи. Средневековая мысль видела определенную связь между Богом и природой. Так как некоторые преступления были преступлениями против Бога, ожидалось, что сама природа отвергнет преступника. Злой человек, брошенный в воду, не потонет, потому что сама вода, будучи чистой, оттолкнет его или ее. Невинный же должен был пойти ко дну — сомнительное преимущество для тех, кто не умел плавать.

(10) Lenman and Parker, «The State, the Community and the Criminal Law». Идеи Ленмана и Паркера стали одной из составляющих концептуальной основы данной главы.

(11) Bianchi, «Justice as Sanctuary», chapter 6, p. 13ff.

(12) Сравни Herman Diederiks, «Patterns of Criminality and Law Enforcement During the Ancient Regime: The Dutch Case», in *Criminal Justice History: An International Annual*, I (1980), pp. 157-174.

(13) Помимо вышеупомянутых источников, см. Michael Ignatieff, «State, Civil Society, and Total Institutions: A Critique of Recent Social Histories of Punishment» in *Social Control and the State*, eds. Cohen and Scull, pp.75-105; and Jacques Ellul, *The Theological Foundations of Law* (New York: Seaury Press, 1969).

(14) См. David B. Young, «Let Us Content Ourselves with Praising the Work While Drawing the Veil Over Its Principles: Eighteenth-Century Reactions to Beccaria's *On Crime and Punishment*», *Justice Quarterly*, 1, No.2 (June 1984), pp. 155-169.

(15) Spierenburg, *Spectacle of Suffering*, chapter 6.

(16) Michel Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (New York, Pantheon Press, 1977). См. также Ignatieff, *A Just Measure of Pain* and «State, Civil Society».

(17) В 1990 году исполнится двести лет с момента основания первой современной тюрьмы — тюрьмы Волнат Стрит.

(18) См. Josephine Gittler, «Expanding the Role of the Victim in a Criminal Action: An Overview of Issues and Problems», *Pepperdine Law Review*, 11, (1984), pp. 117—182 and Allen Steinburg. «From Private Prosecution to Plea Bargaining: Criminal Prosecution, the District Attorney, and American Legal History», *Crime and Delinquency*, 30, No. 4 (October 1984), pp. 568—592.

(19) Jerold S. Auerbach, *Justice Without Law?* (New York: Oxford University Press, 1983), p. 9.

(20) Сравни Spierenburg, *Spectacle*, pp. 200ff.; Mark A. Sargent, review of Foucault in *New England Journal on Prison Law*, Spring, 1979, pp. 235—240; Heinz Steinert, «Beyond Crime and Punishment», *Contemporary Crises: Law, Crime and Social Policy*, 10, No. 1 (1986), p. 25 and Horace Bleackley and John Lofland, *State Executions Viewed Historically and Sociologically* (Montclair, New Jersey: Patterson Smith, 1977).

(21) См. Spierenburg, *The Spectacle of Suffering*, Chapter 2 and pp. 200ff

(22) Lawrence Leshan and Henry Margenau, *Einstein's Space and Van Gogh's Sky: Physical Reality and Beyond* (New York: Collier Books, 1982).

(23) Lewis A. Coser, *Greedy Institutions* (New York: Free Press, 1974)

Глава 8

Правосудие по завету: библейская альтернатива

Заглядывая в прошлое, мы обнаруживаем модель, отличную от современной: общинное правосудие. Но существует еще одна модель, которая представляет большую ценность для христиан — это библейское правосудие.

Утверждение, что библейское правосудие представляет собой разительный контраст с карательной моделью, может многих удивить. Ведь если Библия и цитируется в нашем обществе, то чаще всего со ссылкой именно на те тексты, которые имеют отношение к правосудию. «Око за око», говорит Господь. Разве не очевидно, что Библия разрешает воздаяние по заслугам в виде наказания за преступления?

Но в этом «око за око» есть нечто большее, чем видно невооруженному глазу. При ближайшем рассмотрении содержание принципа «*lex talionis*»* раскрывается совершенно иначе, нежели предполагает большинство людей. И более того, его никак нельзя назвать ведущим для парадигмы библейского правосудия.

Что говорит Библия?

Что же говорит Библия о таких явлениях, как преступление и правосудие? Она много о чем говорит нам, только не все доступно нашему пониманию, так как мы живем в другую эпоху и в другом обществе. На первый взгляд, многие высказывания могут даже показаться противоречащими друг другу.

Возьмите, например, несколько статей закона, извлеченных из Пятикнижия в Ветхом Завете:

«Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на *теле* человека, так и ему должно сделать».

(Лев 24, 19-20)

«Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь. Уставы мои соблюдайте; скота твоего не своди с иною породю; поля твоего не засевай двумя родами *семян*; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся».

(Лев 19, 18-19)

«Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, — то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания и скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»; тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и *так* истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся».

(Втор 21, 18-21)

«...То, согрешив и сделавшись виновным, он должен возвратить похищенное, что похитил, или отнятое, что отнял, или порученное, что ему поручено, или потерянное, что он нашел; или если он в чем поклялся ложно, то должен отдать сполна, и приложить к тому пятую долю и отдать тому, кому принадлежит, в день приношения жертвы повинности».

(Лев 6,4-5)

«Не паши на воле и осле вместе».

(Втор 22,10)

«И хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество: пришлец ли, туземец ли станет хулить имя [Господне], предан будет смерти».

(Лев 24, 16)

Создается впечатление, что в одних высказываниях во главу угла поставлена идея возмездия, в других — примирения. Некоторые в большей степени «соответствуют» мышлению двадцатого века, другие кажутся совершенно чуждыми, даже варварскими. Очевидно, что мы не можем следовать всем им одновременно. Как же нам выбрать те, которым нужно следовать? Как разобраться в этом? (1)

Один из подходов, который может облегчить нам задачу толкования, состоит в том, чтобы ограничиться только Новым Заветом — наиболее современным библейским материалом. Этот подход имеет свои достоинства, так как Христос указывал, что «новый завет» пришел на место старого.

Ясно, что Новый Завет должен служить нам путеводной нитью. Но игнорировать Ветхий Завет значило бы отрезать от себя все богатство материала, большая часть которого была источником и фоном, на котором формировался Новый Завет. Чтобы получить наиболее исчерпывающее представление о значении для человечества правосудия и Божьего предначертания, нам следует более серьезно отнестись к Ветхому Завету. Не стоит отказываться от Ветхого Завета по той лишь причине, что он часто цитируется в нашем обществе.

Изучая Библию и, в первую очередь, Ветхий Завет, мы должны помнить о том, что он написан в иную эпоху. Мир Ветхого Завета отдален от нас не только по времени и географическому положению, но и по своей философии, политической системе, общественному устройству. Как и следовало бы ожидать, законы того времени отличались от современных по форме. У них было иное назначение, и применялись они иначе, чем в наши дни (2). Даже те представления, которые стояли за понятиями вины и ответственности, были отличны от современных, и это определяло соответствующие концепции закона и справедливости.

Вина, к примеру, считалась коллективной, то же относилось и к ответственности. Вследствие этого оказывалось, что некоторые виды преступлений оскверняют все общество. Для снятия подобной вины совершались коллективные обряды искупления. Так, в качестве ответа на ряд преступлений Ветхий Завет предписывает жертвоприношения, что сегодня нам совершенно чуждо.

В связи с этим нам трудно понять законы, изложенные в книгах Левит и Второзаконие. Как можно заметить на примере процитированных текстов, предписания касались не только таких преступлений, которые кажутся подходящими для кодекса законов (убийство и кража), но и таких нарушений, которые с сегодняшней точки зрения кажутся незначительными (спорные вопросы из области сельского хозяйства, продуктов питания, одежды, бракосочетания, богослужения). Одни преступления и ответные действия, предписываемые Библией, имеют явно религиозный и культовый характер, тогда как другие представляются более обыденными.

Так как наши миры столь различны, использование библейских — в частности ветхозаветных — предписаний в области законотворчества и правосудия может оказаться в наше время крайне затруднительным. Бесспорно, было бы ошибкой выбрать несколько ветхозаветных законов и попытаться применить их в современной ситуации. То же можно сказать и о попытке пересадить отдельные библейские понятия на новую философскую почву. Как мы дальше увидим, такой подход уже привел к извращению важных библейских истин. В первую очередь, мы должны уяснить, какие принципы и установки лежали в основе ветхозаветного мировоззрения, и только после этого мы сможем перейти к вопросам закона и правосудия. Как учил Христос, мы должны постичь дух, а не букву закона. Только после этого мы будем в состоянии понять отдельные библейские «законы» и применить их к современной ситуации.

Дальше я попытаюсь раскрыть основные направления и горизонты ветхозаветной мысли в этой области. Я не ставлю своей целью подробный анализ функций, форм, содержания и применения древнееврейских законов. Моя задача в том, чтобы кратко охарактеризовать основные течения, а потом с учетом проанализированного материала перейти к рассмотрению понятий правосудия и закона. В итоге я намерен сделать неко-

торые выводы о содержании понятий преступления и правосудия, которые сегодня могут оказаться актуальными.

Если мы хотим прояснить библейское представление о законе и правосудии, необходимо рассмотреть два фундаментальных понятия: *шалом* и *завет*. С этого и начнем.

Шалом

Центральная тема библейского послания, выраженного в Ветхом и Новом Завете, — учение о мире, заключенное в древнееврейском слове «шалом» (на древнегреческом — *eirēnē*). *Шалом* нельзя отнести к темам второго плана, поставить в один ряд со множеством других тем. *Шалом* — это «ядро веры», вокруг которого группируются другие темы. *Шалом* включает в себя основные намерения Бога, Божественные предначертания для человечества. Поэтому мы должны понимать спасение, искупление, прощение и справедливость, исходя из их источника — философии *шалом*.

Традиционный перевод слова «шалом» — «мир» — передает лишь одно значение этого понятия, но не схватывает всего богатства его смыслов в древнееврейском языке. «Шалом» означает «правильный порядок вещей», когда всюду царит гармония. В своей авторитетной книге «Шалом: Библейское слово для Спасения, Справедливости и Мира» *Перри Йодер*, специалист по Ветхому Завету, отмечает, что слово «шалом» употребляется в Библии в трех основных значениях (3).

Вопреки общепринятым представлениям, оно прежде всего подразумевает материальные, физические условия и обстоятельства. Материальное благополучие человечества входит в изначальные замыслы Бога. Как минимум, это значит, что «все в порядке» («all rightness»). В каком-то смысле, благополучие предполагает даже нечто большее: изобилие и богатство. Во всяком случае, картины будущего, так живо нарисованные пророками, включают здоровье и материальный достаток, отсутствие физических страданий, болезней, нищеты и войн.

Второе значение «шалом» касается общественных отношений. Бог хочет, чтобы люди жили в добрых отношениях между собой и с Богом. *Жить-в-шалом* — это жить в мире, без враждебности (но не значит — без конфликтов!).

Библия ясно показывает, что *шалом* подразумевает справедливые экономические и политические отношения в обществе.

Снова и снова Библия подчеркивает, что угнетение и несправедливость противны духу *шалом*, им не должно быть места в обществе. *Шалом* зависит от добрых отношений между людьми, а, следовательно, предполагает отсутствие всякого угнетения. *Шалом* означает благополучие всего общества, а потому существенные различия в уровне материального благосостояния и степени обладания властью, которые приводят к обнищанию и угнетению многих, не могут сосуществовать с *миром-шалом*. Если нет всеобщего благосостояния, отсутствует и *шалом*.

Третья область значений слова «шалом» в библейском контексте — нравственная, или этическая сфера. В этом случае, по словам П. Йодера, «шалом» расшифровывается как «порядочность». Здесь имеются в виду два оттенка: честность, или отсутствие лжи во взаимоотношениях, и безупречность (отсутствие вины, греха). Такое значение — честность и нравственная чистота — хотя и существенное, встречается, однако, в Библии намного реже, чем остальные.

Шалом — это мир, как его задумал Господь. Благополучие должно касаться материальных условий жизни человека, сферы межличностных, социальных и политических отношений, а также того, что касается непосредственно его самого. Там, где положение вещей не отвечает этим требованиям, отсутствует и *шалом*. Его отсутствие было главным обвинением, направленным против Божьего народа пророками Ветхого Завета. *Шалом* — как мировоззрение — дает надежды и обещание будущего.

Хотя в рамках этой книги мы не сможем разобрать все богатство значений, заложенных в этом понятии, нам следует помнить, что *шалом* лежит в основе многих

ведущих тем библейской веры. Мироззрение *шалом* помогает нам понять действия Бога и Его обещания на протяжении всей библейской истории.

Тема *шалом* красной нитью проходит через всю ткань ветхозаветной мысли, она стала центральной и для Нового Завета. Авторы Нового Завета использовали слово «eirene» в смысле «шалом» для обозначения доброй вести Господа всему человечеству (4). Как и «шалом», «eirene» подразумевает мир в отношениях между людьми и Богом, а также в межличностных взаимоотношениях на всех уровнях.

Жизнь, учение и смерть Христа являются наглядным примером такой жизни. Они преобразуют отношения не только между Богом и человечеством, но и между людьми. По словам П. Йодера, «Иисус пришел для того, чтобы все поставить на свои места в отношениях между людьми, между человечеством и Богом, и даже в природе» (5).

Таким образом, примирение является важной темой Нового Завета, но благополучие в физическом и материальном существовании, которое входит в Божьи планы для человечества, рассматривается в традициях Ветхого Завета.

Завет

В Библии основа и первичная модель *жизни-в-шалом* заложена в идее завета (6). Израильтяне верили в то, что Бог заключил с народом завет (договор*). Эта вера была главным, что отличало их от народов Ближнего Востока. Идея завета оказывала определяющее влияние на их представления о законе, правосудии и справедливости, общественном порядке, вере и надежде. Законы, сходные по характеру, а возможно заимствованные из законодательств близлежащих государств, были этим заветом радикально трансформированы.

В мире Библии завет был обязательством, связывающим две стороны. Завет подразумевал личные отношения между заинтересованными сторонами и предполагал некоторые взаимные обязательства. Библейская вера предполагает существование завета между Богом и людьми, завета, основанного на праведных делах спасения, осуществляемых Богом. Центральным актом спасения в Ветхом Завете было освобождение, Исход из Египта. Этот акт спасения совершился только благодаря Божественной любви, он не был заслуженным.

Хотя Исход был свершившимся действием, история Ветхого Завета представляет собой череду подобных освобождений, актов спасения. Пророки видели в этих повторяющихся актах подтверждение Божественного обязательства в отношениях со Своим народом, обязательства, запечатленного в завете. Несмотря на то, что народ Божий часто не исполнял свою долю заветных обязательств, пророки продолжали утверждать, что Бог сохраняет верность своему первоначальному обещанию.

Время от времени люди возобновляли завет с Богом, и опять возникали условия для *жизни-в-шалом*: вновь отношения в общине становились справедливыми. Завет, следовательно, служил одновременно исходным пунктом и моделью *шалом*.

Но завет предполагает взаимные обязательства; понятия закона и справедливости позволяли людям понимать и обеспечивать *шалом*, выполняя эти обязательства.

Освободительным актом Ветхого Завета, заложившим фундамент парадигмы завета и мироззрения *шалом*, был Исход из Египта, из «дома рабства». Новый акт спасения — жизнь, смерть и воскресение Христа — лег в основу «нового» договора. Новый Завет, возникший на основе ветхозаветных понятий, в обновленной форме разворачивает идеи *шалом* и завета. Наступил новый день в отношениях Бога и человечества — и между людьми. Однако, так же как и в Ветхом Завете, основой нового договора является Божественный акт спасения и освобождения. Этот Божественный акт позволяет нам жить вместе *в мире-шалом*, предполагающем взаимные обязательства в отношениях между Богом и людьми, а также людей между собой.

В основе старого завета был акт спасения и освобождения. Этот завет заложил фундамент нового общества, с собственными принципами, — общества, ориентированного на *шалом*. Новый завет так же зиждется на акте спасения и освобождения, так же создает

основу для нового общества со своими принципами организации жизни. Он обеспечивает условия для деятельности Бога по установлению *мира-шалом*. Завет продолжается.

Шалом и завет как преобразующие силы

Шалом и завет были преобразующими силами в формировании идей закона и правосудия в библейском обществе. В ходе развития народ Израиля сталкивался с теми же трудностями и нуждами, что и окружающие ближневосточные общества. Подобно вавилонскому правителю Хаммурапи, израильские правители, сталкиваясь с проблемами роста, урбанизации и разделения труда, испытывали потребность в унификации и разработке единых стандартов. Законы и постановления, издаваемые в Израиле для решения этих проблем, часто имели определенное сходство и даже общие корни с законами ближневосточных государств. Однако израильские понятия закона и правосудия по существу радикально отличались от тех, что были приняты Хаммурапи — отличались, поскольку были преобразены силами *шалом* и завета.

Миллард Линд, специалист по Ветхому Завету, пишет, что законы Хаммурапи были государственными законами. Они имели иерархический, принудительный, карательный характер, основывались на представлении о далеком и всемогущем царе (7). Израильские же законы только Бога признавали источником верховной власти. Это был личный, верный Бог, заинтересованный в судьбе своих подопечных и человечества в целом. Это соответствует идее *шалом*, на этом строится вера в завет — *шалом* и завет преобразовывали правосудие и законы. Поэтому правосудие по завету резко отличалось от государственного закона.

Идея преобразования-преображения важна сама по себе, но в ней заложено и нечто большее. Бог бессмертен и всеведущ. Понимание же человека всегда неполно, как напомнил нам Христос (Марк 10, 5), и Бог учитывает это. Но Бог раздвигает горизонты, стараясь расширить наше понимание и познание. Этот процесс отражается в библейских сюжетах и пронизывает всю историю. Будучи Сам частью этого процесса, Христос дополнял, а часто и преображал ветхозаветные представления. *Шалом* и завет были преобразующими силами, формирующими идеи закона и правосудия, но, в свою очередь, и сами преображались.

Таким образом, понятие преобразования-преображения имеет несколько граней. Линд определил этот многосторонний процесс как «трансформацию правосудия и справедливости от Моисея до Иисуса».

Справедливость по завету

Идея *шалом* означает, что для Библии вопрос справедливости совсем не периферийный, это не «факультативный предмет», которым можно пренебречь (8). Справедливость касается отношений, соответствующих духу *шалом*, и потому образует фундамент для понимания характера Бога, того, Кто есть Бог и чем должны быть мы. По сути дела, справедливость (и правосудие) становится лакмусовой бумажкой, по которой определяется наличие *шалом*.

Поэтому не удивительно, что вопрос справедливости поднимается в Библии так часто. Не случайно, что, когда пророки обвиняли народ Израиля в измене Богу, они ставили ему в упрек несправедливость в той же мере, что и несоблюдение обрядов.

В иврите нет такого слова, которое можно было бы перевести как «справедливость». В Ветхом Завете встречаются два слова, которые обычно переводятся на английский как «справедливость» — это «цедек» (*цдака*) и «мишпат» (9). Ни то, ни другое полностью не соответствует нашему слову «справедливость», но оба подразумевают праведность, правильный порядок вещей, совершение справедливых поступков, добрых дел. Совершать справедливость — значит восстанавливать правильный порядок вещей и делать добрые дела, и история заветных отношений Бога и Его народа являет собой образец, обет и призыв. Отношения Яхве с Израилем, следовательно, определяют норму такого справедливого порядка. Библейская справедливость основана на представлении о *шалом*, сформированном

на примере спасительных актов Бога в Его отношениях со Своим народом. Знание о том, как Бог отвечает на преступления, проливает свет на то, что такое Божественная справедливость.

Каковы же отличительные черты Божественной справедливости?

Вслед за древними греками и римлянами, мы применяем понятие справедливости один раз по отношению к социальной сфере — здесь мы говорим о «социальной справедливости», иногда употребляя термин «распределительная справедливость»; другой раз — к сфере «уголовного правосудия», тогда мы говорим о «воздающей справедливости». Когда речь идет о нарушениях в области распределения богатства и власти, мы относим эти вопросы к «социальной справедливости». Когда же речь заходит о нарушениях, подпадающих под категорию преступлений, мы относим это к сфере «воздающей справедливости»*.

Социальная (распределительная) справедливость кажется нам далекой и труднодостижимой целью, зато мы тратим много времени и сил, добиваясь воздаяния в рамках правосудия. Видимо, считается, что эти две сферы можно разделить и к решению вопросов справедливости в каждой из них подходить по-разному.

Библейская справедливость интегрирует обе сферы, воспринимая их как части единого целого. Любое проявление несправедливости в какой бы то ни было области рассматривается как противоречащее идее *шалом*. Действия притеснителя настолько же предосудительны, как и действия грабителя, — они одинаково противостоят смыслу *шалом*. Справедливость едина.

Хотя области действия «воздающей» и «распределительной» справедливости регулируются у нас разными правилами, считается, что в основе справедливости как таковой лежит принцип честного распределения вознаграждений: люди должны получать по заслугам. Такая концепция предполагает существование некоего абстрактного морального порядка, равновесия, нарушение которого должно быть непременно восстановлено. При этом имеется в виду, что справедливое вознаграждение еще нужно *заслужить*. Идея социальной справедливости, к примеру, предусматривает, что люди должны хоть в какой-то мере быть достойными того, что получают. Точно так же в центре внимания правосудия, построенного на принципе *воздающей справедливости*, стоит вопрос определения *заслуженного наказания*.

В Библии отводится место заслуженному наказанию — «зуб за зуб», но место это отнюдь не центральное. Представление о строго отмеренной справедливости, «зуб за зуб», смягчено видением *шалом-справедливости*, которая, как и Божественное спасение, принимает во внимание потребности, а не заслуги.

На примере библейской истории мы можем проследить окончательный отказ от буквального выполнения принципа «зуб за зуб». Мы довольно часто сталкиваемся с тем, что предусмотренное законом, ожидаемое наказание не приводится в исполнение. Несмотря на то, что Каин заслуживал смерти за убийство брата, Бог отвергает наказание. Жена Осии совершает смертный грех — прелюбодеяние — но остается безнаказанной. По законам своего времени она заслуживала смерти — тем не менее, Иисус опять отвергает наказание. Отказ от воздаяния по заслугам наглядно изображен в притче Иисуса о виноградарях: работники, которые вышли на работу в полдень, получили столь же щедрое вознаграждение, что и те, которые вышли утром — в полном противоречии с концепцией заслуженной справедливости «зуб за зуб», или «баш на баш».

Но главное — что отказ от понимания справедливости как воздаяния проявляется в самих действиях Бога, на основе которых мы формируем представление о справедливости в духе *шалом*: несмотря на постоянные грехи Израиля, Бог не оставил Свой народ.

Мы склонны считать, что любовь и милосердие не имеют ничего общего со справедливостью, даже противопоставлены ей.

Судья выносит приговор. Потом он может смягчить наказание, но это будет восприниматься уже как акт милосердия. Библейское же представление о справедливости вырастает из любви. Такая справедливость является актом любви, направленным на то,

чтобы восстановить нарушенный порядок вещей. В библейском мировоззрении любовь и справедливость не противопоставлены, они не конкурируют друге другом. Напротив, любовь становится источником справедливости, которая видит свою цель в восстановлении гармонии.

Стоит отметить, что западные представления о романтической и чувственной любви осложняют возможность понимания любви как источника действий. Библейское представление о любви не исключает простых человеческих чувств. Христос ясно говорит, что чувство ненависти столь же серьезно, что и сами действия. И все же библейская любовь не имеет ничего общего с приятными эмоциями. Любовь — это сознательный акт заботы о благе ближнего. Когда Библия говорит о любви, скорее подразумеваются действия и воля, нежели чувства.

Библейская справедливость видит свою задачу в восстановлении правильного порядка вещей; в первую очередь, она сосредоточивается на освобождении. Бог стремится восстановить гармонию, освобождая тех, кто угнетен материально, социально, душевно. Справедливость правосудия, так же как и восстановление социальной справедливости, есть акт освобождения. Оно совершается не потому, что заслужено, но потому, что кто-то нуждается в нем.

Наше представление о правосудии, заимствованное у римлян и получившее юридическое оформление в период Французской революции, олицетворяется женщиной с повязкой на глазах и весами в руках. Правосудие относится ко всем как к равным, одинаково беспристрастно. Но справедливо ли обращаться с неравными людьми как с равными? Не узаконивается ли при этом неравноправие? Библейское правосудие направлено на восстановление правильного порядка вещей, а это подразумевает избавление угнетенных. Библейское правосудие никак нельзя назвать беспристрастным по отношению к притесненным и беднякам, оно, бесспорно, на стороне бедных, отдает должное их нуждам и невыгодному положению. У библейского правосудия глаза открыты, и его руки протянуты навстречу тем, кто нуждается.

Так как библейская справедливость призвана делать жизнь лучше, она не предназначена для поддержания *status quo*. Напротив, в ее цели входит расшатывание *status quo*, совершенствование, развитие в направлении к *жизни-в-шалом*. Такое движение далеко не для всех несет благую весть, для притеснителей в нем, безусловно, содержится весть недобрая. Это еще один пункт, по которому библейское правосудие расходится с современным. Последнее, стремясь поддержать «порядок», закрепляет существующее положение вещей, *status quo*, игнорируя его несправедливый характер.

Согласно Библии, критерий правосудия не в том, насколько скрупулезно выполняются соответствующие правила, но каков конечный результат. Дерево оценивается по плодам (10). Правосудие определяется содержанием, а не процедурой. Лакмусовой бумажкой правосудия является то, как оно сказывается на бедных и притесненных.

Являя собой лишь несовершенное отражение этого идеала, отправление правосудия в библейские времена все же стремилось к справедливости по завету (11). В случаях причинения вреда люди шли к городским воротам искать справедливости в «правовой ассамблее», в которой принимали участие горожане. Целью такого суда, иногда называемого «организацией примирения», было не установление некоего абстрактного правопорядка, но решение проблемы. В этом контексте термин «решение суда» можно перевести как «урегулирование». Наиболее частым результатом разбирательства были возмещение ущерба и компенсация. Приведенный выше отрывок из книги Левит (Лев 6, 4—5) характерен, в том смысле, что призывает к возмещению убытков и дополнительной компенсации. В книге Исход (Исх. 18) Моисей учреждает правление судей. Цель его состояла не в разделении на выигравших и проигравших, но в обеспечении того, что «весь народ сей будет отходить в свое место с миром» (Исх. 18, 23), то есть *шалом*.

Поэтому не удивительно, что слова, обозначающие расплату (*shillum*) и компенсацию (*shillem*), одного корня со словом «шалом» (*shalom*). Возмещение ущерба было попыткой воссоздать правильный порядок вещей. «Компенсация» иногда пере-

водилась как «воздаяние», но при этом подразумевалось скорее удовлетворение, нежели возмездие. И расплата и компенсация в равной мере имели целью восстановление *шалом* (12).

Преступления рассматривались как причиняемое людям зло и нарушение отношений в духе *шалом*, процесс правосудия предполагал урегулирование. Это модель, с которой мы сталкиваемся в главе 6 Книги пророка Михея. Народ Израиля, пойдя наперекор Божественной воле, преступил закон завета. Жалобы Бога выражены в форме, по-видимому, типичной для судебного процесса того времени: через пророка Михея ярко и образно представлены жалоба Бога и последствия преступления. И в результате: несмотря на отступления от закона, Бог не покинет Свой народ. Фрагмент 7,18 Книги пророка Михея раскрывает нам характер Божественного правосудия: «Кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления остатку наследия Твоего? не вечно гневается Он, потому что любит миловать».

Как видно на этом примере, *воздаяние* проходит в качестве одной из тем Ветхого Завета, однако контекстом Божественного наказания обычно выступает *шалом*. Наказание не является — как в нашем обществе — финальной точкой правосудия. Смысл правосудия — в восстановлении для пострадавших (в «реабилитации» угнетенных). *Шалом* как духовная основа сдерживал потенциально карательный характер правосудия.

Точно так же мы видим, что само наказание понималось в контексте любви и единства общины. Иными словами, наказание сопровождалось возобновлением завета и воспринималось как справедливое, заслуженное. Такой характер наказания в большей степени способствовал примирению и восстановлению отношений, нежели отчуждению; тем самым, наказание несло функцию восстановительную, а не разрушительную. Оно не было самоцелью. Идея *шалом*, следовательно, смягчала действие карательного правосудия.

Совершенно очевидно, что библейское правосудие не было судебным расследованием преступления с целью установления виновности и определения заслуженного (в сегодняшнем понимании) наказания. Скорее, библейское правосудие давало возможность заглаживать вред, найти решения, которые способствовали бы восстановлению благополучия.

Закон завета

Итак, библейское правосудие придавало больше значения содержанию, нежели законности. Дурные поступки оценивались отнюдь не с точки зрения нарушения правил и законов, а правосудие не отождествлялось с правильным применением процедур. Нам все это может показаться довольно странным. Ведь именно в законах мы видим гарантию порядка и справедливости, а потому нарушение законов считаем преступлением, применение законов — правосудием.

Библия смотрит на это иначе.

Десять Заповедей, наиболее известные (хотя и не самые характерные) из библейских законов, позволяют нам взглянуть на природу и функцию законов. Такие законы мы обычно толкуем с точки зрения наших нынешних, мы видим в них, прежде всего, императивы, запреты: «Не делай этого, а не то...» Но эти законы можно прочесть не в повелительном наклонении, а в будущем времени изъявительного наклонения. Десять Заповедей, как и большинство библейских законов, больше похожи на приглашение, обещание: «Если вы будете жить, как следовало бы жить, вот какой будет ваша жизнь: вы не будете убивать; вы не будете красть...» Десять Заповедей — да и вся Тора* — предназначены служить образцом жизни по завету, в *мире-шалом* (13).

Таким образом, Тора предлагает образец *жизни-в-шалом* сообразно со старым заветом. Мы ошибемся, если увидим в ней лишь предписания, нерушимые правила. Это — обещание, приглашение, картина должной жизни.

В то время как Тора предлагает модель жизни общины по старому завету, Нагорная Проповедь выдвигает новый образец. Но, если опять рассматривать учение нового завета как предписания и запреты, мы снова ошибемся. Как и Тора, оно представляет собой

приглашение, образец *шалом*. Оба текста содержат не столько правила, сколько отражение того, какой будет жизнь, если мы начнем жить по-настоящему, жить в соответствии с духом *шалом*.

Таким образом, библейский закон предназначен для того, чтобы дать ориентиры: «Это направление, которому вы должны следовать». «Тора» переводится как «учение» и может трактоваться одновременно как история и как указание правильного пути, или «галаха». При нашем понимании строгости и непреложности закона поражает, как израильтяне могли обсуждать достоинства закона, спорить о нем. Законы были частью этической системы, больше того, служили предметом дискуссий, так как имелось в виду, что люди должны обсуждать закон. Мартин Бубер в своем переводе Библии на немецкий язык, возможно, наилучшим образом схватил дух библейских законов, назвав их «мудрыми указаниями». Они определяют направление и тем самым устанавливают принципы, но предполагают и обсуждение.

Библейский закон был задуман не как цель, но как средство. Лучшим законом был закон неписанный, и ценилась не буква, но дух закона. Таков был первоначальный характер Торы, но со временем он стал более косным, и именно против закоснелости и легализма выступал Христос. Отсюда становится ясным, почему по Ветхому Завету важно было действовать в соответствии с духом, а не буквой закона. Как на то указывал Христос, говоря о Субботе, закон создан для людей, а не люди для закона. Смысл в том, чтобы человек впитал в себя эти «мудрые указания», следуя в заданном законом направлении.

Библия содержит много детально разработанных правил, касающихся самых разнообразных сфер жизни. Мы склонны проецировать на них способы толкования наших современных законов, то есть интерпретируем их так, как нынешние кодексы. Однако на деле, многие из этих правил представляют собой лишь зафиксированные судебные прецеденты, предлагаемые как образцы возможных вариантов решений в подобных ситуациях. Они — являясь скорее мудрыми подсказками, нежели правилами — задают лишь общее направление, дух закона, указывают на ведущий принцип, в соответствии с которым могут приниматься новые решения. В них сформулированы принципы урегулирования конфликтных ситуаций, а не порядок установления виновности и определения наказания.

Закон задумывался как средство, но не самоцель. Он был инструментом для построения *жизни-в-шалом*, для формирования справедливых отношений. В его цели входило не наказание, но искупление, восстановление правильного порядка вещей.

Законы государств эпохи Древнего Израиля сочетали в себе элементы общинных и государственных законов (14). Однако такие законы, как законы Хаммурапи, подобно современным кодексам, носили безличный характер и основывались на политике государственного принуждения, в то время как заветный характер библейских законов предполагал, что послушание должно быть ответом на Божественную деятельность освобождения, а не на принуждение со стороны государства. Более того, и судебные, и государственные власти были подотчетны Богу и не имели независимого статуса. Закон не был самодовлеющим: как формулировка закона, так и приведение его в исполнение не были сосредоточены в руках государства. Хотя Израиль принял монархическую форму правления, его законы не изменили своего родового характера, и отправление правосудия осталось в ведении местных судов и родовых общин.

Сама форма библейского закона отражает тот факт, что он основан на завете и его целью является искупление. Библейский закон обычно начинается с напоминания Божественных деяний, а затем переходит к ответным обязательствам. В формулировке закона на первом месте обычно стоит причинное придаточное предложение (так называемое «придаточное причины»). Бог совершил акт спасения, освободив вас, *поэтому* следует поступать надлежащим образом. Так, например, закон о рабах в книге Второзакония опирается на такое придаточное предложение:

«Помни, что и ты был рабом в земле Египетской, и избавил тебя Господь, Бог твой; потому я сегодня и заповедую тебе сие».

Подобным образом и Десять Заповедей предваряются напоминанием о спасительных делах Бога (Втор 5, 15). Такое придаточное причины характерно для большинства ветхозаветных законов (15), той же схеме следует и апостол Павел.

«Придаточное причины», причинно-следственная логика «поэтому» основаны непосредственно на концепции завета, и в этой форме закон сам по себе становится новым подтверждением завета. Закон основан на Божественном акте освобождения, которое совершается от избытка любви, а не в ответ на особые заслуги. Бог сделал это для нас, *поэтому* мы должны ответить. Таким образом, вырисовывается модель отношений, по которой закон является следствием благодати. Форма закона определяет не только нашу ответственность, но и причины, побуждающие взять на себя эту ответственность: искупительные деяния Бога.

Суть истории Библии — от Ветхого до Нового Завета — в том, что Бог не отчаивается. И именно в этом, стремясь к совершенству, мы должны подражать Ему: в безусловной любви, в любви незаслуженной, в прощении, в милосердии.

В формуле «око за око» выражена суть библейского закона, основанного на принципе воздаяния «зуб за зуб». Однако в Ветхом Завете это высказывание встречается всего три раза. В Новом Завете Христос и вовсе отвергает его: «Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам... любите врагов ваших... молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 38—44). Но действительно ли Христос противоречил законам Ветхого Завета?

«Око за око» было требованием эквивалентности, скорее ограничивающим, нежели провоцирующим кровную месть. Оно сдерживало разрушительную энергию мщения. Собственно, именно это требование стало важнейшим юридическим принципом, легшим в основание института возмещения ущерба, унаследовавшего концепцию пропорционального ответа на правонарушение.

Таким образом, смыслом формулы «око за око» было не само по себе возмездие, но ограничение и эквивалентность. Больше того, исходя из завета, ориентированного на освобождение, этот принцип устанавливал равенство.

24-я глава книги Левит — как раз одно из трех мест, где мы встречаем это положение. Принцип «око за око» — в поэтической форме — повторяется там в нескольких вариантах. Непосредственно из этого вытекает требование предъявления одинаковых стандартов — как к пришельцам, так и к местным. Пришельцы часто были притесняемы и обездолены. Бог постоянно напоминал израильтянам, что некогда они сами были пришельцами, и только Господь по Своей воле спас их. Так же должны и они заботиться о пришельце в своей среде. Следовательно, указание «око за око» прививало мысль о том, что все достойны равного обращения.

Ветхий Завет признает и оправдывает возмездие, но библейский закон изначально пытался установить ограничения. Одним таким ограничением был «lex talionis», принцип эквивалентности (16), другим — образование городов-убежищ. 19-я глава Второзакония предписывает учреждение святилищ, где могли укрыться и переждать в безопасности те, кто совершил непредумышленное убийство, пока страсти не улягутся и можно будет перейти к переговорам.

Библейская парадигма

Все вышесказанное подтверждает тот факт, что парадигма библейского правосудия, включая и ветхозаветное правосудие, зиждется отнюдь не на возмездии. Ключом к пониманию этой парадигмы является не формула «око за око», а «придаточное причины».

Собственный ответ Бога на дурные действия людей считался нормальным явлением. Реакция Бога, сталкивающегося с такими нарушениями, описывается в антропоморфной терминологии: гнев, ярость. Корни слов, которые переводятся как «гнев» и «ярость» («арф»,

«anaph», «paqam»), связаны с физическими ощущениями жара, тяжелого дыхания. Бог гневается и порой наказывает (17). Но нам снова следует проявлять осторожность при переводе. Знатоки древнееврейского языка говорят, что некоторые однокоренные слова, часто переводимые как возмездие и наказание, могут означать и удерживание в определенных границах, обучение, восстановление справедливости. Концепция наказания тоже может быть заложена в этой парадигме, но выражать нечто иное, нежели мы подразумеваем под этим словом в английском языке (18). Более того, апостол Павел, цитируя Писание, напоминает нам в Послании к Римлянам (12, 19), что наказание принадлежит Богу, а не нам.

Возможные погрешности перевода объясняют, почему нам иногда кажется, что в Библии есть противоречия в описаниях Бога как карающего и одновременно как долготерпеливого и многомилостивого (напр. Исх. 34,6; Чис. 14, 18). Бог наказывает, но Бог и верен своим обещаниям. Израиль снова и снова совершает преступления, и Бог гневается, но Он не сдаётся. От гнева Бог переходит к целительным действиям. Возмездие подчинено идее *шалом*, что ограничивает и смягчает действие карательного правосудия (19).

Характер Божественного правосудия ярко вырисовывается в таких текстах как Левит (26) и Второзаконие (4). Перед израильским народом предстает страшная картина чудовищных последствий греха. И все же каждый отрывок заканчивается обещанием, что Бог не отступится. Бог не уничтожит их. Бог верен и милосерд.

В Новом Завете реакция Христа на проступки еще более очевидна в своей направленности на исцеление, восстановление. И это вовсе не радикальное нарушение ветхозаветной традиции, не отступление от духа старого завета. Скорее, это следует понимать как развертывание, продолжающееся преобразование правосудия.

Библия начинается с истории убийства. Она признает, что в определенной ситуации безграничная жажда мести естественна для человека. 4 глава книги Бытие говорит о «законе Ламеха», который мстит «в семьдесят раз всемеро», то есть до бесконечности (20).

Но вскоре появляется предел. В первой истории убийства, в случае с Каином, «естественный» ответ — смерть убийцы — не воспоследовал. А в книге Левит мы уже находим «око за око» — принцип ограничения и эквивалентности.

Вводится и еще одно ограничение: люби ближнего своего; не мсти своим братьям и сестрам. Берн Редекп предложил собственный перевод Левита (19, 17—18):

«Не позволяй ненависти к своему брату или сестре заполнять свои мысли. Обращайся к своему ближнему, объясняя его/ее неправоту. Не позволяй неправильным порывам (греху) брать верх над тобой. Не мсти и не держи зла на членов твоей общины. Люби ближнего твоего как самого себя. Я твой Господь» (21).

Шалом возможен, лишь если мы заботимся о благополучии друг друга, даже в том случае, если один из нас совершил проступок.

Христос развивает эту тему, усиливая заложенные в ней принципы и расширяя область их применения. Притча о милосердном Самарянине указывает на то, что наши ближние — не только те, кто подобен нам. Наша ответственность простирается и на тех, кто не принадлежит к нашему роду. Мы должны делать добро тем, кто причинил нам зло. Не беспредельная месть, как в законе Ламеха. И не ограниченная месть, как в «*lex talionis*». Нет, это безграничная любовь. И не случайно, наверное, Христос доводит эту цифру до «семижды семидесяти», число, превосходящее всякое воображение. От безграничной мести к безграничной любви — мы прошли по полному кругу.

Бог спасающий, освобождающий от угнетения независимо от заслуг, ограничивающий себя во гневе, но безграничный в любви (на поэтическом языке Второзакония — «до тысячи родов»). Именно бесконечной любви Божией мы призваны подражать, а не гневу. «Придаточное причины» становится также и элементом модели (22).

Именно «придаточное причины», а не «*lex talionis*» схватывает суть правосудия по завету. Это парадигма восстановления, а не возмездия.

В пятой главе я набросал несколько положений, на которых основана наша современная модель правосудия возмездия, или «карательная» модель. Как же они соотносятся с библейскими мерками? Ниже приводится таблица, где современные положения о правосудии сопоставлены с библейскими.

Представление о правосудии

Современное правосудие	Библейское правосудие
1. Справедливость разделяется на две сферы со своими собственными правилами	1. Справедливость воспринимается как неразрывное целое
2. Отправление правосудия — это установление виновности	2. Отправление правосудия — это поиск решения
3. Критерий правосудия — сам процесс, надлежащая правовая процедура	3. Критерий правосудия — достигнутый результат
4. Фокусировка на наказании (причинении страданий)	4. Фокусировка на восстановлении
5. Наказание как цель	5. Наказание как искупление в духе <i>шалом</i>
6. Принцип воздаяния, заслуженной справедливости	6. Принцип (незаслуженной) справедливости, основанной на потребностях
7. Правосудие противопоставлено милосердию	7. Правосудие основано на милосердии и любви
8. Правосудие беспристрастно, претендует на равное отношение ко всем	8. Правосудие одновременно беспристрастно и пристрастно
9. Правосудие как способ сохранения status quo	9. Правосудие активно, стремится изменить status quo
10. В центре внимания виновность и абстрактные принципы	10. В центре внимания причиненный вред
11. Преступление как нарушение закона	11. Преступление как насилие над людьми, над отношениями в духе <i>шалом</i>
12. Вина несмываема	12. Вину можно искупить, но остаются обязательства
13. Разделение на «преступников» и остальных	13. Признание, что все мы грешники (преступники перед Богом)
14. Ответственность исключительно индивидуальна, социальный и политический контексты не учитываются	14. Ответственность индивидуальна, но с учетом духовного контекста
15. Действие рассматривается как результат свободного выбора	15. Действие рассматривается как результат выбора, но с учетом могущества сил зла
16. Закон как запрет	16. Закон как «источник мудрости», учитель, предмет обсуждения
17. Фокусировка на букве закона	17. Фокусировка на духе закона
18. Жертва — государство	18. Жертвы — люди и <i>шалом</i>
19. Правосудие разделяет	19. Правосудие объединяет

Наша система правосудия прежде всего сосредоточивается на проблеме виновности, следовательно, она обращает свой взгляд в прошлое. Библейская система ориентирована на решение проблем, на восстановление гармонии, правильного порядка вещей, обращая свои взоры в будущее.

Современное правосудие применяет ко всем принцип воздаяния, чтобы каждый получил «по заслугам». Библейское правосудие отвечает на потребности, часто воздаявая добром за зло. Библейское правосудие вступает в действие, потому что нарушается *шалом*, а не потому что кто-то заслужил возмездия.

Нашим первым — а часто единственным — ответом на установленную виновность становится причинение страдания в качестве наказания. Как только наказание определено, процесс правосудия считается законченным. А для правосудия по завету наказание — не цель, но средство на пути к окончательному восстановлению. Больше того, наказание есть, в первую очередь, дело Бога. В центре библейского правосудия стоит восстановление гармонии, *шалом*, которые достигаются помощью нуждающимся.

Сегодня критерием правосудия является формальное исполнение всех процессуальных правил. Библейское правосудие оценивается содержанием, результатом, критерием являются его плоды. Приводит ли достигнутое решение к восстановлению справедливости? Все ли сделано для восстановления справедливости по отношению к бедному, наиболее бесправному, менее всего «заслуживающему»? Библейское правосудие ориентируется на правильные отношения, а не на правильные процедуры.

Наша правовая система трактует преступление как нарушение правил, законов. Роль жертвы мы отдаем государству. В библейском понимании преступление не сводится к нарушению правил, но определяется как насилие над добрыми отношениями. Именно конкретные люди и отношения, а не государство и даже не абстрактный моральный порядок, являются жертвами.

Таким образом, основные положения библейского правосудия совершенно отличны от наших нынешних. Но критика современного правосудия с точки зрения библейской парадигмы выходит за рамки тех характеристик, которые я перечислил в 5-ой главе. Библейское представление о справедливости не позволяет нам размежевать вопросы «преступления» и вопросы социального неравенства. Справедливость едина, ее нельзя разделить. Корпорации, которые совершают подлоги или наносят вред людям, разрушая окружающую среду, несут такую же ответственность за свои действия, как и отдельные индивиды, совершающие убийства. Социальный контекст преступления должен приниматься во внимание: нельзя рассматривать преступление или преступника в отрыве от его среды. Необходимо бросить вызов несправедливым законам, к какой бы области они ни относились.

Современное правосудие стремится быть нейтральным и беспристрастным, обходиться с людьми как с равными. В первую очередь оно ориентировано на поддержание порядка. В связи с этим, а также в связи с тем, что оно отделяет вопросы уголовной юстиции (*criminal justice*) от вопросов социальной справедливости (*social justice*), получается, что поддерживая порядок, оно сохраняет *status quo*. Следовательно, слишком часто современное право является консервативной силой. Библейское же правосудие, как я пытался показать, — активная, прогрессивная сила, которая стремится преобразить существующий порядок вещей, сделав его более справедливым. Особое внимание уделяет оно положению бедных и бесправных.

Современное правосудие отводит центральное место государству с его методами принуждения, рассматривается государство в роли источника, стража и исполнителя закона. Библейское правосудие ставит во главу угла конкретных людей и отношения, закон же и государство подчиняются Богу.

Таким образом, библейское правосудие предлагает альтернативную парадигму, которая ставит под сомнение достоинства нашего государствоцентричного, карательного подхода.

Итак, в противовес общепринятому мнению, библейское правосудие скорее восстановительное, нежели карательное. Но если это так, каким образом возникло такое недоразумение? Как тема возмездия и кары затмила тему восстановления?

Некоторые связывают появление столь ошибочной трактовки с так называемым историческим «коротким замыканием», возникшим вследствие сращивания некоторых библейских идей с понятиями греко-римского права. Такие понятия как «*dex talionis*», имевшие специфическое значение в контексте завета и *шалом*, были вырваны оттуда и пересажены на почву более абстрактной греко-римской философии, в вопросах права более ориентированной на идею воздаяния (23). Концепции воздаяния и наказания потеряли связь с философией *шалом* и, оторванные от восстановительного контекста, стали самоцелью. Интерес греко-римской философии к абстрактным принципам и идеалам привел к абстрагированию таких понятий как справедливость и воздаяние по заслугам, что противоречит самому духу библейского закона. Изначальные фокусировки были утеряны и извращены, тогда как некоторые из прежних форм сохранились. И складывалось впечатление, что новый гибрид имеет библейские корни.

В результате люди стали смотреть на Библию через эти линзы, переводя и толкуя тексты под этим углом зрения. Нетрудно, исходя из гипотезы о карательной концепции, акцентирующей внимание на жестких законах, виновности и наказании, найти в Библии нужные темы. Также нетрудно было проглядеть при этом более важный и всеохватывающий мотив — восстановление.

Примером сказанному может послужить то, как мы толкуем центральное событие библейской истории — искупление. Перри Йодер отмечает, что в Библии нет развитой теории искупления (смерти Христа) (24). Мы сталкиваемся с образами, метафорами, мыслями, которые богословы использовали для построения различных версий.

Смерть Христа так и осталась для многих главной проблемой. Почему смерть одного человека должна «искупить» грехи остальных? Теории, выстроенные в ответ на этот вопрос, имеют тенденцию интерпретировать библейские события с точки зрения римской идеи справедливости и правосудия.

Некоторые теории выставляют Бога гневным судьей, которого необходимо задобрить. Люди — грешники, оскорбившие Бога. Они заслуживают наказания, поскольку наказание — естественное следствие греха, и возмещение ущерба невозможно. Бог не может так просто простить: это будет отступлением от карательного правосудия. У людей есть долг перед Богом, но Христос предлагает себя в замен этого долга. Подобный подход явно основан на карательном правосудии, а не на *правосудии-шалом*.

Традиционные переводы и использование текста Послания к Римлянам (5, 1—11) может послужить иллюстрацией предвзятого толкования. Первые слова этого отрывка посвящены миру и справедливости, но традиционная богословская трактовка и перевод не позволяют нам увидеть это в тексте (25). В обычном переводе мы читаем: «Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом...» Большинство протестантов уделяют пристальное внимание слову «оправдавшись», толкуя его как действие, посредством которого Бог объявляет нас невинными, несмотря на то, что мы виновны. Именно юридическая процедура, история суда оказывается в самом центре искупительного акта, и эта процедура предполагает действия со стороны Бога, а не с нашей стороны. Лойс Баррет отмечает, что более точным переводом могло бы быть следующее: «Итак, вступая в более справедливые отношения через веру (или верность)...» Ветхозаветное богословие, на основе которого Павел развивал свое учение, было богословием заветного правосудия. В его свете искупление предстает совсем иначе.

Богословие *шалом*, в котором мы видим основу искупления, предлагает нам совсем другой взгляд — тогда очевидна связь между жизнью и смертью Христа, а также их связь со всей предыдущей историей. Жизнь Христа — это попытка привести человечество к состоянию *шалом*, к Царству Божию. В результате возник конфликт с властями, итогом

которого стала его смерть. Но Христос воскрес, и это стало знамением: знаком того, что страдающая любовь торжествует над злом, символом триумфа добра, который раньше или позже настанет. Жизнь Христа представляет собой модель жизни в духе *шалом*. Его смерть и воскресение были предвестниками будущего освобождения, знамением того, что *шалом* возможен.

Используя ветхозаветную символику, новый завет, как и старый, заключается с соблюдением ритуала жертвоприношения. В духе заветной справедливости Бог прощает нас, и не потому что мы заслужили это, но потому что Бог любит нас. Долговые расписки можно уничтожить.

Что стоит в центре библейского учения: возмездие или восстановление? Это не маловажный вопрос. Ответ на него во многом определяет то, как мы понимаем сущность Бога и его действий в истории. И это не тот вопрос, которым христиане могут пренебречь.

Примечания:

(1) С дискуссией о толковании Библии можно познакомиться в работах Willard M. Swartley, *Slavery, Sabbath, War, and Women: Case Issues in Biblical Interpretation* (Scottsdale, Pennsylvania: Herald Press, 1983), Chapter 5; Perry Yoder, *Toward Understanding the Bible* (Newton, Kansas: Faith and Life Press, 1978).

(2) Для понимания ветхозаветного закона могут помочь Hans Jochen Boecker, *Law and the Administration of Justice in the Old Testament and Ancient East* (Minneapolis: Augsburg Publishing House, 1980); Dale Patrick, *Old Testament Law* (Atlanta: John Knox Press, 1985); работа Millard Lind (см. далее).

(3) Perry B. Yoder, *Shalom: The Bible's Word for Salvation, Justice, and Peace* (Newton, Kansas: Faith and Life Press, 1987). Обсуждение Йодером понятий «шалом», «справедливость», «закон» и «завет» существенно повлияло на данную главу.

(4) Yoder, *Shalom*, p. 19-21.

(5) Yoder, *Shalom*, p. 21.

(6) Помимо труда Йодера, я многое извлек из обсуждения завета и закона Миллардом Линдом. См. Millard Lind «Law in the Old Testament» in *The Bible and Law*, ed. Willard M. Swartley, Occasional Papers No. 3 of the Council of Mennonite Seminaries (Elkhart, Indiana: Institute of Mennonite Studies, 1983); and *The Transformation of Justice: From Moses to Jesus*, Issue No 5 of «New Perspectives on Crime and Justice: Occasional Papers» (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1986).

(7) **Lind, *Transformation of Justice*, p. 3.**

(8) Помимо вышеупомянутых источников, см. Matthew Fox, *A Spirituality Named Compassion and the Healing of the Global Village, Humpty Dumpty and Us* (Minneapolis: Winston Press, 1979).

(9) Например, Книга пророка Михея 6:1-8. См. Lind, *Transformation*, p. 1. См. также примечание стр. 166.

(10) Сравни Herman Bianchi, *A Biblical Vision of Justice*, Issue No. 2 of *New Perspectives on Crime and Justice: Occasional Papers* (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1984), p.7.

(11) См. Boecker, *Law and the Administration of Justice*, pp. 31ff.

(12) См. Dan W. Van Ness, *Crime and Its Victims* (Downers Grove, Illinois: InterVarsity Press, 1986), p. 120; Van Ness, «Pursuing a Restorative Vision of Justice», in *Justice: The Restorative Vision*, Issue No. 7 of *New Perspectives on Crime and Justice: Occasional Papers* (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1989), p. 18.

Миллард Линд предложил следующие значения однокоренных слов:
Shillum (*Шиллум*): вознаграждение, воздаяние, взятка (Ос 9,7; Мих 7,3).

Shillem (Шиллем): воздаяние (Вт 32,35).

Shalom (Шалом): благополучие, являющееся результатом заветных отношений с Богом.

Mishpat (Мишпат): Божественная справедливость в ее социальном проявлении; нормы поведения, зарождающиеся в отношениях человека с Богом, а также отношения людей между собой, основанные на этих нормах.

Sedeqah (цедек): как синоним «*мишпат*» может быть переведено «*справедливость*». Там, где значения расходятся, мишпат относится к совершаемому правосудию, а цедеку следует понимать как черту характера Бога в роли царственного владыки. Может также переводиться как спасение или победа. Когда относится к людям, может подразумевать моральное поведение, или такие человеческие дела, которые напоминают о делах и учении Яхве.

Eirene (Айрене): Гармония и согласие между народами и отдельными личностями; безопасность и благополучие, являющиеся плодом заветных отношений (см. *shalom*).

(13) Herman Bianchi, *A Biblical Vision*, pp. 5—7. Здесь же можно ознакомиться с дискуссией о Торе и *цдаке*.

(14) Эти вопросы обсуждаются главным образом в работах Линда, Йодера, Букера и Патрика. См. также Jonh E. Toews, «Some Theses Toward a Theology of Law in the New Testament» in *The Bible and Law*, ed. Willard M. Swartley, pp. 43—64.

(15) См. Второзаконие 12-28 и Левит 17-26. Краткое обсуждение «придаточного причины» см. Lind, «Law in the Old Testament», pp. 17ff. and Yoder, *Shalom*, pp. 71ff.

(16) См. Patrick, *Old Testament Law*, chapter 4; Roland de Vaux, *Ancient Israel* (New York, McGraw-Hill, 1961). p. 149; Boeker, *Law*, 171ff.

(17) См. Virginia Mackey, *Punishment in the Scripture and Tradition of Judaism, Christianity and Islam*, p. 43., опубликованный доклад на Национальных консультациях религиозных лидеров по уголовному правосудию, проведенных Национальным советом США по преступлениям и преступности в Клермонте, Калифорния, в сентябре 1981. См. также C. F. D. Moule, «Punishment and Retribution: An Attempt to Delimit Their Scope in New Testament Thought», *Svensk Exegetisc Arssbok*, XXX (1966), pp. 21-36; James E. Lindsey, Jr., «Vengeance», in *The Interpreter's Dictionary of the Bible, supplementary volume* (Abingdon: Nashville, 1976), pp. 932-933. Наиболее полезный источник по вопросу о гневе Господнем — это Mort MacCallum-Paterson, «Blood Cries: Lament, Wrath and the Mercy of God», *Touchstone*, May 1987, 14—25; and *Toward a Justice that Heals: The Church's Response to Crime* (Toronto: United Church Publishing House, 1988).

(18) Bianchi, *A Biblical Vision*, pp. 1-2. Сравни Moule, «Punishment and Retribution».

(19) Yoder, *Shalom*, p.36.

(20) Кларенс Джордан в нескольких местах подчеркивает это движение от безграничной жажды мести до безграничной любви. См., например, Clarence Jordan *Sermon on the Mount* (Valley Forge, Pennsylvania: Judson Press, 1973), rev. ed., pp. 63ff.

(21) Церковный совет по вопросам правосудия и коррекции (Канада). «Update» (Spring 1985).

(22) Lind, *Transformation*, pp. 5ff.

(23) Например, Herman Bianchi, «Justice as Sanctuary».

(24) Yoder, *Shalom*, pp. 53-70.

(25) См. Lois Barrett, «The Gospel of Peace», *MCC Peace Section Newsletter*, 18, No. 2 (March-April, 1988), pp. 1-8.

Глава 9

Примирение Жертв и Преступников: экспериментальная площадка

28-го мая 1974 года два юноши из Элмиры (Онтарио), признали себя виновными в актах вандализма, совершенных на территории двадцати двух частных владений (1). Тогда никто не мог предположить, что их дело ляжет в основу движения международного масштаба.

За несколько дней до суда группа христиан встретилась для обсуждения того, как христианам следует реагировать на магазинные кражи. О деле двух молодых людей тогда много писали, упоминалось о нем и в этом разговоре. Участвовал в этом разговоре и Марк Йантци, представитель службы пробации, ответственный за подготовку для суда материалов по этому делу. «А как было бы хорошо, если бы преступники могли встретиться с пострадавшими», — мечтательно сказал он. Но понимая, что это утопия, Марк не стал развивать свою мысль.

Но Дейв Уорт, координатор Добровольной Службы Меннонитского Центрального Комитета в Китченере (Онтарио), ухватился за эту идею. Считая существующую судебную процедуру неудовлетворительной и размышляя о том, как бы сделать миротворчество частью судебного процесса, он откликнулся: «Я готов попытаться». Марк, тоже меннонит, уже некоторое время работал в службе пробации, получив это место благодаря договору о сотрудничестве этой службы с Меннонитским Центральным Комитетом. Задача Марка состояла в поиске альтернатив, ориентированных на общину. Он был открыт к новым идеям, но испытывал некоторые сомнения. «Следует ли мне рисковать своей репутацией, предлагая переговоры между пострадавшими и преступниками, при том, что эти переговоры не имеют под собой никакой юридической почвы?» И все-таки Марк решился и предложил судье устроить встречу преступников с жертвами с последующим возмещением ущерба.

Судья ответил, как и следовало ожидать: «Это невозможно». Однако, к удивлению Марка и Дейва, когда подошел срок вынесения приговора, судья распорядился устроить встречу между преступниками и пострадавшими для решения вопроса о возмещении ущерба. В сопровождении сотрудников службы пробации или добровольцев-координаторов юноши посетили дома почти всех жертв, за исключением двоих, которые переехали на новое место жительства. Был урегулирован вопрос о размере возмещения, и в течение нескольких месяцев состоялась выплата. Так в Канаде зародилось движение Примирения Жертв и Преступников. В США это движение возникло в связи с проектом, разработанным в 1977—1978 гг. в Элкхарте, штат Индиана.

В деле Элмиры подход был примитивным. «Мы были достаточно бестактны, — вспоминает Марк. — Мы подходили к двери, они (юноши) стучались. Мы отступали в сторону, держа наготове свои блокноты». К счастью, с тех пор подход был значительно усовершенствован. Развивалась и сама философия, лежащая в основе Программы по Примирению Жертв и Преступников (the Victim Offender Reconciliation Program — далее в тексте VORP).

В настоящее время при значительном разнообразии подходов и наименований подобных программ — в Соединенных Штатах таких программ насчитывается в общей сложности около ста — все они в качестве ведущего элемента примирительной технологии используют посредничество (mediation) (2). Несколько десятков таких программ применяется в Канаде. Сходные программы существуют в Англии, а также в нескольких странах континентальной Европы, включая Германию, Францию, Финляндию и Голландию (3). Не все они восходят корнями к VORP, но около 60% программ, известных в Соединенных Штатах, безусловно связаны с традицией VORP. В совокупности эти

программы представляют собой широкую экспериментальную основу для подхода, который пытается включить в тело уголовного правосудия элементы примирения и возмещения ущерба. Зарождается и множество программ по разрешению конфликтов, часть которых касается дел, потенциально или реально имеющих уголовный характер. Такие программы стали дополнительным полем для поисков.

Идея программы VORP

В той «классической» форме, в какой VORP зародилась в Китченере, Онтарио, и в Элксарте, штат Индиана, она представляет собой независимую организацию, действующую вне уголовно-правовой системы, но тесно сотрудничающую с этой системой (4). Деятельность VORP заключается в организации встреч между пострадавшим и преступником «лицом к лицу» по делам, поступившим в ведение уголовного суда, и лишь в тех случаях, когда обвиняемый признал факт совершенного им правонарушения*. В ходе этих встреч акцент ставится на трех элементах: фактах, чувствах и соглашениях. Подготовка и проведение встречи находится в руках специального посредника (ведущего); желательно, чтобы это был доброволец из местной общины.

Ведущие встреч, или посредники, представляя нейтральную сторону, играют очень важную роль в этом процессе. При подготовке будущих ведущих их учат не навязывать собственное видение проблемы или свои решения. Ход встречи предполагает наличие особого плана, и тем не менее, именно участникам, а не ведущим встречи, предоставляется решающее слово. Обеим сторонам предлагается высказать собственную версию и уточнить у своего визави, что же все-таки, по его мнению, произошло. Далее, они обсуждают значение и последствия случившегося. После этого стороны вместе решают, что в связи с этим следует предпринять. Приняв совместное решение, они подписывают соглашение. Часто содержанием такого соглашения становится решение о материальном возмещении ущерба. Но это не единственная возможность.

Иногда преступники соглашаются поработать на пострадавших. Случается, что пострадавшие просят, чтобы преступники отработали на пользу общины, тогда подписывается контракт с общиной. Или же они могут сойтись на соглашении об особо оговоренных правилах общения. В том случае, если проступок касался людей, которые были прежде знакомы, такое соглашение может уточнить, как они должны вести себя в будущем по отношению друг к другу.

Такие встречи могут стать значимым опытом в жизни обеих сторон. Пострадавшие получают уникальную возможность получить всю информацию, задать волнующие их вопросы. Они могут выразить свои чувства, дать понять преступнику, чем стало для них это преступление, *но так же* и попытаться понять, что оно значит для того, кто его совершил. Поскольку жертвы встречаются с виновниками случившегося непосредственно, господствующие в их сознании стереотипы пересматриваются, а страх уменьшается. У пострадавших появляется возможность не только получить компенсацию, но и принять непосредственное участие в решении о характере такой компенсации. Таким образом, VORP создает условия для проявления чувств, обмена информацией и возмещения ущерба, возвращая при этом жертвам преступления чувство уверенности и ощущения контроля над ситуацией.

Преступники получают возможность увидеть в своих жертвах реальных людей. Они узнают о последствиях своего преступления из первых рук, что приводит к новому взгляду на прежние стереотипы и попытки самооправдания. В такой ситуации они вынуждены принять ответственность за свои поступки. Они имеют возможность подвести нечто вроде эмоционального итога всему случившемуся, восстановив справедливость конкретными делами, а также, если будут к этому готовы, выразив свое раскаяние и прося прощение. Поскольку преступники выступают здесь как подлинные участники, а не сторонние наблюдатели, они так же, как потерпевшие, могут обрести опыт управления собственной жизнью и чувства уверенности.

Встречи между жертвами и преступниками, организуемые для обсуждения преступления и приемлемых решений, стоят в центре VORP, но важная работа проводится и до, и после таких встреч. Первым делом ведущие встречаются по отдельности с каждой из сторон. Это позволяет преступникам и пострадавшим высказать свои чувства и потребности, а также решить, желают ли они участвовать во встрече. Если они изъявляют такое желание, организаторы устраивают встречу. По окончании встречи остается утрясти некоторые формальности. Одному из штатных сотрудников Программы поручается проконтролировать процедуру подписания договора, удостовериться в его исполнении, а также принять необходимые меры в случае неисполнения. Некоторые из программ предусматривают организацию заключительных встреч с целью подведения итогов после того, как соглашение выполнено.

В большинстве случаев дела направляются в VORP судами, хотя бывают исключения: иногда дела передаются в VORP полицией; порой инициатива исходит от жертв или преступников; в VORP могут поступать дела, от ведения которых отказалась прокуратура. Но в классических случаях в Соединенных Штатах сами суды отсылают преступников и пострадавших к этой Программе, и соглашения, достигнутые в результате действий VORP, полностью или частично ложатся в основу приговоров. По делам, которые направлены в VORP судом, преступники часто осуждаются условно и состоят под надзором до тех пор, пока не будут выполнены условия соглашения.

В Соединенных Штатах и Канаде большинство дел, попавших в ведение VORP, были делами об ограблении*. Метод, используемый в рамках VORP, адекватен для разрешения дел об ограблениях. «Система» часто относит ограбление к разряду второстепенных преступлений, тогда как в глазах пострадавших это посягательство на их личность. Встреча позволяет дать выход чувствам, понять, что произошло, увидеть конкретного человека. (Почему именно мой дом? А что, если бы я был дома? Что случилось с вещами, которые имели особую ценность из-за воспоминаний, связанных с ними?) Часто в ходе таких встреч страх уменьшается, стереотипы пересматриваются. Так как речь идет о материальных убытках, обсуждение способов возмещения становится конкретной целью встречи.

Но VORP берется не только за дела, касающиеся частной собственности. Уже начали работу программы, имеющие дело с насильственными преступлениями (5).

Одна такая программа, действующая в Виннипеге, в провинции Манитоба, сосредоточивает свое внимание в первую очередь на делах о нападении", несколько других программ тщательно работают со случаями серьезных актов насилия, включая убийства. Изучая Британские программы, мы пришли к выводу, что тяжесть преступления не является главным фактором успешности решения дела с помощью VORP.

Чему же мы научились?

На сегодняшний день большая часть наших результатов обнадеживает. Хотя только половина дел, направленных в VORP, закончилась встречами (эта цифра соответствует общей статистике по всем программам примирения), почти все состоявшиеся встречи привели к подписанию соглашений (6).

В отличие от соглашений о возмещении ущерба, заключенных вне этих программ, большинство договоров, подписанных в рамках программ примирения, в основном, исполняются (обычно более 80 или даже 90%).

Результаты исследования работы VORP на Среднем Западе Соединенных Штатов показали, что лишь 11 % всех пострадавших, участвовавших в программе, выразили некоторую неудовлетворенность. 97% отметили, что при необходимости они снова воспользовались бы услугами VORP и то же посоветовали бы своим друзьям (7). В проведенном недавно в Лангли (Канадской провинции Британская Колумбия) менее обширном исследовании, все пострадавшие выразили желание при необходимости вновь участвовать в этой программе (8). Следовательно, налицо удовлетворенность работой VORP со стороны жертв.

Пострадавшие объясняют свое желание участвовать в программе несколькими причинами, при этом многие отмечают важность возмещения ущерба. Однако, пройдя через весь цикл встреч и достигнув соглашения, они признают и другие преимущества, которые теперь кажутся им даже более значимыми. Например, изучение случаев ограбления в Миннеаполисе показало, что самым существенным результатом своего участия в программе пострадавшие сочли встречу с преступником. Такие встречи уменьшали страх, способствовали избавлению от стереотипов или давали пострадавшим возможность удостовериться в том, что преступнику оказана помощь. Опрошенные отмечали также важность предоставленной возможности высказаться и получить обратную связь (9).

В целом исследования показали, что пострадавшие больше всего обращали внимание на достигнутое ими чувство «причастности». Похоже, что VORP создает некоторые условия для исцеления: вновь возникает ощущение контроля над своей жизнью, появляется возможность выговориться и задать вопросы, возвращаются утерянные ценности и даже чувство уверенности в себе. Пострадавший становится сопричастным к тому, чтобы преступник изменил свое поведение. Последний мотив, оказавшийся столь важным для многих пострадавших, был полной неожиданностью для исследователей (10).

Преступники чаще всего тоже удовлетворены участием в программе. Все преступники, опрошенные на Среднем Западе США, а также 91% опрошенных в Лангли, Британская Колумбия, отметили, что, если бы возникла необходимость, они снова прошли бы через программу VORP. Преступники увидели в своих жертвах обыкновенных людей, порой резкая перемена в отношении к пострадавшим была очевидной. Но, конечно же, встречи были для них тяжелым испытанием, и многие говорили о них, как о суровом наказании. Часто преступники высказывались о встречах как о наилучшей и одновременно наиболее мучительной части процесса.

Способствует ли Программа каким-либо изменениям в поведении преступников? Некоторые из последних наблюдений показали снижение рецидива у преступников, принявших участие в программе. Необходимо провести дополнительные исследования, но Барт Галавей, известный специалист в области возмещения ущерба, ознакомившись с материалами, пришел к выводу, что возмещение и программы VORP оказывают на преступников не меньшее, а может быть, и большее влияние, чем другие санкции, снижая шанс повторных преступлений (11).

Активисты VORP, отмечая влияние Программы на изменение поведения преступников, тем не менее, не уверены, следует ли отводить этому аспекту центральное место. Ценность программы VORP заключается в том, что она ставит во главу угла отношения между пострадавшими и преступниками и учитывает насущные потребности обеих сторон, что официальным правосудием игнорируется. Программа VORP признает обязательства, возникающие в результате преступления, и даже если бы VORP не имела никакого влияния на дальнейшее поведение преступника, восстановленная справедливость есть самый правильный ответ на ситуацию преступления.

Но можно ли VORP считать правосудием? В ходе упомянутого исследования на Среднем Западе, пострадавшим и преступникам был задан вопрос, что такое правосудие и ощутили ли они его на собственном опыте. Почти 80% опрошенных с той и другой стороны, принимавших участие в VORP, ответили, что в их случае правосудие свершилось. Давались разные определения правосудия, но общими для всех темами были «восстановление справедливости» (библейское определение!), принятие преступниками ответственности, а также «честность и равноправие при решении споров». «Восстановление справедливости» было основным аргументом, которым преступники обосновывали свое участие в программе в Лангли. В исследовании, проведенном в Миннеаполисе, пострадавшими реже всего упоминалось наиболее распространенное понимание правосудия как процесса, связанного с тюремным наказанием. Исследование в Миннеаполисе было небольшим и предварительным, но одно из его открытий было особенно ценным. Пострадавшие, прошедшие через весь процесс VORP, вдвое чаще упоминали о том, что с ними обошлись по справедливости,

чем те, которые участвовали лишь в судебном процессе. По-видимому, VORP действительно несет в себе подлинное правосудие, которое люди ощущают как таковое.

В статье, написанной Бартом Галавеем в 1988 г., автор анализирует данные о работе программ по возмещению ущерба, включая и VORP, начиная с семидесятых годов. Его выводы обнадеживают (12).

Согласно выводам Галавея, опыт последних 16 лет бесспорно показал, что такие программы могут работать. Установление сумм возмещения ущерба не стало чрезмерно сложной задачей, и процент реальных выплат высок. Это касается и VORP. Исследования показывают, что более 50% пострадавших высказывают желание участвовать в программе. Посредничество представляет собой «жизнеспособный метод для установления сумм возмещения ущерба, и будет положительным опытом как для пострадавших, так и для преступников».

Галавей отмечает, что возмещение ущерба и VORP могут помочь в решении некоторых ключевых задач современной системы правосудия. Исходя из того, что люди должны получать по заслугам, карательное правосудие ставит своей целью установление наказаний, соответствующих преступлениям. Такое соответствие имеет место, когда обе участвующие стороны считают исход честным. Хотя исследования в этой области ограничены, судя по всему, возмещение ущерба представляется честным и удовлетворительным исходом и пострадавшим, и преступникам, и общественности. Следовательно, оно может считаться адекватной, «заслуженной» мерой.

Другая цель наказания — предупреждение совершения новых преступлений. Повторяют ли люди свои преступления? Поступает все больше данных, свидетельствующих о том, что возмещение ущерба, включая и программу VORP, оказывает такое же, если не большее, влияние на предупреждение рецидивной преступности, как и другие санкции.

И пострадавшие, и общественность будут поддерживать программы по возмещению ущерба. Разнообразные исследования показали, что общественность одобрительно относится к санкциям, в основу которых входит возмещение ущерба, и что она, также как и преступники, поддерживает введение наказаний, альтернативных тюремному заключению, в том числе и возмещения ущерба. Кроме того, такие программы, как VORP, могут знакомить пострадавших с материалами по их делу и тем самым способствовать формированию чувства причастности, а исследования показывают, что для пострадавших это имеет огромное значение.

Исходя из этих данных, Галавей делает вывод, что компенсационные программы (такие как VORP) должны постепенно вытеснить другие санкции, которые в ходу у современной системы уголовной юстиции. Канадский парламентский комитет по правосудию, а также заместитель министра юстиции предприняли шаги в этом направлении (13). В августе 1988 г. они опубликовали доклад по вопросам приговоров, исправительных мер и досрочного освобождения, озаглавленный «Взять на себя ответственность». В докладе описывается деятельность VORP и преимущества ее подхода, а также рекомендуется ввести ряд правовых изменений для его поддержки и поощрения. В одной из рекомендаций предлагается нестандартная цель приговора:

«В цели приговора входит способствовать поддержанию справедливости, мира и безопасности в обществе, привлекая преступников к ответственности за их преступное поведение посредством наложения справедливых наказаний, которые:

а) требуют или поощряют (в том случае, когда требовать нельзя) преступников признать тот вред, который они причинили пострадавшим и общине, а также взять на себя ответственность за последствия своего поведения;

б) учитывают те шаги, которые преступники уже сделали или собираются сделать в пользу пострадавших и/или общины для возмещения нанесенного ими ущерба либо проявленное ими желание взять на себя ответственность;

в) облегчают задачу примирения преступников и пострадавших в тех случаях, когда пострадавшие сами об этом просят, или изъявляют согласие участвовать в таких программах;

г) при необходимости, создают такие условия, которые способствовали бы реабилитации правонарушителя как полезного и законопослушного члена общества;

д) при необходимости, квалифицируют поведение как преступное и/или ограничивают правонарушителя в правах».

В докладе «Взять на себя ответственность» особое внимание уделяется тому, что волнует пострадавших: там признается, что, отводя государству роль жертвы преступления, процесс правосудия «не учитывает страдания реальных жертв и ощущение свершившейся несправедливости». Далее отмечается, что «существует пять основных условий, необходимых для того, чтобы вернуть пострадавшим чувство собственного достоинства и помочь им восстановить нормальное течение жизни». Такими условиями являются полная информация, поддержка, признание нанесенного ущерба, возмещение этого ущерба и эффективная защита.

Как видно из следующей выдержки, Комитет признает концепцию восстановительного правосудия:

«Защитники концепции восстановительного правосудия давно отметили важность как для пострадавшего, так и для преступника (и следовательно, в конечном счете, для общины) признания преступником своей ответственности за совершенные действия и принятия шагов по возмещению причиненного вреда».

Как важно правильно сформулировать цели

Подход VORP потенциально готов ответить на многие проблемы. Однако от движения в целом требуется ясность в понимании своих основных ценностей и целей. Что входит в первоочередные цели движения: служить альтернативой официальному правосудию? перевоспитывать преступников? помогать пострадавшим? вовлекать общину? наказывать преступников? Цели, которые ставит перед собой движение VORP в целом, значительно отличаются от их практического воплощения.

Неоднократно можно слышать замечание, что цели движения не всегда достаточно ясны и некоторые из них даже вступают в противоречие между собой. Отсюда, необходимо выбрать одну ведущую цель для всех программ и внести ясность относительно последствий такого выбора для других целей и их практического воплощения.

Если первоочередной целью станет перевоспитание преступников или облегчение наказания, это может привести к тому, что программа VORP фактически начнет пренебрегать нуждами пострадавших, даже несмотря на свои заявления о серьезном к ним отношении. Такая критика возникла в результате анализа некоторых английских программ (14). Если VORP стремится, главным образом, обеспечить альтернативу тюремному заключению, она будет уделять все свое внимание тяжким преступлениям, забывая о «второстепенных» делах, которые, тем не менее, имеют серьезные последствия для пострадавших и преступников. Ясность и приоритеты в том, что касается поставленных целей, крайне важны.

Некоторые из программ VORP вовсе не учли этих вопросов, другие ответили на них по-разному. Программа Элкарта пришла к выводу, что основной целью должно быть примирение. Сотрудники этой Программы признали, что «примирение» как цель звучит довольно странно в мире уголовной юстиции и раскрыть содержание такой цели достаточно трудно. И тем не менее, примирение как цель означает, что именно отношения преступника и пострадавшего будут в фокусе процесса. Как только определилась ведущая цель, в соответствии с ней была откорректирована вся программа деятельности. Так, например, сотрудников стали готовить не только к тому, чтобы они обеспечивали заключение соглашения, но и поощряли проявление чувств и установок.

Решение о примирении как цели (или по крайней мере, о создании *благоприятных условий* для примирения) вовсе не означает, что другие положительные результаты не имеют

значения или их не стоит добиваться, но лишь то, что они являются второстепенными. Так, например, работники VORP верят в то, что возможность взять на себя ответственность, которая предоставляется в рамках Программы, способна изменить поведение преступника. И однако, это не является первоочередной задачей: процесс стоит осуществлять даже в том случае, если его установки и поведение не меняются. Преступление наносит вред человеку, и перед этим человеком возникает обязательство. Следовательно, будет справедливо, если преступник предпримет попытку загладить свою вину. И это будет «справедливо», независимо от других последствий.

Фокусировка на столь нетрадиционной задаче создает некоторое напряжение в отношениях VORP с системой уголовной юстиции. Как можно объединить два столь различных по своим задачам процесса: один восстановительный, другой карательный? Возможно ли это, или большая система разрушит либо ассимилирует ту, что только нарождается? Сможет ли программа VORP помочь преобразованию карательной системы уголовной юстиции, или, напротив, система деформирует VORP? Постигнет ли VORP участь многих других «альтернатив», которые в конце концов превращались в новый инструмент государственного контроля и наказания?

Это не праздные вопросы, и исследователи предостерегают нас здесь об опасности. Некоторые программы стали — по примеру карательной системы — уделять больше внимания положению преступника, забыв при этом о пострадавшем. Примирение как цель иногда уступает место более доступным задачам, таким как признание своей ответственности преступником и даже возмещение ущерба. Многие, сосредоточивая все внимание на посредничестве, начали пренебрегать самой целью примирения.

Проведенное недавно исследование английских программ обращает наше внимание на опасности, которые подстерегают нас при внедрении нового опыта в старые системы уголовного правосудия (15). Это касается и (или даже в первую очередь!) института возмещения ущерба. По крайней мере, выводы исследования напоминают, что на первом месте должны стоять вопросы о наших ценностях. Эти выводы также диктуют нам необходимость нового понимания и нового языка правосудия, а также исследований, которые определили бы очертания восстановительной парадигмы и проверили бы ее на жизнеспособность.

Программа VORP в функции катализатора

С 1978 года я сам стал участником движения VORP. Вначале я делал это неохотно и был настроен скептически. Я и прежде работал в области уголовной юстиции, в результате чего у меня сформировался достаточно критический взгляд на систему. И поначалу я полагал, что VORP не ставит под сомнение основания этой системы или делает это недостаточно. Однако, впервые соприкоснувшись с работой VORP, я понял, что в своих прежних «критических» рассуждениях я фактически оперировал вполне стандартными категориями. Именно эта Программа оказалась в состоянии изменить мои взгляды на правосудие.

Работая до этого с подсудимыми и осужденными, я не понимал точку зрения пострадавших. По сути дела, я и не хотел ее понимать, так как она создавала препятствия в процессе поиска «справедливости» для преступников. Я не подвергал сомнению роль государства в правосудии, не задавался вопросом, является ли наказание и причинение страдания правильной целью. Однако я вполне сознавал, что в том, как в системе уголовной юстиции обращаются с правонарушителями и квалифицируют их деяния, довольно систематически совершаются несправедливости.

Работая в VORP, я вынужден был встречаться с жертвами преступлений и выслушивать их, это заставило меня переосмыслить сам феномен преступления, а также то, какой должна быть правильная реакция на него. На меня не мог не оказать влияния и тот опыт, который я получил в ходе встреч пострадавших с преступниками, когда два — первоначально враждебно настроенных друг к другу — человека расходились с новым пониманием происшедшего. Нередко они начинали видеть друг друга в новом свете, а

порой расставались даже в дружеских отношениях. В конце концов до меня стало доходить, значение происходящего. VORP стала тем механизмом, который преобразил мои собственные представления о правосудии и показал мне, что новое правосудие существует не только в теории, но и на практике. Но в то же время реализация и распространение нового подхода к правосудию, который заложен в VORP, ставит перед нами важные вопросы и вызывает определенные сложности.

Когда агрономы пытаются решить какие-либо проблемы с урожаем, они экспериментируют с новыми сортами и для проведения исследований высаживают их на опытных участках. Если эксперимент завершается успешно, такие участки служат для демонстрации результатов, чтобы убедить других в его полезности. С 1974 года программа VORP служила таким опытным участком (16): одновременно экспериментальной площадкой и «наглядным пособием». Роль VORP как «наглядного пособия» очень важна: VORP служит напоминанием о том, что существует и другое понимание преступления и ответа на него — что правосудие может иметь восстановительный характер. Но нельзя забывать и о роли экспериментальной площадки: Программа должна продолжать поисковую работу, открывать новые горизонты. Нам необходимы дальнейшие эксперименты, выходящие за рамки VORP, которые способствовали бы развитию и проверке нового понимания преступления и правосудия.

Решающая роль в распространении и возделывании таких участков отводится Церкви. Теперь движение VORP довольно прочно установило свои позиции в мире, и Церковь сыграла определяющую роль в его развитии; она и до сих пор вовлечена в работу VORP во многих общинах. Так и должно быть. VORP несет в себе глубоко библейское видение правосудия и, таким образом, предоставляет Церкви широкое поле деятельности для воплощения библейских ценностей.

Дабы выжить, сохранив свои идейные позиции, движение VORP остро нуждается в помощи Церкви. На движение оказывается постоянное давление с тем, чтобы увести его с выбранного пути. Церковь как независимый источник ценностей и независимый институт может стать той основой, в которой VORP так нуждается для отстаивания своих принципов. Подвигнутая на это библейским видением правосудия как восстановительного процесса, Церковь, хочется верить, продолжит работу по созданию новых участков для экспериментирования и демонстрации иного пути. Если цель VORP в том, чтобы стать катализатором изменений, церковь должна принимать в этом участие.

Примечания:

(1) На эту историю ссылается Джон Бендер, см. John Bender, «Peace Section Newsletter», 16, No. 1 (January-February, 1986), pp. 1-5; а также Dean Peachey, «The Kitchener Experiment», *Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community*, eds. Martin Wright and Burt Galaway (London: Sage Publications Ltd., 1989), pp. 14-26.

(2) Mark Umbreit, «Mediation of Victim Offender Conflict», *Journal of Dispute Resolution*, 1988, pp. 85-105.

(3) Некоторые аспекты этого движения рассматриваются в Wright and Galaway, *Mediation and Criminal Justice*; Tony F. Marshall, *Alternatives to Criminal Courts: The Potential for Non-Judicial Dispute Settlement* (Brookfield, Vermont: Gower Publishing Co., 1985). PACT, Inc., 254 S Morgan Blvd., Valparaiso, IN 46383 периодически публикует справочник по американским программам.

(4) Общее описание VORP можно найти в Howard Zehr and Earl Sears, *Mediating the Victim-Offender Conflict* (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1982); Wright and Galaway, *Mediation and Criminal Justice*; Howard Zehr and Mark Umbreit, «Victim Offender Reconciliation: An Incarceration Substitute?» *Federal Probation*, XXXVI, No. 4 (December 1982), 63—68; Mark Umbreit, *Crime and Reconciliation: Creative Options for Victims and Offenders* (Nashville: Abingdon Press, 1985). Более подробная информация представлена в книге *The VORP Book: An Organizational and Operations Manual*, Howard Zehr, ed., которую можно получить в PACT, Inc. (см. предыдущее примечание).

В США информацию по VORP можно получить в PACT, а также в MCC U.S. Office of Criminal Justice, 107 W. Lexington, Elkhart, IN 46516. В Канаде информацией располагает the Network for Community Justice and Conflict Resolution, 298 Frederick St., Kitchener, Ontario N2H 2N5. В Англии можно обращаться в FIRM, 19 London End, Beaconsfield, Bucks HP9 2HN.

(5) См. Mark Umbreit, «Violent Offenders and Their Victims», in *Mediation and Criminal Justice*, eds. Wright and Galaway, pp. 99—112.

(6) Любопытно, что процент дел, которые заканчиваются встречами, колеблется в одних и тех же пределах (40-60%) для всех посреднических программ. Одно из мнений о причинах, по которым дела не приводят к встречам, см. John Gehm, «Mediated Victim-Offender Restitution Agreements: An Exploratory Analysis of Factors Related to Victim Participation», (Valparaiso, Indiana: PACT Institute of Justice, 1988).

(7) Robert B. Coates and John Gehm, *Victim Meets Offender: An Evaluation of Victim-Offender Reconciliation Programs* (Michigan City, Indiana: PACT Institute of Justice, 1985).

(8) Andrew Gibson, «Victim-Offender Reconciliation Program: Research Project, Langley, B.C.» (Simon Fraser University, 1986).

(9) Mark S. Umbreit and Mike Schumacher, *Victim Understanding, of Fairness: Burglary Victims in Victim Offender Mediation* (Minneapolis: Minnesota Citizens Council on Crime and Justice, 1988).

(10) См. Helen Reeves, «The Victim Support Perspective», *Mediation and Criminal Justice*, eds. Wright and Galaway, pp. 45—55, pp.5 Iff.) о жертвах в Англии.

(11) Burt Galaway, «Restitution As Innovation or Unfulfilled Promise?» *Federal Probation*, XII, No.3 (September 1988), pp. 3-14.

(12) Galaway, «Restitution As Innovation or Unfulfilled Promise?»

(13) «Taking Responsibility: Report of the Standing Committee on Justice and Solicitor General on Sentencing, Conditional Release, and Related Aspects of Corrections», David Daubney, председатель. Резюме и выдержки см. «Justice», November 1988, публикация the Church Council on Justice and Corrections, 507 Bank St., Ottawa, Ontario K2P 1Z5, Canada.

(14) Британское Министерство внутренних дел выступило спонсором обширного — количественного и качественного — исследования в области работы VORP и других «восстановительных» программ в Англии. Я обязан Тони Маршаллу, официальному наблюдателю за ходом исследования, который предоставил мне возможность ознакомиться с результатами.

(15) Gwynn Davis, Jacky Boucherat, and David Watson, *A Preliminary Study of Victim Offender Mediation and Reparation Schemes in England and Wales*, Research and Planning Unit Paper 42 (London: Home Office, 1987), pp. 60-65.

(16) Это сравнение с опытным участком принадлежит Кларенсу Джордану и Джону Йодеру.

ЧАСТЬ IV

Новые линзы

Глава 10

Восстановительные линзы

В данную минуту, размышляя над этой главой, я собираюсь идти в суд. Молодому человеку восемнадцати лет, моему соседу, будет вынесен приговор. Он признал себя виновным в том, что преследовал домогательствами соседскую девочку. Ее мать обратилась ко мне за помощью. Она не хочет, чтобы юношу отправили в тюрьму, где он сам может оказаться жертвой, но хочет, чтобы он изменил свое поведение. «Если бы это был кто-нибудь другой, я, наверное, была бы готова его повесить. Но Тед нуждается в помощи», — сказала она мне.

Тед и до этого приставал к детям, включая и одну из моих дочерей.

«На какое-то время я отложу вынесение приговора, — скачал судья. — Честно говоря, не знаю, что делать. Ховард, может быть, вы поможете?»

С чего же следует начинать в таком деле? Я начал размышлять об этом случае вполне традиционно. Юноша нарушил закон. Что из этого следует по закону? Какое решение примет суд? Как следует суду поступить с ним? Затем я вспомнил о том, что является предметом данной книги, и понял, что нужно сменить рамку размышлений.

Рамка — вот что делает возможным новый взгляд. Как мы интерпретируем то, что произошло? Какие факторы здесь наиболее значимы? Какие действия с нашей стороны возможны и уместны? Линзы, через которые мы смотрим, определяют то, как мы ставим задачу и, соответственно, как решаем ее. Эта книга — о таких линзах.

Много лет я занимался фотографией. Одно из моих открытий состояло в том, насколько принципиально линзы, через которые я смотрю, определяют конечный результат. От выбора линз зависят условия работы и то, как я вижу. Если я выбираю «слабые» линзы (с низкой светосилой), изображение будет тусклым, и при недостаточном освещении довольно трудно получить фотографии хорошего качества.

Фокусное расстояние линзы тоже играет определенную роль. Широкоугольная линза обеспечивает большой обзор, включает в кадр много предметов. Но при этом может пострадать изображение, и пропорции будут нарушены: близлежащие предметы увеличатся, а те, что находятся на заднем плане, уменьшатся. Изменяются и формы предметов, расположенных по краям кадра. Например, круглые предметы примут форму эллипсов.

Длиннофокусные линзы позволяют увидеть в кадре меньше предметов и тоже искажают изображение, но иначе, чем широкоугольные: предметы кажутся больше, зато расстояния сокращаются — предметы кажутся расположенными ближе, чем на самом деле, и к камере, и друг к другу.

Следовательно, выбор линз предопределяет то, что попадет в кадр, а также пропорции и расположение попавших в кадр предметов. Подобным же образом «линзы», которые мы используем для рассмотрения таких явлений, как преступление и правосудие, влияют на то, «какие предметы попадают в кадр» и что мы в них выделяем, а также, какой результат кажется нам наиболее приемлемым.

Мы смотрим на преступление через «карательные линзы». Уголовное судопроизводство, где используются эти линзы, не в состоянии учитывать значительную часть потребностей жертв и преступников. Жертвы оказываются вне процесса, но при этом не достигается и декларируемая цель, которая состоит в том, чтобы заставить преступников отвечать за содеянное и страхом наказания предотвратить дальнейшие преступления.

Такие дефекты привели к широко распространенному в наше время ощущению кризиса. Неоднократно предпринимались попытки реформ. Такие модные затеи, как установление электронного мониторинга и постоянного контроля, представляют собой лишь последние новшества из длинного ряда таких «решений». И однако, система уголовной юстиции показала удивительную сопротивляемость всяким положительным нововведениям, сводя на нет любые попытки реформ. Похоже, правду говорит французская поговорка: «Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются теми же».

Я уверен, что причина таких неудач лежит в нашем выборе линз — в исходных представлениях о преступлении и правосудии. Эти представления, которые определяют нашу реакцию на совершенное зло, идут вразрез не только с реальными проблемами преступления, но и с нашими христианскими корнями, и даже с историей Запада. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, нам следует обратить свой взор за пределы псевдорешений типа альтернативных наказаний и даже альтернатив самим наказаниям. Следует обратиться к альтернативному видению самой проблемы, а отсюда — и ее решений. Профессор Кэй Харрис, специализирующаяся на исследованиях по приговорам, напоминает нам, что вопрос стоит о смене ценностей, а не о смене технологии наказания (1).

Наши неудачи свидетельствуют о неисправности всей системы, требующей перемен. Но есть и указатели, задающие направления поиска: проблемы, порожденные переживаниями и нуждами пострадавших и преступников; принципы правосудия, предложенные нам Библией; исторический опыт общинного правосудия; а также более близкий нам опыт, полученный на «экспериментальных площадках», — все это источники новых подходов. Возможно, на основе этих подходов мы сможем создать новые линзы.

Но, может быть, вместе с новыми линзами зародится и новая парадигма? Парадигма — это больше, чем просто видение или проект. Она возникает тогда, когда есть четко сформулированная теория в сочетании с последовательной «грамматикой» и способами реализации, а также некоторая степень единодушия. В задачи парадигмы не входит решение всех проблем, но она должна решить самые насущные и указать направление движения. Сомневаюсь, что мы уже к этому пришли.

На нынешнем этапе более реалистичны альтернативные концепции, базирующиеся одновременно на принципе и опыте, которые могли бы помочь нам в поисках выхода из современного кризиса. Мы можем прибегнуть к помощи новых линз, даже если они и не представляют собой законченной парадигмы. Новое видение может стать вектором, указывающим направление, в котором следует двигаться, экспериментируя и открывая новые горизонты.

В этом поиске нам предстоит сформировать понимание, какими должны быть нормы; мы не стремимся охватить все ситуации, речь идет именно о стандарте, а не о том, как действовать в каждом конкретном случае. При использовании карательных линз в поле зрения попадают необычные, экстраординарные случаи, а процедуры, необходимые для решения таких дел, стали нормой и для «обычных» дел. Действительно, некоторые преступники настолько опасны от рождения, что их необходимо как-то обуздать; и кто-то должен принять соответствующую меру, руководствуясь особыми правилами. Некоторые преступления настолько ужасны, что требуют исключительных решений. Но не этими, особыми, ситуациями должны определяться нормы. Поэтому, в первую очередь, нам следует установить содержание понятия преступления и то, каким должен быть ответ на него, учитывая при этом и возможность исключений из правил. Таким образом, пока преждевременно замахиваться на охват всего спектра реальных ситуаций, скорее, следует подумать о том, что должно стать нормой.

Одна из возможностей начать поиск — спустить преступление с высоты абстракции. Это значит понять его так, как учит Библия и как мы сами переживаем его в своем опыте: как оскорбление, как насилие над человеком и отношениями. Следовательно, правосудие должно сосредоточить свое внимание на восстановлении справедливости, правильного порядка вещей.

Попробуем кратко охарактеризовать два противоположных взгляда на правосудие, обусловленных применением соответствующих линз.

Карательное правосудие.

Преступление — это насилие над государством и определяется как виновное нарушение закона. Правосудие устанавливает виновность и накладывает наказание в ходе регулируемого определенными правилами состязания между преступником и государством.

Восстановительное правосудие.

Преступление — это насилие над людьми и отношениями. Оно порождает обязательства восстановить правильный порядок вещей. Правосудие, привлекая к участию пострадавшего, преступника и общину, пытается найти решение, которое способствовало бы возмещению ущерба, примирению и восстановлению доверия.

Преступление: насилие над людьми и отношениями

Я уже обращал внимание на то, что даже незначительные случаи ограбления часто переживаются людьми как насилие над личностью. Если мы вспомним, что значит *шалом*, то поймем, что для ощущения благополучия немаловажную роль играет материальная сторона жизни.

Но это понятие напоминает нам и о том, что преступление является насилием над человеческими отношениями. Преступление подрывает наше доверие к людям, порождает подозрительность, отчуждение, иногда даже расизм. Часто оно воздвигает преграды в дружбе, в любви, в отношениях с родственниками, соседями. Преступление влияет на наши отношения с теми, кто нас окружает.

Кроме того, преступление приводит к исковерканным отношениям между преступником и пострадавшим; даже если до случившегося они не были знакомы, само преступление порождает отношения. И обычно они враждебные. Неразрешенные, они в свою очередь, оказывают воздействие на благополучие пострадавшего и преступника.

Преступление представляет собой причинение вреда пострадавшему, но в то же время, оно может быть и результатом вреда, нанесенного преступнику. Многие преступления вырастают из прежних обид. Многие преступники были жертвами грубого обращения в детстве. Многим не достает умений и знаний для того, чтобы их работа и жизнь наполнились каким-то смыслом. Многие ищут способы самоутвердиться. Для многих преступление — это крик о помощи, попытка отстоять себя как личность. Они делают зло другим, отчасти потому что сами являются жертвами причиненного им зла. Часто в процессе «правосудия» им наносится еще больший вред. Такая ситуация в какой-то мере вырастает из проблемы распределительной справедливости. Все эти аспекты интегрируются в мировоззрении *шалом*.

Таким образом, преступление по сути своей является насилием одного человека над другим, причем первый точно также может быть жертвой прежнего насилия. Преступление — это насилие над добрыми отношениями, которые должны быть между двумя людьми. Нельзя забывать и про более широкий, социальный аспект преступления, ведь последствия преступления сказываются и на многих других. Интересы общества тоже затронуты, и оно играет свою роль в решении дела. Однако не этот аспект должен быть выдвинут нами на первый план: преступление отнюдь не выпад против общества (по крайней мере в первую очередь), еще менее — против государства. Преступление — это, прежде всего, насилие над человеком, и именно из этого следует исходить.

Такой межличностный аспект преступления напоминает нам о том, что оно всегда подразумевает под собой конфликт (2). Некоторые европейские специалисты, занимающиеся поиском и разработкой новых взглядов на преступление, призывали нас к тому, чтобы определить преступление как форму конфликта. Ведь на самом деле преступление порождает межличностный конфликт, а иногда и вырастает из конфликта.

Бесспорно, преступление связано с другими формами несправедливости и конфликтов в обществе. При разумном подходе, многие из подобных конфликтных ситуаций могли бы стать подходящим материалом для исследований с целью определения того, что следует относить к категории преступлений, а что нет.

Мэри Маршалл Форчун отмечала, что квалификация преступления как *конфликта* может завести нас в тупик и породить некоторую опасность (3). Так, например, в случаях бытового насилия мы слишком часто определяли насильственные действия с серьезными последствиями как разросшийся конфликт. В результате, вместо того, чтобы спрашивать с насильника, мы часто обвиняем саму жертву, и получается, что насилие — не более, чем разросшийся конфликт, а не преступление. Форчун считает, что это заблуждение — эти явления принципиально различны. Одно дело, когда между двумя людьми возникает расхождение во мнениях и спор, и совсем другое, когда один нападает на другого физически.

Так как преступление имеет межличностный аспект, оно, безусловно, подразумевает конфликт. И все же, поставить между ними знак равенства было бы ошибкой, это заслонило бы ряд существенных аспектов преступления.

Что означает термин «преступление»? Некоторым хотелось бы, чтобы мы совсем перестали употреблять этот термин. «Преступление» — это порождение правовой системы, которая устанавливает произвольные границы между разными видами причинения вреда и конфликтов. Это искусственная конструкция, которая сбрасывает в одну кучу самые разнообразные и несвязанные друг с другом типы поведения и поступки. Она отделяет их от других видов нарушений и потому делает неясным действительное значение событий.

В связи с этим датский криминолог и юрист Люк Халсман предложил термин «проблематичные ситуации» (4). Преимущество этого термина в том, что он напоминает нам о родстве «преступлений» с другими видами насилия и конфликтов, и открывает возможности для исследования свойств, присущих этим ситуациям. Но термин «проблематичные ситуации» кажется расплывчатым, и в случае особо тяжких преступлений может сложиться впечатление, что он преуменьшает размеры насилия.) Достаточно трудно представить себе как термин «проблематичные ситуации» заменит слово «преступление», там, где оно обычно употребляется.

Было бы неплохо найти альтернативный термин, но до сих пор я так и не придумал взамен ничего подходящего. Так что пока я буду придерживаться термина «преступление», помня о его неадекватности.

Преступление наносит вред, который необходимо заглаживать. Причинение вреда можно рассмотреть в четырех основных аспектах. Вред причиняется:

- 1) жертве;
- 2) межличностным отношениям;
- 3) преступнику;
- 4) общине.

Карательные линзы включают в свое поле зрения, прежде всего последний, социальный, аспект; *община* выступает здесь как некая безличная абстракция. При карательном правосудии жертвой считается государство, преступлением — нарушение закона, а отношения пострадавшего и преступника не учитываются вовсе. Преступления, таким образом, принципиально отличаются от других видов насилия.

Восстановительные линзы видят жертв насилия именно в пострадавших людях и отводят главную роль межличностному аспекту. Преступление понимается как насилие над личностью и межличностными отношениями.

Понимание преступления

Карательные линзы	Восстановительные линзы
<p>Преступление понимается как нарушение закона</p> <p>Причиненный вред определяется абстрактно</p> <p>Преступление принципиально отличается от других видов причинения вреда и конфликтов</p> <p>Жертва — государство</p> <p>В центре внимания процесса — государство и преступник</p> <p>Пренебрежение нуждами и правами пострадавшего</p> <p>Межличностный аспект не играет никакой роли</p> <p>Конфликтный характер преступления не имеет значения</p> <p>Несправедливость или насилие, совершенное ранее над преступником, играют второстепенную роль</p> <p>Определение преступлению дается при помощи юридико-технической терминологии</p>	<p>Преступление понимается как насилие над людьми и отношениями</p> <p>Причиненный вред определяется конкретно</p> <p>Преступление связано с другими видами причинения вреда и конфликтов</p> <p>Жертвы — люди и отношения</p> <p>В центре внимания процесса — пострадавший и преступник</p> <p>Нужды и права пострадавшего в центре внимания</p> <p>Межличностный аспект занимает центральное место</p> <p>Конфликтный характер преступления признается</p> <p>Несправедливость или насилие, совершенное ранее над преступником, считаются существенными</p> <p>Преступление рассматривается комплексно: с точки зрения морального, социального, экономического и политического аспектов</p>

До сих пор мы ограничивались обсуждением таких видов насилия и конфликтов, которые традиционно относят к преступлениям. Однако с точки зрения библейских представлений это чересчур узкий взгляд. Библия формирует такое видение мира — *шалом* — при котором люди должны жить в добрых отношениях друг с другом. Поступки, которые мы обычно называем преступлениями, уродуют эти отношения, но извращают их и другие разновидности зла, такие как несправедливость и угнетение со стороны власть имущих. Если в понимании правосудия мы хотим основываться на Библии, нам следует видеть несправедливость во всем ее объеме, не ограничивая ее искусственными рамками, не отделяя преступления от других проявлений несправедливости. Преступления сродни конфликтам между людьми, которые мы обычно называем «гражданскими». Но эти проявления несправедливости являются частью общей несправедливости, порождаемой властью и богатством. Пророки Ветхого Завета напоминают нам о том, что несправедливость на уровне государства — это тоже грех и что она, в свою очередь, вызывает еще большую несправедливость.

Восстановление как цель правосудия

Если преступление — это причинение вреда, то что такое правосудие? И снова Библия указывает нам верный путь. Если преступление наносит людям вред, правосудие должно ставить себе целью восстановление справедливости, добрых отношений. Когда совершается зло, основным вопросом должно быть не «как следует поступить с

преступником?» или «что преступник заслуживает?». Вместо этого следует спросить «что надо сделать для восстановления справедливости?».

Вместо определения правосудия как возмездия, мы будем понимать его как восстановление. Если преступление — зло, то правосудие должно исправлять его и способствовать исцелению. Действия по восстановлению, а не дополнительный вред, смогут создать необходимый противовес вреду, нанесенному преступлением. Конечно, мы не можем гарантировать полное восстановление, но подлинное правосудие должно поставить себе целью создание условий, в которых этот процесс мог бы начаться.

Если вред, причиненный преступлением, имеет четыре основных аспекта, последние и должны определять направления восстановительных действий. Первоочередной целью правосудия должно быть, следовательно, возмещение ущерба и исцеление пострадавших.

Говоря об исцелении, мы вовсе не имеем в виду, что им следует забывать или преуменьшать размеры насилия. Скорее, здесь подразумевается выздоровление, ощущение, что все уже позади. Жертва насилия должна снова почувствовать, что находится в безопасности и управляет своей судьбой, что жизнь имеет смысл. Точно так же и преступника следует побуждать к новому самоощущению: он или она должны обрести свободу начать жизнь заново. Исцеление включает как ощущение духовного и физического восстановления, так и надежду на будущее.

Следующей по важности задачей правосудия должно стать исцеление отношений между пострадавшим и преступником. Движение VORP определило эту задачу как примирение.

Примирение подразумевает полное раскаяние и прощение. Оно включает установление добрых взаимоотношений между пострадавшим и преступником. Опыт работы VORP подтверждает возможность установления таких отношений. Однако было бы наивным во всех случаях ожидать подобного результата. В иных делах достичь примирения невозможно, в других можно добиться удовлетворительных взаимоотношений, но без настоящей близости или полного доверия. Ни в коем случае нельзя принуждать участников к примирению. Рон Крэйбилл, бывший директор Меннонитской Службы по Примирению, часто напоминал нам о том, что примирение является процессом со своим собственным ритмом и динамикой. Даже если человек действительно хочет примирения, эмоции могут расходиться с пожеланиями.

«Наш мозг диктует нам, что *должно быть*, но сердце отзывается так, как может, отражая то, что *есть на самом деле*. Голова может задавать направление сердцу, но сердце должно пройти свой путь. Примирение сердца — это целый цикл со своими этапами на пути» (5).

По словам Рона Клаассена, директора VORP во Фрезно, штат Калифорния, примирение следует понимать как некий континуум (6). На одном конце — откровенная враждебность, на другом — восстановление или создание прочных и добрых отношений. В момент преступления отношения обычно находятся в крайней точке враждебности. Если не уделить этому внимания, отношения так там и останутся, а возможно, уровень враждебности даже возрастет. Таким образом, задачей правосудия должно быть продвижение отношений в сторону примирения. Такое оздоровление отношений, хотя бы даже и частичное, — важный шаг на пути к исцелению личности в целом. Правосудие не может гарантировать или навязывать примирение, оно должно лишь предоставить условия для того, чтобы примирение в принципе стало возможным.

Я участвовал в таких делах VORP, которые, на первый взгляд, были малоуспешными в достижении примирения. В результате встреч пострадавшие и преступники не меняли своего враждебного отношения друг к другу. Однако сам характер враждебности претерпевал серьезные изменения. В их сознании уже не маячила абстрактная фигура, некий стереотип пострадавшего или преступника, теперь их ненависть была направлена на конкретного человека. И даже такое изменение можно расценивать как позитивное.

Преступники тоже нуждаются в исцелении. Конечно же, они должны отвечать за свои поступки. Им нельзя «спускать» того, что они совершили. Чувство ответственности

само по себе является уже шагом вперед по направлению к перемене и исцелению. Но и другим нуждам преступника следует уделить внимание.

Точно так же и община испытывает потребность в исцелении. Преступление подрывает чувство целостности общины, и эта рана требует к себе внимания.

Стремление к справедливости принадлежит к основным потребностям человека. Без ее удовлетворения исцеление и примирение затруднены и даже невозможны. Достижение справедливости — обязательное условие разрешения дела.

Конечно, ощущение полного достижения справедливости возникает не часто. Однако даже «частичная справедливость» (7) играет положительную роль. Частичный опыт тоже способен привести к ощущению восстановления и завершенности. К примеру, в ситуации, если преступник не найден или отказался взять на себя ответственность за случившееся, определенную роль в обретении жертвой ощущения справедливости может сыграть община. Община может предоставить пострадавшему возможность выговориться, проявить к нему уважение, признав, что ему было причинено зло, а также пойти навстречу другим его потребностям. Частичная справедливость все равно лучше, чем полное ее отсутствие, она способствует процессу исцеления.

Так в чем же мы видим суть правосудия? Богиня с завязанными глазами и с весами в руках прекрасно олицетворяет современную парадигму, безличную и ориентированную на процедуру. Какова наша альтернатива?

Один из возможных вариантов — представить правосудие исцелительницей ран. Мой коллега, Дэйв Уорт, ознакомившись с наброском этой главы, прекрасно выразил этот образ в следующих словах:

«Новые ткани должны вырасти там, где были разорваны старые. Для того, чтобы позволить новым тканям вырасти, необходимо создать соответствующие условия и обеспечить правильное питание. Необходимы осторожность, антисептика и время. Иногда остается шрам, иногда бывает ухудшение состояния. Но когда рана затягивается, мы можем двигаться, действовать и расти. И через опыт ранения и исцеления мы можем прийти к пониманию тех условий, которые спровоцировали эту рану, а также тех, что способствовали исцелению. И тогда мы можем работать над изменением первых условий и создавать вторые для тех, кто нуждается в исцелении».

Вильма Дерксен, чья дочь была жертвой жестокого убийства, предложила еще один образ, который мне кажется даже лучше первого: преступление создает пустоту, которую правосудие заполняет (8).

Библейский подход к правосудию указывает на то, что восстановительное правосудие должно быть и «преобразовательным правосудием» (9). Чтобы восстановить правильный порядок вещей, порой необходимо не столько вернуться к исходной ситуации, сколько пойти дальше. Например, в случаях бытового насилия не всегда достаточно простого восстановления ущерба. Нельзя говорить о подлинной справедливости, если люди и отношения не претерпевают изменений в лучшую сторону, изменений, в результате которых случаи насилия больше не повторялись бы. Движение в новом направлении может оказаться гораздо более эффективным в достижении справедливости, нежели возврат к прежнему состоянию.

Возможно, задача правосудия больше, чем просто заполнение возникшей пустоты — пустоту нужно заполнять, «пока не станет переливать через край». Тот же Дэйв Уорт выразил этот образ правосудия лучше, чем я:

«Во Втором Послании к Коринфянам (5,18 и сл.) сопоставляются такие понятия как примирение и новое творение. В этом, возможно, и кроется суть примирения: что-то новое возникло в отношениях между двумя людьми. Это новое исходит не из опыта прошлого, но из того, как должно быть. Примирение — это такой подход к проблеме, который ориентируется на будущее.

[В "переливании через край**"] суть правосудия. Речь идет не об умеренном легалистском подходе к правосудию и не о весах правосудия. Речь идет о такой ситуации, где свершается истинная справедливость, которая порождает новое явление: люди, переполненные чувством свершившейся справедливости, могут идти дальше, неся и распространяя дух справедливости. Возможно, проблема

современного легалистского подхода к правосудию в том, что правосудие не наполняет людей духом справедливости настолько, что они могут передавать его другим».

Правосудие начинается с потребностей

Правосудие, цель которого «заполнить и переполнить», должно начинаться с выявления человеческих потребностей и попытки удовлетворить их. В случае преступления начинать следует с потребностей жертв. Когда происходит преступление (независимо от того, выявлен ли преступник), первыми вопросами должны быть «кто пострадал?», «какой вред причинен человеку?», «в чем он нуждается?». Такой подход, конечно, далек от подхода карательного правосудия, которое начинается с вопросов «кто виноват?», «как его следует наказать?» — и редко переходит к другим вопросам.

Пострадавшие испытывают разные потребности, которые необходимо удовлетворить, если мы хотим, чтобы эти люди ощутили хотя бы частичную справедливость. В большинстве случаев они в первую очередь нуждаются в поддержке и чувстве безопасности.

Однако вскоре после этого обнаруживаются и другие потребности, о которых я отчасти упоминал во второй главе. Пострадавшим хочется, чтобы их выслушали. Им следует предоставить возможность рассказать о случившемся, выразить свои чувства, возможно, даже не один раз. Им необходимо высказать свою правду. И они нуждаются в других, чтобы вместе плакать о случившемся и почувствовать сострадание.

Пострадавшие нуждаются в подтверждении того, что они не заслужили причиненное им зло, они хотят услышать это от других. Им также важно знать, что были приняты меры по исправлению этого зла и предотвращению его повторения. Они хотят убедиться в признании своих страданий и уважении к своим переживаниям.

Форма, в которую выливаются их правда, слезы и попытки отстоять себя, порой бывает резкой и гневной. Нам следует принять это и отнестись к этому с пониманием. Только после этого возможен следующий шаг. Морт МакКаллум-Патерсон обратил внимание на то, что плач о страдании жертв преступлений близок по характеру плачам о страдании, которые так часто встречаются в Ветхом Завете. Плач о страдании и требование возмездия — это «молитва-плач», предназначенная для ушей Господа, это обращенная к Богу просьба о сочувствии и жалости. Часто там звучит гнев и желание мести, но не призыв к реальному действию. Как сказал Патерсону отец одной жертвы убийства: «Может быть, из наших слов можно понять, что мы просим о высшей мере наказания. Это не так... но что еще мы можем сказать?» Патерсон отмечает:

«Что еще мы можем сказать? В этом все дело. Нет слов, которые вы разили бы боль, страдание и ярость тех, кто пережил насильственную смерть близкого человека, нет слов сильнее, чем требование крови. Независимо от того, являются ли эти слова стремлением добиться смертного приговора для убийцы, поступать все же следует иначе. Необходимо принять взвешенное решение. Плач сам по себе не содержит такого решения, но... плач имеет свой язык. Он принимает форму проклятия. В действительности, это молитва о том, чтобы Господь проклял человека, отнявшего жизнь у своей жертвы» (9).

Возмездие — одна из форм восстановления, но то же можно сказать и о возмещении ущерба. В небольшой, но ценной книге «Исцеление ран», Джон Лампен из Северной Ирландии отмечает, что возмещение ущерба представляет собой настолько же естественную человеческую потребность в ответ на преступление, как и возмездие (10).

Возмещение восстанавливает потери, но его подлинный смысл символический: в возмещении ущерба видится признание преступником нанесенного им зла, а также готовность нести за него ответственность. Восстановление нарушенного права само по себе способствует достижению справедливости и скорее, чем наказание, приведет к исцелению.

Наказание часто оставляет после себя ненависть. Как опыт справедливости оно, возможно, и лучше, чем полное отсутствие всякой справедливости, но оно мало дает для примирения враждующих сторон. А вражда может препятствовать исцелению. Прощение,

напротив, разрушая вражду, позволяет как пострадавшему, так и преступнику вновь обрести власть над собственной жизнью. В этом красота прощения. Однако достигнуть его так же нелегко, как и примирения, — прощение не может быть принудительным. Для многих обязательным условием прощения становится достижение справедливости. Для других прощение оказывается невозможным вовсе.

Как наказание, так и возмещение ущерба служат восстановлению нарушенного равновесия. При том, что и наказание, и возмещение ущерба в равной степени имеют символическое значение, возмещение ущерба является все же более осязаемым способом восстановить равновесие. К тому же наказание восстанавливает равновесие путем принижения преступника до того уровня, на который был поставлен пострадавший. Задача наказания подавить преступника, препятствуя его стремлению к превосходству над пострадавшим и подтверждая значимость последнего. Возмещение ущерба, напротив, стремится вернуть пострадавшего к прежнему состоянию, признает за ним нравственное достоинство, а также учитывает роль преступника и возможность раскаяния. Следовательно, нравственное достоинство признается здесь и за преступником» (11).

Большинство из нас думает, что пострадавшие придают большое значение наказанию. Однако недавние опросы пострадавших свидетельствуют о другом. Пострадавшие часто не против приговоров, исключающих тюремное заключение, — даже чаще, чем широкая общественность (12).

Больше того, они нередко отмечают, что исправление преступника для них безразлично. В конце концов, помощь преступнику — это один из путей решения проблемы безопасности и предотвращения дальнейших преступлений.

Пострадавшим также необходимо вернуть уверенность в себе. Правосудие не должно вершиться *для* них, но *без* них. Им необходимо почувствовать, что они нужны, они хотят, чтобы к ним прислушивались в ходе процесса. Поскольку один из аспектов преступления заключается в том, что жертва лишается ощущения власти над собственной жизнью, одна из задач правосудия в том, чтобы вернуть жертве чувство уверенности. Это значит, по крайней мере, что пострадавшие сами должны определять, в чем состоят их нужды, и как они могут быть удовлетворены. Но кроме того, пострадавшим следует отвести определенную процессуальную роль*.

Пострадавшим необходимо вновь обрести уверенность в себе, они нуждаются в возмещении ущерба, в восстановлении нарушенного права, в возвращении чувства контроля над своей судьбой, но более всего им нужно найти смысл происходящего. Вспомните о словах Игнатьева: справедливость устанавливает рамки для поиска смысла. Пострадавшие нуждаются в ответе на свои вопросы: что произошло, как это случилось и что было предпринято по этому поводу. Им нужно найти ответы на шесть вопросов, о которых я упоминал во второй главе и которые составляют основные шесть ступеней на пути к исцелению. На некоторые из этих вопросов в состоянии найти ответы только сами пострадавшие, хотя мы можем оказать помощь в их поиске. Другие вопросы касаются конкретных фактов: кто совершил преступление, почему, что это за люди, что предпринято по поводу преступления? Правосудие обязано, по крайней мере, предоставить им такую информацию.

Пострадавшие нуждаются в реабилитации. Под этим подразумевается обличение причиненного зла, плач, возможность высказать правду, преодоление отношения к их переживаниям как к частной и незначительной стороне дела. Они ищут такой справедливости, которая включала бы возмещение ущерба, примирение и прощение. Им нужно почувствовать, что они снова управляют своей судьбой, участвуют в решении своего дела, что находятся в безопасности. Другой потребностью такого рода является возвращение чувства доверия к окружающему миру; оно подразумевает поддержку, «сострадание», безопасность, ответственность со стороны преступника и предупреждение дальнейших преступлений. Пострадавшие нуждаются также в осмыслении происходящего, что возможно лишь при наличии достоверной информации, честности по отношению к ним и ответах на их вопросы.

Итак, эти люди чувствуют себя жертвами насилия, а насилие порождает определенные потребности. Однако и вся община чувствует себя жертвой этого насилия, у нее тоже возникают некоторые потребности. Так как нельзя не учитывать общественное значение преступления, процесс правосудия во многих случаях не может считаться только частным делом. Община так же нуждается в заверении о том, что случившееся было злом, что что-то предпринято по этому поводу и сделаны шаги по предотвращению новых преступлений. Здесь тоже важна информированность, которая способствует преодолению стереотипов и необоснованных страхов. И здесь велико значение возмещения ущерба, символизирующего восстановление целостности. Вообще, символика играет существенную роль. Преступление подрывает чувство единства членов общины. Для общины восстановление предполагает осуществление некоей символической акции, которая содержала бы в себе элементы обличения преступления, восстановления чувства доверия и исправления причиненного зла.

Тем не менее, общественный аспект преступления, важный сам по себе, не должен служить отправной точкой для его определения, да и кроме того, господствующие в обществе постулаты о преступлении отнюдь не бесспорны. Один из таких постулатов состоит в том, что можно добиться полного порядка и безопасности, по крайней мере, в рамках свободного общества.

На недавнем благотворительном банкете, устроенном в пользу нашего местного отделения VORP, мне пришлось сидеть за столом напротив состоятельного молодого человека. Приближалась сильная гроза, и все наши соседи покинули нас, чтобы укрыться под крышей дома. Пока мы сидели, наблюдая за грозой, он спросил меня об организации, в чью пользу он только что внес пожертвование; это привело нас к разговору о правосудии. С большой искренностью он поведал мне о внутренней борьбе, которая происходила в его в душе по поводу этого вопроса. С самого детства юноша был знаком с человеком, постоянно занимавшимся воровством, и был озабочен вопросом перевоспитания и благополучия друга. Но с другой стороны, он считал себя консерватором и придерживался мнения, что вор заслуживает сурового наказания. «Иногда мне кажется, что нам следует делать то же, что делают в Иране — отрубать руку, сурово наказывать». Тогда мы будем в безопасности», — сказал он. «Возможно. Но захотели бы вы жить в такой стране?» — ответил я.

Порядок и свобода — два противоположных полюса. Полная свобода, по крайней мере, та, что позволяет делать все, что нам хочется без какого-либо формального или неформального ограничения, скорее всего была бы небезопасной и хаотичной. С другой стороны, полный порядок, даже если бы и был возможен, стоил бы нам этой свободы. К примеру, чтобы суровое наказание могло остановить преступников, этому наказанию следовало бы быть скорым и верным. А какова цена за это? Нам пришлось бы смириться с возможными ошибками и предоставить центральной администрации исключительную власть, которой она наверняка стала бы злоупотреблять. Большинство из нас не пожелало бы жить в таком мире. И мы находимся где-то на полпути между этими полюсами, стараясь найти равновесие между свободой и порядком и перевешивая то в одну, то в другую сторону. Находящиеся среди нас консерваторы тяготеют к полюсу порядка, либералы — к полюсу свободы.

Однако в традиционных постулатах о свободе и порядке есть и еще одна ошибка. Обычно мы воспринимаем порядок как законы и наказания, как формальные ограничения. Однако мы забываем о том, что на протяжении всей истории порядок поддерживался неформальными способами — системой верований, давлением со стороны общества и обязанностями, установленными им же, а также вознаграждением за послушание. Это можно сказать и о нашей повседневной жизни. Полагать, что порядок держится на одних законах, значит заблуждаться насчет общества — насчет того, что делает его единым.

Суть в том, что, сохраняя те ценности, которыми мы особенно дорожим, мы не можем жить в полной безопасности. Но вместе с тем, если мы не привлекаем к ответу

людей, которые пытаются осуществлять свою волю за счет чужой свободы, под угрозой оказывается наша собственная свобода.

Преступление порождает обязательства

Обсуждение потребностей наталкивает нас на вопросы об ответственности и обязательствах. Насилие порождает обязательства.

Конечно же, обязательства ложатся, в первую очередь, на того, кто стал причиной: когда одно лицо причиняет вред другому, на первое ложится обязанность восстановить справедливость. Это должно быть основной заботой правосудия. А значит, следует побуждать преступников к тому, чтобы они признали нанесенный ими вред и далее предприняли бы шаги по возмещению причиненного вреда, пусть даже это возмещение будет неполным или чисто символическим.

Возмещение вреда — ядро правосудия. Возмещение вреда — отнюдь не второстепенная или ненужная задача. Это обязательство. В идеале процесс правосудия должен был бы помочь преступникам признать и принять свою ответственность добровольно. Это вполне возможно и довольно часто случается в ходе процесса VORP. Вначале преступники чаще всего встречают такое предложение недоброжелательно. Многие не хотят ставить себя в столь уязвимую позицию, в которой они окажутся, если попытаются понять последствия своих действий. Сооружаются сложные построения из стереотипов и рациональных объяснений — и все для того, чтобы защитить себя именно от такого понимания. Многие не хотят брать на себя ответственность за исправление последствий случившегося. В каком-то смысле, бывает легче понести наказание. Хотя в течение какого-то времени наказание приносит страдания, все же оно не составляет угрозы для стереотипов и самооправданий. Часто приходится побуждать или даже принуждать преступника принять на себя обязательства.

Участниками движения VORP в Северной Америке и Англии этот вопрос многократно обсуждался. Бесспорно, лучше, когда ответственность принимается добровольно. Бесспорно и то, что принуждением могут злоупотреблять. И все же, в принципе, я не против того, чтобы поставить преступников перед необходимостью принятия ответственности. В конце концов, если один человек причиняет другому зло, он создает своего рода задолженность, обязательства, и преступник должен согласиться с этим и взять их на себя. И нужно, чтобы процесс правосудия способствовал этому.

Однако, во многих случаях преступники будут отказываться брать на себя ответственность. Одна из причин, по которой многие из них попадают на скамью подсудимых, как раз и заключается в отсутствии у них чувства ответственности. Такой недостаток трудно восполнить быстро. Но что общество *может* сказать им, так это следующее: «Совершив насилие, вы причинили вред. Теперь в ваши обязанности входит исправить совершенное зло. Вы можете сделать это добровольно, и тогда мы позволим вам участвовать в принятии решения о том, каким образом это осуществить. Если же вы откажетесь взять на себя эту ответственность, нам придется решать за вас, что следует по этому поводу предпринять, и потребовать от вас исполнения».

Можно требовать от преступников, чтобы они взяли на себя обязательство возместить причиненный вред. Можно побудить их к более полному принятию на себя ответственности, столкнув их лицом к лицу с пострадавшими, однако не следует принуждать их к этому. И уж во всяком случае, не следует принуждать пострадавших! Насильно организованные встречи вряд ли окажут пользу преступникам или пострадавшим, больше того, могут иметь и отрицательные последствия. Мы можем требовать от преступников, чтобы они возместили причиненный вред, но, если их участие не будет добровольным, это нельзя считать подлинной ответственностью.

Когда мы выносим решения по делу, мы тем самым «посылаем сообщения», и в этом, возможно, состоит подлинная цель таких решений. Утилитарная цель наказания — сказать преступникам: «Не совершайте преступлений, поскольку они противозаконны. Тот, кто причиняет зло, заслуживает наказания». Решение о возмещении ущерба содержит в себе

другое послание: «Не совершайте преступлений, поскольку они причиняют вред людям. Тому, кто причиняет вред другим, придется исправить содеянное». Как отметил английский писатель Мартин Райт, «послание», заложенное в наших действиях, не всегда воспринимается адресатом. Но иногда это случается, и тогда мы должны быть убеждены в том, что оно правильно (13).

Подчеркивая необходимость продемонстрировать своими действиями, что преступление есть зло, Райт отмечает:

«Мы сможем обличить преступление более аргументировано, если будем действовать больше *для* пострадавшего (и того же потребуем от преступника), чем *против* преступника» (14).

Преступление порождает долг возместить причиненный вред, и этот долг остается, независимо от того, состоится ли прощение. Если мы оскорбили кого-то, неправильно было бы думать, что прощение, исходящее от Бога или даже от пострадавшего, снимает с нас всякие другие обязательства по отношению к этому человеку. И тем не менее, случается, что пострадавшие решают простить преступника и не требуют выполнения даже тех конкретных обязательств, которые возникают в результате насилия. Преступник редко бывает в состоянии полностью восстановить то, что было потеряно, как им самим, так и пострадавшим. Герман Бианки заметил, что преступление создает обязанности, и те обязанности, которые преступник не в состоянии выполнить, снимаются с него через прощение.

В той мере, в какой это возможно, преступник должен возместить причиненный вред. Однако часто бывает, что проходит много времени до обнаружения преступника. Часто преступников не находят вовсе. А бывает, что преступнику не по силам удовлетворить потребности пострадавшего и общины, возникшие в результате преступления. Есть свои потребности и у преступников. И обязанность общества — удовлетворять потребности, непосильные для удовлетворения отдельными его членами. Следовательно, в результате преступления некоторые обязанности появляются и у общества.

У преступников тоже есть потребности

По Библии, справедливость совершается не потому, что она заслужена, но потому, что кто-то нуждается в ней. Хотя в карательной («воздающей») модели правосудия преступники не «заслуживают» того, чтобы их потребностям уделялось какое-то внимание, интересы общества требуют справедливого подхода к этим нуждам. Выявление и удовлетворение потребностей преступников относится к ключевым элементам восстановительного правосудия.

В истории, с которой я начал эту главу, речь идет о молодом человеке, нуждающемся в медицинской помощи. Правовая система определяет его поступки как «преследование на сексуальной почве». Эти поступки являются лишь одним из проявлений девиантного поведения и дисфункции. Если этому не уделить внимания, то положение будет только ухудшаться. В процессе лечения Теду необходимо помочь осознать, какими окажутся последствия его действий для юных жертв.

Конечно же, у преступников много потребностей. Они нуждаются в самооправдании, рационализации, ложных представлениях о жертве и произошедшем событии. Возможно, они нуждаются в том, чтобы научиться ответственности. Возможно, им необходимо развить способности к труду и межличностным отношениям. Порой они нуждаются и в эмоциональной поддержке. Возможно, им необходимо научиться держать себя в руках — направлять свой гнев и обиду в более цивилизованное русло. Им необходима помощь в формировании положительной и здоровой самооценки. Они часто нуждаются в том, чтобы им подсказали, как жить с чувством вины. Как и пострадавшие, они не могут освободиться от последствий случившегося, если их потребности не будут удовлетворены.

В центре внимания восстановительного правосудия должны быть нужды пострадавшего. Но нельзя забывать и о потребностях преступника и общины.

Вопрос ответственности

Потребности и обязанности сводятся к вопросу об ответственности. Если совершается преступление, преступник должен отвечать за свои действия, причем так, чтобы это соответствовало реальным последствиям его действий. Такая ответственность подразумевает, во-первых, понимание и признание преступником нанесенного вреда и, во-вторых, обязанность предпринять шаги по возмещению этого вреда.

Существует еще и третий, промежуточный, вариант: участие преступника в принятии решения о том, что следует предпринять по поводу случившегося. Судья Чэллин говорит об ответственном участии преступника в определении наказания (15).

Поскольку поведение преступника часто есть результат его безответственности, то просто сообщить ему о назначенном наказании — значит позволить уйти от ответственности, поощряя дальнейшую безответственность. Поэтому в суде Чэллин предлагает преступникам дать свои варианты возможного решения дела. Он выдвигает перед ними определенные требования, которыми следует при этом руководствоваться, и велит им принести готовые предложения по возможным действиям, направленным на реализацию этих требований, по способам исполнения приговора и контроля за его исполнением. VORP работает над решением проблемы ответственности преступников, поощряя их к переговорам и согласию на возмещение ущерба.

По условиям нового эксперимента по исправлению несовершеннолетних, проводимого Центром Общинного Правосудия в штате Индиана, молодые правонарушители должны приходиться в нашу Программу до вынесения «приговора». Здесь им стараются объяснить, что их поведение наносит вред: 1) их жертве, 2) всей общине, 3) им самим. Наши сотрудники работают с ними, помогая им найти такую форму «приговора», которая удовлетворила бы потребности всех сторон. Так, например, через VORP они могут узнать о нуждах пострадавшего и пойти на возмещение ущерба. Обратившись в общинные службы, могут попытаться выплатить долг общине. С помощью опекунских советов, психотерапии и других форм помощи они могут найти то, в чем нуждаются сами. Пока еще не ясно, насколько этот эксперимент окажется удачным, но смысл его в том, что реальная возможность предпринять конкретные шаги по возмещению причиненного вреда, будет способствовать развитию общего чувства ответственности. При этом необходимо серьезно отнестись ко всем трем уровням обязательств: перед пострадавшим, перед общиной, перед преступником.

Преступники обязаны нести ответственность, но то же можно сказать и об обществе. Общество должно быть в ответе перед пострадавшими, помогая им выявить и удовлетворить их потребности. Точно так же общество должно уделить внимание и потребностям преступника, стремясь не только исцелить, но и изменить его. Тем самым ответственность многоаспектна и несет в себе преобразующее начало.

Понимание ответственности

Карательные линзы	Восстановительные линзы
Преступление порождает виновность Виновность абсолютна (либо есть, либо нет) Вина неизгладима Долг преступника абстрактен Долг оплачивается наказанием Преступник в долгу перед обществом Нести ответственность значит принять приговор суда («принять лекарство») Считается, что поступки являются результатом свободного выбора Свободная воля <i>или</i> социальный детерминизм	Преступление порождает обязательства и обязанности Есть разные степени ответственности Вину можно искупить раскаянием и возмещением причиненного вреда Долг преступника конкретен Долг оплачивается возмещением ущерба Преступник в долгу, прежде всего, перед пострадавшим Нести ответственность значит осознать свой долг и возместить вред Признается, что существует разница между потенциальной и реальной свободой человека Признается необходимость личной ответственности <i>и</i> принимается во внимание роль среды

Процесс должен давать полномочия и информацию

Судьи, прокуроры и адвокаты часто полагают, что людей больше всего волнует выигрыш дела. Но недавние исследования показали, что важен не только исход, но и сам процесс, и что часто уголовный процесс не воспринимается людьми как правосудие. Важно не только, *что происходит*, но и *как принимаются решения* (16).

Правосудие должно «проживаться», а не только «пассивно претерпеваться». Когда объявляют, что правосудие свершилось и пора идти домой (пострадавшим) или в тюрьму (преступникам), мы не ощущаем это как прожитый опыт правосудия. Правосудие же, которое мы действительно проживаем, которое становится нашим актуальным опытом, — не всегда приятное испытание, но мы знаем, что оно свершилось при нашем участии, мы не были его пассивными объектами. Необходимо, чтобы в суде не просто состоялось правосудие, но и *опыт участия* в нем.

Восстановительный подход к правосудию предполагает, во-первых, что должны быть удовлетворены самые насущные нужды, особенно пострадавшего. В соответствии с этим первоочередная задача восстановительного правосудия состоит в определении потребностей и обязанностей. При установлении этих потребностей и обязанностей суд должен, по мере возможности, предоставить инициативу тем, кто непосредственно вовлечен в эту ситуацию: пострадавшему и преступнику; община тоже не должна оставаться в стороне. Во-вторых, суд должен уделить особое внимание отношениям преступника и пострадавшего, создавая условия для общения и обмена информацией о случившемся, о себе и своих потребностях. В-третьих, суду следует сосредоточиться на решении проблем, уделяя внимание не только сегодняшним потребностям, но и будущему.

Я уже говорил о важности участия обеих сторон. Лишение пострадавшего возможности влияния на решение по делу невероятно усиливает ощущение совершенного над ним насилия. Предоставление ему такой возможности — необходимый элемент восстановления. Что касается преступника, возможно, безответственность и неуверенность в себе как раз и лежали в основе его действий, а потому, только участвуя в «принятии решения», он окажется на пути к обретению чувства ответственности и сможет поставить точку на случившемся.

Свою роль должна сыграть и община. Отчасти трагедия современного общества состоит в том, что все наши проблемы мы отдаем на откуп экспертам. Это касается и здоровья, и образования, и воспитания детей. И конечно же, это касается тех ситуаций, которые мы относим к преступлениям. Доверяясь специалистам, мы теряем способность решать проблемы собственными силами и, что еще хуже, отворачиваемся от возможности учиться на подобных ситуациях. Восстановительные программы должны признать за общиной право на участие в поиске справедливости.

Важной частью правосудия является обмен информацией — о каждом из участников, о фактах преступления, о потребностях. Пострадавшие ищут ответы на вопросы о том, что случилось, почему это произошло, кто виноват. Преступникам необходимо понять, что же они сделали и кто их жертва. Место стереотипов должны занять реальные лица, ложных представлений — правдивая информация. Обмен информацией необходим, и в идеале он должен происходить при личной встрече. Такие встречи нужны для обсуждения случившегося, а также что бы наметить, что следует предпринять. Принятые решения нужно записать в форме соглашения и договора, которые могут быть зарегистрированы и занесены в компьютер.

Посредничество* между пострадавшим и преступником (victim-offender mediation) является таким подходом к правосудию, который удовлетворяет приведенным требованиям. При таком подходе участники уполномочены решать собственную судьбу, опровергаются ложные представления. Будучи ядром этого подхода, встречи между пострадавшими и преступниками способствуют обмену информацией и поощряют возмещение ущерба. К участию в деле привлекается и община. Посредничество полностью удовлетворяет требованиям восстановительного подхода к правосудию.

Однако посредничество предполагает соблюдение определенных условий: обеспечение безопасности и необходимой эмоциональной поддержки участников; добровольность участия во встречах; квалифицированные кадры ведущих; временная регламентация процесса.

Когда все условия соблюдены, посредничество должно осуществляться по всем правилам и уделять внимание ключевым вопросам. Марк Умбрейт отметил важность «уполномочивающего» стиля посредничества, в противовес директивному, когда ведущий, директивно или с помощью манипуляций, навязывает собственный план и довлечет над участниками (17).

На пути к соглашению следует поощрять обмен информацией и выражение чувств. Рон Клаассен на своих занятиях с посредниками из VORP обращает внимание, что для полного успеха посредничества необходимо охватить три группы вопросов.

Во-первых, была ли осознана несправедливость происшедшего? Взял ли на себя преступник ответственность за свои поступки? Получил ли пострадавший ответы на свои вопросы? Была ли у преступника возможность объяснить свою жизненную ситуацию?

Во-вторых, было ли принято решение о том, что следует предпринять, чтобы, по возможности, восстановить справедливость?

В-третьих, было ли уделено внимание планам на будущее? Собирается ли преступник совершить новые преступления? Чувствует ли себя пострадавший в безопасности? Было ли подписано соглашение и определены условия контроля его выполнения?

Используя библейский язык, Клаассен говорит о трех основных категориях: исповедь, возмещение ущерба и раскаяние (18).

Но встречи «лицом к лицу» не всегда уместны. Страх порой слишком велик, несмотря на поддержку и обещание безопасности. Разница в социальном положении между сторонами бывает иногда чересчур явной и неподдающейся преодолению. Пострадавший или преступник могут отказаться от такой процедуры. Преступление может быть чрезмерно жестоким, или страдания, им причиненные, слишком тяжелыми. Один из участников может оказаться эмоционально неуравновешенным. Бесспорно, непосредственное общение пострадавшего с преступником исключительно полезно, но правосудие не может зависеть только от таких встреч.

Для приведенных случаев существуют другие способы, обеспечивающие взаимодействие и обмен информацией. В качестве одного из таких способов, пришедшего к нам из Канады и Англии, используется встреча преступника с человеком, пострадавшим когда-то раньше, не от его рук. Такая встреча тоже становится шагом к осознанию ответственности и обмену информацией. Это может оказаться особенно полезным в эмоционально насыщенных ситуациях, например, когда речь идет о преступлениях на сексуальной почве или когда встреча с жертвой собственного преступления не дала положительного результата (19).

Большинство из методов лечения последствий сексуального насилия предполагает раздельное общение с жертвами и преступниками. Подобное положение оставляет мало шансов для работы с таким последствием преступления, как подорванное доверие. При таком подходе не создается достаточных условий для того, чтобы расстаться со случившимся. Недостаточно внимания уделяется переживаниям, а также ложным представлениям — о событиях или их участниках.

Психотерапевт Вальтер Береа разработал новый подход к лечению преступников, совершивших сексуальное нападение, в котором в то же время учитываются нужды пострадавших («Victim-sensitive sex offender therapy») (20). Подход включает три стадии. Первая определяется автором как «коммутатор связи». На этом этапе врач встречается с представителем службы пробации, наблюдающим за осужденным преступником, с прежними врачами и, чаще всего, с жертвой. Встреча с жертвой становится источником более полной информации о случившемся; жертва, в свою очередь, получает возможность узнать о том, что преступник находится на лечении, а врач — выяснить, было ли уделено должное внимание потребностям жертвы.

На втором этапе лечения ставится задача опровергнуть ложные представления о жертве. Преступнику помогают осознать ответственность и оценить последствия своего поведения. В результате он пишет жертве письмо с извинениями. Жертве эта стадия дает время, чтобы убедиться в том, случившееся не было результатом ее вины.

Третий и последний этап лечения ставит основной акцент на примирении. Возможными вариантами является принятие жертвой извинительного письма, написанного преступником, встреча с ним лицом к лицу или же подписание договора на будущее, исключающее прямой контакт. Выбор остается за жертвой. Такой подход принимает всерьез страдания и ту сторону преступления, которая касается нарушения взаимоотношений двух людей; здесь учитываются также потребности, как жертвы, так и преступника.

«Истинное правосудие, с гордостью творимое в Штате Нью-Йорк» — такие слова мы читаем в названии Программы, которую проводит в жизнь департамент шерифа в Батавии, штат Нью-Йорк. Эта Программа, отвечающая на ситуацию чрезмерной численности тюремного населения и проблемы жертв преступлений, была разработана специально для таких тяжких преступлений как умышленные убийства, нападения и неосторожные убийства. Когда совершается такое преступление, пострадавшим оказывают немедленную помощь. Эта помощь имеет целостный характер и охватывает не только правовые, но также эмоциональные и духовные потребности пострадавших.

Сотрудники Программы сопровождают пострадавших на всем пути к исцелению. По ходу этого процесса они помогают пострадавшим тем, что поставляют всю полученную от них информацию о случившемся в органы «системы». В то же время пострадавшие

допускаются до участия в принятии некоторых решений. Они могут участвовать в обсуждении вопроса об освобождении преступника под залог и даже в выборе формы наказания; местом для таких обсуждений может стать двусторонняя встреча. При такой поддержке и возможности участия предложения пострадавших часто оказываются удивительно творческими и открывающими возможность искупления. По крайней мере, их нуждам уделяется внимание, а также учитываются разнообразные аспекты причиненного вреда.

Далеко не всегда удается организовать взаимодействие пострадавшего и преступника так, как оно видится нам в идеале. Нельзя не учитывать и позицию третьей стороны. Дела, имеющие серьезные последствия для общины, не могут решаться исключительно на уровне пострадавшего и преступника, со стороны общины необходим некоторый надзор. Но такие случаи не должны задавать норму, в соответствии с которой нам следует воспринимать преступление и реагировать на него. Даже и в таких делах нам нельзя забывать о том, в чем сущность преступления и каковы его последствия.

Правосудие прибегает к ритуалам

Такая необходимость возникает сразу же после преступления. Это период слез, ритуала скорби, так красноречиво выраженного в Псалмах. Программа «Истинное правосудие» учла эту потребность, содействуя совершению специальных религиозных служб, посвященных скорби и исцелению пострадавших.

Но мы нуждаемся и в итоговом ритуале, когда правосудие (полное или частичное) уже свершилось. Лук Халсман назвал это «ритуалом жизненного переопределения». Он может оказаться полезным как для пострадавшего, так и для преступника.

Такие ритуалы — особая сфера, где Церковь могла бы играть важную роль.

Остается ли место наказанию?

Яутверждал, что наказание не должно находиться в фокусе правосудия. Но есть ли в восстановительной модели место вообще для каких-либо форм наказания? Конечно же, такие варианты, как возмещение ущерба, некоторыми будут восприниматься как наказание, хотя и более логичное и заслуженное. Так, например, в одном важном исследовании, проведенном VORP, преступники говорили о вынесенном решении как о наказании, но все же более справедливым, чем традиционное. Возможно, слово «наказание» употреблялось за неимением другого (хотя некоторые для описания правосудия использовали термин «восстановление справедливости»). Однако принять на себя ответственность не легко, и необходимость принять ее многими будет восприниматься как часть наказания. Точно так же и изоляция особо опасных преступников — даже и в самых лучших условиях — всегда является тяжелым испытанием.

Следовательно, вопрос не в том, будет ли преступник воспринимать некоторые элементы восстановительного правосудия как наказание, но в том, должно ли *целью* наказания быть *именно наказание*. Кристи говорит, что, если страдание — целенаправленно — применяется, то, по крайней мере, оно не должно ставить перед собой какие-либо иные цели (21). Страдание должно иметь место исключительно как наказание, а не как путь к достижению иных целей, таких, как исправление или социальный контроль. Причинять страдания, исходя из каких-то утилитарных целей, значит вводить в заблуждение и использовать людей как вещи. Он проводит здесь аналогию со скорбью. Когда мы скорбим по умершему, мы скорбим ради самой скорби, а не каких-либо иных целей. Кристи также настаивает на том, что, причиняя страдания, мы должны создавать условия для смягчения этого страдания.

Возможно, наказание нельзя полностью исключить из восстановительного правосудия, но оно не должно быть нормой, а случаи его использования и цели должны быть строго оговорены. Библейский пример показывает нам, что цель, характер и

обстоятельства наказания имеют определяющее значение. В Библии обычно не ставится точка на наказании. Библейское правосудие вершится в духе любви. Цель его — в освобождении и достижении *жизни-в-шалом*. В конце туннеля всегда светит возможность прощения и примирения. Наказание ограничено, тогда как любовь безгранична. Любить, а не наказывать — вот первейшая обязанность человека.

Если мы наказываем от имени общества, это должно быть справедливо. Наказание должно восприниматься как честное и легитимное, отмечает Игнатъев, что возможно лишь в том случае, если свершившееся мы приняли как опыт истинного правосудия. Чтобы наказание было признано честным, сам процесс и его результат должны быть непосредственно связаны с реальными событиями происшествия. Однако необходимо учитывать и социальный контекст, и это поднимает более широкие вопросы социальной, экономической и политической справедливости.

Если в восстановительной модели и есть место для наказания, оно не центральное. Если наказание и будет применяться, то с ориентацией на минимизацию страдания и в условиях контроля; целью же наказания будет восстановление и исцеление. Возможно, есть варианты «восстановительного наказания». Однако, сказав это, я тут же хочу оговориться, что это таит в себе большую опасность, поскольку условий для «разрушительного наказания» гораздо больше.

Две линзы

Я уже давал краткие характеристики карательных и восстановительных линз. Соответствующие подходы можно несколько развернуть. В рамках карательной парадигмы: 1) преступление является насилием над государством и его законами; 2) правосудие сосредоточивается на установлении виновности 3) с тем, чтобы отмерить долю страдания; 4) правосудие устроено как своего рода состязание между противниками, 5) в котором преступник сталкивается с государством; 6) правила и намерения имеют перевес над результатом, одна сторона побеждает, другая проигрывает.

В соответствии с восстановительной парадигмой: 1) преступление является насилием над людьми и отношениями; 2) цель правосудия состоит в выявлении потребностей и обязанностей 3) с тем, чтобы восстановить нарушенный порядок вещей; 4) правосудие содействует диалогу и взаимному согласию, 5) выдвигает преступника и пострадавшего на главные роли; 6) оценивается с точки зрения того, в какой мере преступник взял на себя ответственность, насколько удовлетворены потребности и оказано содействие исцелению (конкретных людей и отношений).

Правосудие, которое стремится в первую очередь удовлетворить потребности и восстановить нарушенный порядок вещей, выглядит совсем иначе, нежели правосудие, в центре которого стоит осуждение и страдание. В следующей таблице я попытаюсь сравнить некоторые характеристики и понятия обсуждаемых подходов к правосудию.

Понимание правосудия

Карательные линзы	Восстановительные линзы
В центре внимания — установление виновности	В центре внимания — решение проблемы
Акцент на прошлом	Акцент на будущем
Потребности второстепенны	Потребности на первом месте
Состязательная модель	Диалогическая модель

<p>Культивируются различия</p> <p>Нормой считается причинение страдания</p> <p>Одна социальная несправедливость добавляется к другой</p> <p>Ущерб, причиненный преступником, уравнивается ущербом, причиняемым преступнику</p> <p>В центре внимания преступник, пострадавший игнорируется</p> <p>Главные действующие лица — государство и преступник</p> <p>Пострадавшие лишены информации</p> <p>Возмещение ущерба применяется редко</p> <p>Правда пострадавших играет второстепенную роль</p> <p>Страдания пострадавших игнорируются</p> <p>Государство активно, преступник пассивен</p> <p>Государство единолично решает, как ответить на преступление</p> <p>Преступник не несет никакой ответственности за принятое судом решение</p> <p>Решения суда поощряют безответственность преступника</p> <p>Ритуалы обличения и отвержения</p> <p>Обличение преступника</p> <p>Связь преступника с общиной ослабевает</p> <p>Личность преступника рассматривается фрагментарно, определяющим фактором является преступление</p> <p>Нарушенное право восстанавливается через возмездие</p> <p>Равновесие восстанавливается за счет унижения преступника</p> <p>Правосудие оценивается по декларируемым намерениям и процедуре</p> <p>Правосудие — это надлежащая правовая процедура</p> <p>Отношения преступника с пострадавшим не принимаются во внимание</p>	<p>Ищутся точки соприкосновения</p> <p>Нормой считается восстановление и исправление зла</p> <p>Акцент на исправлении социальной несправедливости</p> <p>Ущерб, причиненный преступником, возмещается самим преступником</p> <p>В центре внимания потребности пострадавшего</p> <p>Главные действующие лица — пострадавший и преступник</p> <p>Пострадавшим предоставляется информация</p> <p>Возмещение ущерба — норма</p> <p>Пострадавшим предоставляется возможность высказать «свою правду»</p> <p>Страдания пострадавших признаются, им сочувствуют</p> <p>Преступнику предоставлена возможность участвовать в решении своей судьбы</p> <p>Пострадавший, преступники община активно участвуют в принятии решения</p> <p>Преступник несет ответственность за решение, в принятии которого участвовал</p> <p>Поощряется ответственное поведение преступника</p> <p>Ритуалы скорби и жизненного переопределения</p> <p>Обличение преступления</p> <p>Связь преступника с общиной становится более тесной</p> <p>Личность преступника рассматривается целостно</p> <p>Нарушенное право восстанавливается через возмещение ущерба</p> <p>Равновесие восстанавливается за счет признания личности пострадавшего и преступника</p> <p>Правосудие оценивается по «плодам»</p> <p>Правосудие — это надлежащие отношения</p> <p>Отношения преступника с пострадавшим в центре внимания</p>
---	---

<p>Процесс отчуждает</p> <p>Решение суда основывается на прошлом — на преступном поведении обвиняемого</p> <p>Раскаяние и прощение не поощряются</p> <p>Уполномоченные профессионалы занимают ключевые позиции</p> <p>Поощряются ценности конкуренции и индивидуализма</p> <p>Социальный, экономический, нравственный контексты поведения игнорируются</p> <p>Предполагается такой исход, при котором один выигрывает, другой проигрывает</p>	<p>Процесс преследует цель примирения</p> <p>Решение основывается на последующих действиях преступника по возмещению ущерба</p> <p>Раскаяние и прощение поощряются</p> <p>Пострадавший и преступник уполномочены принимать решения, профессиональная помощь в их распоряжении</p> <p>Поощряются согласие и взаимодействие</p> <p>Все контексты существенны</p> <p>Обеспечивается возможность решений, при которых обе стороны оказываются в выигрыше</p>
---	--

Карательное правосудие, восстановительное правосудие. Через эти линзы мир выгладит по-разному. Карательное правосудие — это то, что мы имеем. Возможно, оно не делает того, что должно делаться, или даже того, что декларируется, но оно «работает» в том смысле, что здесь известно, как надо действовать. Но что же можно сказать о более расплывчатой перспективе, которую я назвал восстановительным правосудием? Куда мы можем двинуться отсюда? Что же дальше?

Примечания:

(1) См. M. Kay Harris, «Strategics, Values and the Emerging Generation of Alternatives to Incarceration», *New York University Review of Law and Social Change*, XII, No. 1 (1983-4), 141-170, «Observations of a 'Friend of the Court' on the Future of Probation and Parole», *Federal Probation*, LI, No.4 (December 1987), pp. 12-21.

(2) См., например, вышеупомянутые работы Люка Халсмана. См. также John R. Blad, Hans van Mastrigt, and Niels A. Uldriks, eds., *The Criminal Justice System as a Social Problem: An Abolitionist Perspective* (Rotterdam, Netherlands: Erasmus Universiteit, 1987).

(3) К этой проблеме Мэри Форчун привлекла внимание участников консультаций по восстановительному правосудию и сложным случаям в Гвельфе, Онтарио, в 1986 г.

(4) Сравни «Critical Criminology and Concept of Crime», *Contemporary Crises: Law, Crime and Social Polity*, 10 (1986), pp. 63-80.

(5) Ron Kraybill, «From Head to Heart: The Cycle of Reconciliation», *Mennonite Conciliation Service Conciliation Quarterly*, 7, No. 4 (Fall, 1988), p. 2.

(6) Ron Klaassen and Howard Zehr, *VORP Organizing: A Foundation in the Church* (Elkhart, Indiana: Mennonite Central Committee, 1988), p.5

(7) Мэри Маршалл Форчун предложила этот термин на консультациях в Гвельфе. Сравни Fortune, «Making Justice: Sources of Healing for Incest Survivors», *Working Together*, Summer, 1987, p.5; and «Justice-Making in the Aftermath of Woman-Battering», *Domestic Violence on Trial*, ed. Daniel Sonkin (New York: Springer Publishers, 1987), pp. 237-248.

(8) Wilma Derksen, «Have You Seen Candace?» (рабочее название). Рукопись готовится к публикации.

(8) Я благодарен Мэри Маршалл Форчун за этот термин.

(9) Morton MacCallum-Paterson, «Blood Cries: Lament, Wrath and the Mercy of God», *Touchstone*, May 1987, p.19.

(10) John Lampen, *Mending Hurts* (London: Quaker Home Service, 1987), p. 57.

(11) Сравни Jeffrie G. Murphy and Jean Hampton, *Forgiveness and Mercy* (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1988).

(12) См., например, Russ Immarigeon, «Surveys Reveal Broad Support for Alternative Sentencing», *National Prison Project Journal*, No. 9 (Fall, 1986), pp. 1-4.

(13) «Mediation», (FIRM) 5, No. 2 (March 1989), p. 7.

(14) Martin Wright, «From Retribution to Restoration: A New Model for Criminal Justice», *New Life: The Prison Service Chaplaincy Review*, 5 (1988), p. 49.

(15) Dennis A. Challeen, *Making It Right: Common Sense Approach to Crime* (Aberdeen, South Dakota: Mielius and Peterson Publishing, 1986).

(16) См. «Mediation», June 1988; и Martin Wright, *Making Good: Prisons, Punishment and Beyond* (Landon: Burnett Books, 1982), pp. 246ff.

(17) Mark Umbreit, *Victim Understanding a Fairness: Burglary Victims in Victim Offender Mediation* (Minneapolis: Minnesota Citizens Council on Crime and Justice, 1988), pp. 25ff.

(18) Claassen and Zehr, *VORP Organizing*, pp. 24-25.

(19) См., например, Gilles Launay and Peter Murray, «Victim/Offender Groups», *Mediation and Criminal Justice*, ed. Wright and Galaway, pp. 113-131.

(20) Walter H. Bera, «A Three Stage Sex Offender/Victim Reconciliation Model with a Systemic and Attributional Analysis». Неопубликованный доклад, подготовленный для целевой рабочей группы по восстановительному правосудию, 30 октября — 2 ноября 1986, Гвельф, Онтарио.

(21) См. работы, упомянутые выше.

Глава 11

Что же дальше?

Что же следует делать для широкого распространения восстановительной модели? Поразмышляем об этом.

Возможности системы

Некоторые настаивают на том, что мы должны сделать уголовный закон более «гражданским» (1).

В отличие от уголовного гражданское право определяет правонарушение скорее с точки зрения нанесенного ущерба и обязательств, нежели виновности. Следовательно, при принятии решений, акцент ставится прежде всего на урегулировании и возмещении ущерба, а не на наказании. При таком подходе можно говорить о разной степени ответственности, а не разделять участников процесса выигравших и проигравших. Так как здесь государство не является пострадавшей стороной, именно фактические участники оказываются в центре внимания, обладая значительными полномочиями и неся ответственность в ходе процесса. Так как решения не имеют преимущественно карательного характера, меньше внимания уделяется правильному соблюдению всех процедурных тонкостей, меньшие ограничения накладываются на отбор существенных для дела фактов. А что, если бы мы осмелились изменить гражданское судопроизводство, чтобы обеспечить надлежащие гарантии? Что, если бы мы могли забирать дела из уголовного суда и решать их в гражданском суде нового образца? Что, если бы мы в таком процессе предоставили адвокатым жертвам преступлений, позволив суду принимать решение, если мы сами не сможем прийти к соглашению или же в случае опасности для одной из сторон?

Именно законы уголовного права — движущая сила карательной парадигмы. Но уголовное право представляет собой достаточно новое явление в западном обществе, и некоторые из аксиом, которыми оно руководствуется, расходятся с реальной жизнью. Существующая ныне структура гражданского права могла бы стать примером альтернативного понимания правосудия, отчасти исключая такие аксиомы.

Может быть, вместо того, чтобы мечтать о разрушении карательной системы, стоит развивать параллельную, предоставляя каждому возможность выбора. Герман Бианки утверждает, что существование в средневековый период двух параллельных систем — государственного и церковного правосудия — имело свои положительные стороны. Наличие двух путей в некоторых случаях предоставляло участникам возможность выбора. Больше того, каждый из путей служил для оценки и проверки другого.

Развитие особого пути правосудия стало стратегической политикой Общинных Комитетов в Сан-Франциско. В рамках этих программ сформированы районные подразделения для решения конфликтов за пределами официальной «системы». Идет подготовка людей из местной общины к разбирательству судебных дел, к работе в качестве посредников; такой подготовке отводится важная роль. Посреднические процессы представляют собой альтернативу гражданским и уголовным судам. Они отказываются братья за решение дела, если оно разбирается в суде. Эти программы позволяют общине приобрести умение и опыт решать проблемы своими силами.

Общинные Комитеты и другие программы, нацеленные на разрешение конфликтов, реализовали один из путей внедрения общинно-ориентированного взгляда на правосудие и показали многообещающие результаты. Но подобное «неформальное правосудие» в последние годы подвергается все возрастающим нападкам (2).

Звучат тревожные голоса. Результаты не имеют единства формы, что противоречит основному принципу справедливости. Неформальное правосудие может оказаться уделом

исключительно бедняков и бесправных, преграждая им путь к другим формам правосудия. Пострадавшие могут получить слишком много полномочий. И наконец, государство и официальное правосудие может получить даже больше, а не меньше власти и легитимности. Движению по разрешению конфликтов следует более тщательно проанализировать свои основания и цели.

В этом плане особый интерес представляет японская модель. Джон О. Хейли, специалист по японскому праву, описывает существующую в этой стране единственную в своем роде систему с двумя параллельными формами правосудия (3).

Структуры формального и неформального правосудия функционируют параллельно, но при тесном взаимодействии. В серьезных случаях рассмотрение дела чаще всего начинается в одной системе, а затем переносится в другую.

Одна структура представляет собой формальную систему уголовного судопроизводства по западному образцу, со многими знакомыми чертами. Процесс фокусируется на виновности и наказании. Такое правосудие руководствуется формальными правилами, главная роль там принадлежит профессионалам, таким как государственные прокуроры. В эту структуру поступает довольно много уголовных дел. Но лишь немногие дела проходят весь этот путь от начала до конца, завершаясь длительным тюремным заключением или иными суровыми наказаниями. Стороннему наблюдателю эта система кажется удивительно снисходительной.

Эта очевидная снисходительность, а также то, что дела не задерживаются надолго в ведении формальной системы, объясняются существованием второго, менее официального пути, которому нет аналога в западной системе. Хейли рисует это следующим образом:

«В Японии на каждой стадии отправления правосудия преобладает форма исповеди, раскаяния и прощения. Участниками в этом процессе являются не только власти, выступающие в новых ролях, но и преступник и пострадавший. Начиная с самого первого полицейского допроса и вплоть до окончательного момента вынесения приговора, подавляющее большинство обвиняемых исповедуются в том, что совершили, выражают свое раскаяние, просят пострадавших о прощении и отдают себя на милость властям. В ответ на это власти обращаются с ними с удивительной снисходительностью; по крайней мере, преступники добиваются прощения со стороны формального правосудия и выходят из-под его ведения».

Дела могут изыматься из ведения формальной структуры на любой стадии уголовного процесса. Лишь небольшая часть доходит до стадии предъявления обвинения и еще меньше людей осуждается. В тюрьму попадает небольшой процент осужденных, мало кто остается там более одного года. Это, однако, не значит, что в Японии не выносятся обвинительные приговоры, их доля достигает 99,5%.

Различные факторы влияют на решение о выводе дела из формального процесса и о вынесении приговоров некарательного характера. Некоторые из этих факторов знакомы западному человеку, например, тяжесть преступления или характер преступника. Однако к ним следует добавить и особые причины, такие как желание преступника признать свою вину, выразить свое раскаяние и возместить ущерб пострадавшему, а также желание пострадавшего принять это возмещение и простить.

Высокий процент обвинительных приговоров в Японии связан во многом с тем, что преступники соглашаются признаться и взять на себя ответственность. Конечно же, такое положение в значительной степени коренится в национальных чертах японцев. Однако, отчасти, это связано и с тем, что от их признания зависит, будет ли решение иметь карательный характер, или оно ограничится возмещением ущерба и исправлением. Если вся карательная правовая система западного общества отпугивает преступника от признания, то японская система, похоже, делает таковое нормой.

Пострадавшим дается возможность сыграть в этом процесс се существенную роль. Чаще всего речь идет о возмещении ущерба, а кроме того у них есть право голоса при принятии решений официальными властями о возбуждении дела, об уголовном преследовании или вынесении приговора. Однако они не контролируют процесс, не берут на себя роль участника судебного состязания или прокурора.

Для западного человека удивительна готовность властей передать дело из формальной системы правосудия в неформальную. Представляется, что причина кроется в том, что формальный процесс является основным, и цель его в установлении виновности и вынесении наказания. Основной же целью японского *уголовного процесса в целом* является исправление, именно этой задачей и руководствуются власти. Это значит, что

«роль [властей] не сводится к тому, чтобы схватить, предъявить обвинение и судить. Скорее, с того момента, как они убеждаются в том, что подозреваемый действительно совершил преступление, их начинают волновать уже не очевидные доказательства виновности, а поведение подозреваемого, возможность перевоспитания и возвращения его в общество, в том числе, и его уважение к властям. Снисходительность считается адекватной реакцией на начавшийся процесс исправления».

Хейли отмечает, что в Японии типичным ответом на преступление является

«признание вины, выражение раскаяния, включая и прямые переговоры с пострадавшим о возмещении ущерба и прощении как условия для снисходительного решения, а также стремление избежать длительных сроков лишения свободы».

Западному человеку может показаться, что такое «снисходительное» обращение не устрашит преступника, не воспрепятствует дальнейшим преступлениям. Однако Хейли приходит к выводу, что такая реакция на преступление является причиной низкого уровня преступности в Японии.

Хейли с удивлением отмечает, что японцы ввели раскаяние и прощение в процесс правосудия, тогда как Запад этого не сделал. В иудейско-христианской традиции потребность в раскаянии и прощении не менее настоятельна, чем в японской. И однако, Запад

«не смог заложить в институт права достаточную основу для обеспечения этих моральных требований. Наоборот, официальные институты и процедуры, установленные западным правом, отражают и поддерживают общественную жажду кары и мести».

Хотя японская модель, безусловно, коренится в национальной культуре, Хейли все же считает, что мы могли бы многому научиться на этом примере. Здесь продемонстрированы интригующие возможности увязать формальную и неформальную, состязательную и несостязательную системы. Японская модель оставляет место для деятельности формального правосудия и государства, выделяя при этом достаточно пространства для процесса восстановления и придавая большое значение участию пострадавшего и преступника в судебном процессе. Хотя Запад не может просто позаимствовать эту модель, последняя являет яркий пример того, что правосудие может быть одновременно и лично-ориентированным, и формальным. Джером Ауэрбах выражал свои опасения по поводу закона без справедливости, но особенно — несправедливости без закона. Японская модель вселяет надежду на то, что это не единственные альтернативы.

Перед нами открываются интересные возможности. Однако я склонен к некоторому скептицизму относительно проектов их повсеместного внедрения, особенно на данной стадии. Я был рад услышать, как Кей Харрис на недавнем семинаре по восстановительному правосудию настаивала на необходимости и дальше разрабатывать теорию и противостоять требованию «преждевременного практикования» (4).

Остается еще много теоретической работы. В предыдущей главе я отмечал, что восстановительное правосудие еще не стало парадигмой как таковой. Многие вопросы пока недостаточно проработаны и остались без ответов. *Община* является расплывчатым и слишком часто употребляемым термином. Что он означает и какое содержание нужно ему придать при восстановительном подходе? Какова подлинная роль государства?

Особое внимание я уделил ответственности преступников, но что можно сказать об ответственности *перед* преступниками? Как следует поступать с «немногими особо

опасными»? Следует ли сажать их в тюрьму? Если да, то как принимать эти решения? Остается ли место наказанию? Как идея восстановительного правосудия, касающегося уголовных преступлений, сочетается с более широкими вопросами социальной, экономической и политической справедливости? Библия предполагает достаточно тесную связь, но что это значит с точки зрения современных понятий?

Далее, в какой мере мое собственное представление о правосудии отражает мышление белого мужчины из Северной Америки, принадлежащего к среднему классу? Работа Кей Харрис по феминистскому пониманию правосудия во многом созвучна моей, но не полностью (5). Идею восстановительного правосудия необходимо еще проверить в контексте различных культурных традиций и опыта.

Даже если бы кому-нибудь удалось представить восстановительное правосудие как сложившуюся парадигму, я все же был бы осторожен в вопросе ее распространения. Один из недостатков куновской теории смены парадигм заключается в том, что она рассматривает смену парадигм как явление интеллектуального порядка, пренебрегая политической реальностью и законами институциональных изменений. Политические и институциональные интересы и процессы бесспорно сказываются на том, происходит ли смена и какую форму в конечном счете примет новая парадигма. Карательная парадигма тесно связана с интересами и функциями современного государства. И это обстоятельство окажет существенное влияние на то, состоится ли смена парадигмы, и если да, то каким будет ее облик.

История изменений в сфере закона и правосудия дает нам мало хороших примеров. Направления реформаторских усилий часто искажались по отношению к исходному замыслу, и последствия иногда принимали даже извращенный и вредный характер. Происхождение тюрем служит тому примером, что должно быть постоянным напоминанием и предостережением тем, кто стремится к переменам. Возможно, такие «усовершенствования» не оправдали себя потому, что не было попыток пересмотреть основные понятия, о чем я уже говорил прежде. Но поставленные перед нами проблемы еще сложнее.

Иногда так называемые альтернативы использовали новую терминологию лишь для того, чтобы прикрыть старые идеи (6). Часто в идеях заложены такие содержания, которые раскрываются только со временем. Самые разнообразные факторы, как внутренние, так и внешние, оказывают давление, ведущее к искажению относительно первоначальных установок. Иногда влияние этих факторов настолько велико, что все усилия по преобразованию начинают служить интересам и целям, совершенно отличным от задуманных изначально.

Следовательно, прежде чем мечтать о великих переменах, мы обязаны тщательно продумать все возможные последствия. Нам следует быть как можно более сведущими в области динамики социальных и институциональных изменений, мы должны предвидеть возможные искажения наших замыслов.

А тем временем...

А тем временем, пока мы изучаем возможности глобальных изменений, не следует забывать и о промежуточных задачах и действиях. Есть дела, которые мы можем и должны сделать здесь и сейчас.

Мы должны поддерживать диалог («palaver» (7)) с теми, кто нам симпатизирует и кто нет. Мы должны проверять наше видение, открывать в нем новые грани, развивать.

Мы должны стать земледельцами от правосудия, возделывая и расширяя наши опытные участки. Нам следует распространять образцы работы VORP, опробовать новые формы и способы применения программы. Нам следует предоставлять пострадавшим новые виды помощи, основанные на восстановительных принципах. Здесь подразумеваются и те ритуалы, которые покажут им, что мы как община стоим рядом с ними в их страданиях, в осуждении преступления, в поиске исцеления. Следует также предложить новые виды помощи преступникам и их семьям. На примере этой деятельности нам предстоит изучить

методы, которые стали бы альтернативой наказанию и открыли бы возможность для осознания ответственности, исправления, обретения новой уверенности в себе, не связанной с насилием.

Через VORP мы уже знакомы с восстановительным подходом к преступлениям против собственности. Пришло время применить этот подход и к «серьезным делам». Применим ли он в случае убийства? Или бытового насилия над женой и детьми? Изнасилования? Каковы возможности и ограничения? Какие методы здесь срабатывают, а какие нет? Какие меры безопасности здесь потребуются?

Уже началась работа по обсуждению этих проблем и проверке методов, но остается еще многое сделать. Потребуется творческий подход, риск, мечтательность наравне с реализмом, тяжелой работой и осторожностью. Потребуется сплоченность теоретиков и практиков, «экспертов» и дилетантов. Совершенно необходимо будет и участие бывших преступников и пострадавших.

В то время, как мы будем прорабатывать наши «альтернативы», необходимо постоянно проверять, являются ли они альтернативами по своей сути. Действительно ли они отражают альтернативные ценности либо представляют собой лишь альтернативную технологию? Соответствуют ли они восстановительным задачам? Продвигают ли нас в этом направлении?

Мы должны развивать промежуточные стратегии и подходы, но следует очень внимательно относиться к тому, куда они ведут. Во всяком случае, мы обязаны контролировать результаты наших усилий: работают ли они на идею наказания, служат ли созданию новых форм контроля или за ними стоят другие ценности? Станут ли они источником нового опыта, экспериментальными площадками, наглядными примерами? Соответствуют ли основным элементам восстановительного подхода?

Что это за «основные элементы» восстановительного подхода? Может быть, нам следует выработать некий «критерий восстановления», по которому мы могли бы оценивать наши усилия? Я попытался составить полный список возможных вопросов, который поместил в Приложении 1, но в первую очередь необходимо задать следующие: Ставит ли программа своей задачей исправить зло, причиненное пострадавшему? Идет ли она навстречу нуждам преступника? Принимает ли во внимание потребности и обязанности общины? Обращается ли к отношениям преступника и пострадавшего? Поощряет ли чувство ответственности в преступнике? Поощряет ли участие пострадавшего и преступника в судебном процессе и принятии итоговых решений?

Новое в рамках старого

При этом ключевая роль принадлежит Церкви. Специалист по Ветхому Завету Миллард Линд напоминает нам о том, что библейское правосудие всегда противостояло и противостоит государственному. Он задает важный вопрос: «Каким образом христиане соотносят эту новую, преображенную модель (восстановительного) правосудия с существующей правовой системой?» Каковы обязанности христианской общины?

Изучая период нескольких столетий, Линд рассматривает четыре ответа Церкви на этот вопрос. Первый заключается в стратегии невмешательства. В определенные моменты Церковь пыталась изолировать себя от окружающего мира. Однако стратегия невмешательства — это стратегия неверия, так как она игнорирует «активный» характер Божественной справедливости, которая должна быть распределена между всеми. Второй ответ принадлежит Римскому императору Константину — это стратегия капитуляции. Именно такая стратегия преобладала в Церкви, которая во многом одобрила мирские взгляды. Третья стратегия, принятая Англиканской церковью, заключалась в отрицании того напряжения, которое существовало между разными взглядами на справедливость.

Стратегия Христа представляла собой четвертый вариант: создание нового в рамках старого. В своей книге «Легкие рассказы» *Питер Морин* очень тонко подметил этот дух в словах о Католическом Труженике:

«Католический Труженик верит в создание нового общества в раковине старого с философией нового, но которая, то есть философия, не нова сама по себе, а наоборот, настолько стара, что выглядит как новая».

Стратегия Христа заключалась в том, чтобы создать новое общество (Церковь), которое руководствовалось бы новыми принципами и постулатами, но при этом существовало бы в рамках старого, становясь вызовом и служа примером (8).

Хотя бы частичным ответом на вопрос Линда могли бы быть наши собственные совместные действия. Слишком часто, будучи частью Церкви, мы забывали о пострадавших и смотрели на преступления через карательные линзы, заимствованные у официальной юстиции. Св. апостол Павел предостерегал христиан, говоря, что нам не следует приносить наши дела на разбирательство в мирской суд, который руководствуется неверными принципами. Однако его позиция была не просто отрицательной. Он считал, что Церковь должна разработать свои собственные альтернативные структуры, которые учреждали бы правосудие по Завету. Нам внутри Церкви, конечно же, необходимо проверить подходы к таким явлениям, как насилие и конфликты, а также создать новые структуры, которые отвечали бы духу восстановления. Тем самым, Церковь могла бы стать примером для других (9).

В случае, когда мы работаем вне Церкви, следует сохранять восстановительные линзы, чтобы они определяли наши поступки. Церковь должна также стать ведущей силой в процессе создания альтернативных структур в рамках старого. Наш долг — стать первопроходцами в возделывании опытных участков, которые могли бы послужить критерием и примером.

Если нам когда-нибудь представится возможность разработать альтернативу карательному правосудию, которая станет подлинной парадигмой, нам понадобится выйти за рамки простой теории к новой терминологии и «физике». То есть, мы нуждаемся в новом языке, а также в выделении новых принципов и способов «вживления», которые могли бы «наделить смыслом» парадигму. Церковь несет особую ответственность за этот процесс.

Если ничего не получится

Карательное правосудие глубоко коренится в наших политических институтах и нашей психике. Вероятно, было бы слишком самонадеянно думать, что в обозримом будущем ситуация кардинально изменится. Однако, мы должны признать роль парадигм, которые используем, и осознать свое право на сомнения в их правильности. Мы можем начать пользоваться новыми линзами и с их помощью определять, что нам стоит делать. Мы вправе менять линзы в тех сферах нашей жизни, где что-то находится в нашей власти: в наших семьях, наших церквях, в повседневной жизни.

Если восстановительное правосудие и не является парадигмой, оно все же может служить, по словам одного писателя, теорией, «повышающей чувствительность» (10). Возможно, представление о восстановительном правосудии заставит нас хотя бы дважды подумать, прежде чем наложить строгое наказание.

Наблюдатели пытались понять, почему в Голландии со времен Второй Мировой войны такой низкий процент заключенных. Одно из недавних исследований показало, что нежелание сажать преступников в тюрьму связано не столько с какой-то особой философией, сколько с «вопросами совести» (11).

Изучение нацистских тюрем и программа юридических институтов, в которой ставилась под вопрос целесообразность лишения свободы, сформировали целое поколение юристов. В результате, судьи неохотно налагают на преступников этот вид наказания. Если из наших начинаний ничего не получится, по крайней мере, обсуждения по поводу линз, через которые мы смотрим на преступление и правосудие, могут способствовать возникновению такой среды, в которой наложение наказания станет восприниматься как последний выход, подтверждение своей неудачи, а не ось правосудия.

Примечания:

(1) Сравни Martin Wright, *Making Good* (London: Burnett Books, 1982), pp. 249-250.

(2) См. Roger Matthews, ed., *Informal Justice?* (London: Sage Publications, 1988).

(3) Я использовал неопубликованный доклад «Mediation and Criminal Justice: The Japanese Model – Confession, Repentance, and Absolution», Представленный на семинаре «Творческий подход в правосудии с использованием посредничества» в Сиэтле, Вашингтон, в октябре 1988. См. также John O. Haley, «Confession, Repentance and Absolution», in *Mediation and Criminal Justice*, eds. Martin Wright and Burt Galaway (London: Sage Publications, 1989), pp. 195-211.

(4) См. M. Kay Harris, «Alternative Visions in the Context of Contemporary Realities», in *Justice: The Restorative Vision*, Issue No. 7 of *New Perspectives on Crime and Justice: Occasional Papers* (Akron, Pennsylvania: Mennonite Central Committee, 1989), pp. 31—40.

(5) См. «Moving into the New Millennium: Toward a Feminist Vision of Justice», *Prison Journal*, 67. No. 2 (Fall-Winter, 1987), pp. 27-38.

(6) Matthews, *Informal Justice* ? p. 102.

(7) Мы используем этот термин (от португальского *palavra* — «разговаривать») в нашем осуждении по предложению Германа Бианки. Недавно Расс Иммаригеон из Совета церквей в Мэне подчеркнул, что, согласно *The American Heritage Dictionary*, он определяется как «пустая болтовня», или «разговор с намерением очаровать, развлечь или отвлечь внимание», или «переговоры между европейскими исследователями и представителями местного населения, особенно в Африке». «Что же, у нас «пустая болтовня»? – спросил он. - И почему «особенно в Африке»?»

Словарь указывает и на другое, более нейтральное значение слова, близкое по смыслу к «дискуссии», «дебатам». Тем не менее, следует помнить и о вышеупомянутых значениях!

(8) См. John H. Yoder, *The Original Revolution* (Scottsdale, Pennsylvania: Herald Press, 1971),

(9) За информацией о разрешении конфликтов внутри церкви обращайтесь в Mennonite Conciliation Service, Вох М, Akron, PA 17501.

(10) Sebastian Scheerer, «Towards Abolitionism», *Contemporary Crises: Law, Crime and Social Policy*, 10. No. 1 (1986), p. 9.

(11) Willem De Haan, «Abolitionism and the Politics of 'Bad Conscience'», *The Howard Journal of Criminal Justice*, 26, No. 1 (February 1987), pp. 15-32.

Послесловие

Все, о чем я здесь написал, может показаться призрачным и несбыточным. Но когда-то так же говорили и об отмене рабства. Ведь почти все, что сегодня кажется очевидным, в свое время представлялось утопией. Линзы действительно меняются.

И все же должен признаться, мне и самому порой это кажется утопией. Обнаруживая в самом себе и раздражение, и склонность обвинять, и неохоту к диалогу, и отвращение ко всяким конфликтам, я порой со страхом думал о перспективе написания этой книги.

Тем не менее, я верю в идеалы. Нам их часто не хватает, но все же они остаются чем-то вроде сигнальных огней — тем, к чему мы стремимся и с чем сверяем свои усилия. Они указывают нам направление. Только зная верное направление, мы можем быть уверены, что не сбились с пути.

Начинать эксперимент по восстановлению следует не сверху, но снизу, с наших собственных семей и общин. Я продолжаю верить, что община народа Божьего сможет и других повести в этом направлении. Конечно, мы часто будем спотыкаться, как и тот народ из библейской истории. Но как Господь прощал их, он, несомненно, простит и поднимет нас.

Я признался в том, что восстановительное правосудие — в какой-то мере идеал, и в связи с этим у меня возникает некоторое опасение. Боюсь, из-за такого признания читатель не примет эту концепцию всерьез. Мне вспомнилось предисловие к книге Коперника — не с тем, чтобы провести сравнение, но чтобы извлечь определенный урок.

Книга Коперника радикально изменила представления о космосе. Она стала ключевым фактором смены парадигмы, которая привела к научной революции. И однако прошел век, прежде чем люди начали серьезно относиться к ее идеям.

Поначалу люди не принимали книгу Коперника всерьез — отчасти, потому что она противоречила здравому смыслу своей эпохи, но и предисловие к ней могло способствовать такому пренебрежению. В этом предисловии Ореандр пишет: «Читатель, посмотри, какая интересная книга. Она заслуживает того, чтобы ее прочитали. Но помни, это всего лишь идея, модель, взгляд. Она не обязательно отражает реальность.» Возможно, такой комментарий сделал эту революционную книгу более приемлемой для ее врагов, но и оттолкнул читателя тем, что представил парадигму Коперника фантастической моделью. Я боюсь совершить такую же оплошность.

Надеюсь, вы поймете, то, что я представляю, — это образ, но не тот, что маячит призрачным миражом, а тот, что проступает в качестве цели, к которой ведет вынужденно долгий тернистый путь.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Критерий восстановительного правосудия

1. Возникает ли у пострадавших ощущение свершившегося правосудия?

- Есть ли у них возможность высказать свою точку зрения на случившееся?
- Возмещается ли им ущерб?
- Воспринята ли окружающими совершившаяся несправедливость? Получают ли жертвы сочувствие?
- Достаточно ли защищен пострадавший от дальнейших актов насилия?
- Получает ли пострадавший необходимую информацию о преступлении, преступнике и ходе процесса?
- Имеет ли он право голоса в процессе?
- В достаточной ли мере общественность вовлечена в правосудие?
- Получают ли пострадавшие достаточную поддержку от окружающих?
- Получают ли такую же поддержку и помощь их семьи?
- Удовлетворяются ли другие потребности пострадавших — материальные, психологические, духовные?

2. Возникает ли у преступников ощущение свершившегося правосудия?

- Помогают ли им осознать совершенное ими зло и взять на себя ответственность?
- Происходит ли переосмысление ложных представлений?
- Побуждаются ли они к возмещению вреда?
- Предоставляется ли им возможность участвовать в процессе?
- Побуждаются ли к изменению поведения (к раскаянию)?
- Существуют ли способы компьютерной регистрации и проверки изменений?
- Уделяется ли достаточно внимания их потребностям?
- Получают ли необходимую поддержку их семьи?

3. Уделяется ли внимание отношениям пострадавших и преступников?

- Предоставляется ли возможность для встречи (в случае, если она уместна), непосредственной или опосредованной через врача либо психотерапевта?
- Есть ли возможность для обмена информацией о событии и друг о друге, поощряется такой обмен?
- Происходит ли переосмысление ложных представлений?

4. Учитываются ли вопросы, волнующие общину?

- Удовлетворяет ли общественность процесс и его исход?
- Ставится ли вопрос безопасности общины?
- Испытывает ли община потребность в возмещении ущерба или каком-либо символическом акте со стороны преступника?
- Представлена ли община в процессе?

5. Учитывается ли будущее?

- Создаются ли условия для разрешения проблем, которые стали причиной данного происшествия?
- Создаются ли условия для разрешения проблем, возникших в результате происшествия?
- Было ли уделено внимание планам на будущее?
- Обеспечены ли условия для мониторинга, проверки и устранения причин подобных происшествий?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Искажение концепции

Когда реформаторская концепция сталкивается с реальной жизнью, она претерпевает деформацию или вовсе разрушается. Бывает, что в конце концов она вообще начинает служить противоположным целям. Эта тенденция наблюдается во многих областях, включая — по мнению некоторых — область уголовной юстиции. Такая угроза — искажения относительно первоначальных замыслов — существует и для программы VORP. И некоторые утверждают, что этот процесс уже начался.

На протяжении всего периода участия в работе VORP, я пытался понять, какие деструктивные силы влияют на нашу концепцию. Возможно, деформация неизбежна, но она могла бы быть сведена до минимума, если бы нам удалось понять движущие силы этого процесса. Дальше я попытаюсь перечислить некоторые из причин такого отклонения или разрушения, насколько я их понимаю. Я разделил их на три группы.

Интересы уголовного правосудия

В кругах участников движения VORP часто обсуждается такая причина отклонения, как конфликт целей карательного и восстановительного правосудия. Система уголовного правосудия в основе своей является карательной, ее цель — наказание, тогда как цель VORP — восстановление. Могут ли эти две цели сосуществовать, или же более сильная система заставит нас примать ее цели? Если мы начнем разговаривать на языке этой системы — языке наказаний — карательная цель сможет поглотить восстановительную. Если мы откажемся говорить на языке наказаний, возникнет опасность, что мы так и останемся побочной, периферийной программой для «второстепенных» преступлений.

Своего рода давление оказывает и уголовный процесс. Уголовный процесс неизбежно ориентирован на преступника. Само происшествие, разбираемое дело, и его главные участники определяются в терминах, производных от понятия «преступник». Пострадавшему в процессе предоставлено мало прав. Если мы будем работать плечом к плечу с системой, ориентированной на преступника, сможем ли мы обеспечить истинную справедливость пострадавшему?

Третий источник давления со стороны уголовного правосудия связан с его собственными интересами. Как я уже говорил, «отдельные блоки «системы», преследуя свои интересы, стремятся контролировать и преобразовывать новые концепции. В своей книге «Правосудие без закона» Джером Ауэрбах прописал анатомию этого явления на примере спорных судебных решений, вынесенных на протяжении американской истории.

Динамика институализации

Для воплощения идей необходимо создавать соответствующие институты. Сам процесс институционального становления создаст деформирующее влияние.

Приходится принимать во внимание административные соображения. Администрации нужны привычные показатели, которые было бы легко фиксировать, классифицировать и обрабатывать. Но, в свою очередь, такими показателями можно оправдывать и существование всей системы. Так, например, в случае с VORP возникает искушение оценивать качество нашей работы по количеству разрешенных дел и «успешных» исходов.

Так как примирение как таковое не подлежит измерению, есть опасность, что мы начнем уделять больше внимания такой составляющей процесса как возмещение ущерба: ее легче учитывать. Мы начнем оказывать давление на посредников, чтобы они скорее

завершали процесс и поддерживали количественные показатели, пренебрегая качеством. Начнем обращаться к профессиональным посредникам. Административные задачи и критерии могут легко видоизменить нашу модель.

Возникает вопрос и о материальном обеспечении, что тут же сталкивает нас с проблемой финансирования. Чтобы делать наши добрые дела, необходимы деньги. Как кто-то сказал, Программы часто начинают слишком походить на источники их финансирования.

Другой аспект «процесса институционализации» связан с работой штатных сотрудников и их личными амбициями. С расширением учреждения люди начинают думать и о личной карьере. Их решения о самих себе и о Программе оказываются под влиянием карьерных устремлений. Последствия такого явления не так ясны, но существенны для движения.

Все мы ищем друг в друге поддержку и опору. В чем же находят эту опору те, кто работает в VORP? Когда мы определяем свои позиции, мы, вероятно, начинаем искать поддержку в кругах работников уголовной юстиции. В этом есть свои положительные стороны, но это же обстоятельство подталкивает нас к конформизму, заставляя подчиниться ценностям и принципам, принятым внутри официальной системы.

Штатные сотрудники Программы и их жизненные ценности оказываются определяющим фактором. Большая часть исследований феномена искажения реформ сосредоточивалась на процессе постепенной кооптации. Однако сам процесс глобальнее, и начинается раньше. В то время, как лидеры движения создают великие теории, рядовые работники приходят из сферы традиционного правосудия и придерживаются его традиционных ценностей. Руководствуясь (вместо альтернативной) традиционной парадигмой, они выполняют свою работу соответственно, традиционными способами. А если не все разделяют альтернативные ценности, то серьезных различий между двумя системами нет.

И своем развитии организации проходят разные стадии. На каждой возникает потребность в особом типе управления, каждый — со своими слабыми и сильными сторонами. Это тоже определенным образом сказывается на состоянии Программы.

На ранних стадиях требуются предприниматели. Обычно несколько человек становятся лидерами. Среди них есть и мечтатели, и любители риска. Необходим творческий подход. Идеям нужно придать законченную форму, сделать их работоспособными. Необходимо отыскать ресурсы и творчески их использовать.

Люди, обладающие такими предпринимательскими способностями, привносят в работу много энергии, энтузиазма и творчества. Однако часто они не могут быть хорошими администраторами. Следовательно, на каком-то этапе важно сменить характер управления, сделать его более приспособленным для трудностей, сопряженных с поддержанием функционирования организации. Но хорошие администраторы редко бывают мечтателями. Они слишком заняты повседневной рутинной и чаще всего не думают о далеких целях, о смысле и значении всей программы. Возможно, они не любят рисковать. Если программа переходит в «административную» стадию, не имея твердых целевых и концептуальных позиций, внутри нее возникает потенциальный источник отклонения.

Разработка и функционирование программы

Часто программы преследуют несколько целей. Но правильное функционирование программы определяется ведущей целью, тем более, что цели могут противоречить друг другу.

Мы отметили такую закономерность VORP здесь, в Элкхарте, и недавнее исследование в Англии показало те же результаты. Так, например, цель спасения людей от тюрьмы часто вступает в конфликт с целью примирения. Те программы, которые первоочередной целью ставят спасение преступников от тюремных наказаний, нередко упускают из вида примирение и переживания пострадавших.

Это указывает на то, как просто — и в практическом, и в философском смысле — заниматься реализацией программы, не ориентируясь на ее глобальное назначение. Черда небольших конкретных шагов без такого учета может увести нас далеко с намеченной дороги. И незаметно мы можем сбиться с пути.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Предложения по семинарской работе

Предлагаемые ниже вопросы и практические задания предназначены для тех, кто пожелает использовать эту книгу в качестве пособия для семинарской работы. По первой главе вопросы для семинара не предлагаются, поскольку ее цель состоит в том, чтобы заложить основы для дискуссий по последующим главам.

Ведущие групп должны отобрать те вопросы и задания, которые смогут принести наибольшую пользу в конкретной учебной ситуации. К каждой главе можно подготовить намного больше вопросов и заданий, чем на один семинарский час; то, что здесь предлагается, служит лишь подсказкой относительно возможной организации занятий по этой книге. Ведущий группы может подобрать и другие вопросы и задания.

Участникам семинарских групп предлагается творчески развивать свои идеи по поводу того, как следует обращаться с преступниками, а также выдвигать практические предложения для конкретных действий на уровне своего места жительства. Прошу вас присылать эти предложения и любые другие замечания по книге по адресу:

Howard Zehr
Mennonite Central Committee US
Office of Criminal Justice
107 West Lexington Ave.
Elkhart, IN 46516

Глава 2. Жертва

Вопросы

1. Представьте, что вы пришли домой и обнаружили, что в вашем доме побывал грабитель. Пропали ценные вещи, включая и наследственные драгоценности, дверь взломана топором. Как бы вы отреагировали? Как бы это подействовало на вас? Какие вопросы у вас возникли бы? Какие бы потребности у вас появились?
2. Были ли вы когда-нибудь лично знакомы с жертвами преступлений? Оказывались ли сами в таком положении? Как вы реагировали на случившееся? Какие чувства испытывали?
3. Как вы думаете, каким образом должно было решиться дело, описанное мною в первой главе? Посмотрите на это глазами жертвы.
4. В чем переживания жертв преступлений схожи со страданиями людей, ставших жертвами обстоятельств иного рода (болезней, природных катастроф)? В чем они расходятся? (Обратите особое внимание на раздел «Почему преступление переживается так болезненно?»)
5. Согласны ли вы с тем, что гнев является неотъемлемой частью восстановительного процесса, что его проявления следует поощрять? Как вы лично реагируете на поведение обиженного и разгневанного человека?
6. Шарлотта Халлингер перечисляет четыре типа помощников (см. примечание к главе 2). В чем заключаются сильные и слабые стороны каждого типа? К какому типу принадлежите вы? Что вы могли бы сделать, чтобы стать «настоящим помощником»?
7. Некоторые утверждают, что возмездие является естественной человеческой потребностью. Они говорят, что, если государство не возьмет на себя эту функцию, этим займутся частные лица. Другие считают, что чувство мести — не врожденная черта, а приобретенная. Третьи говорят, что возмездие является потребностью, которую лучше удовлетворять другими способами, такими как возмещение ущерба и прощение. Что вы думаете об этом?

8. Каким образом проявляется наша склонность осуждать пострадавших? Почему мы это делаем?
9. Обсудите шесть вопросов о восстановлении (см. раздел «Почему преступление переживается так болезненно?»). Что понадобится для ответа на эти вопросы? Кто может это сделать? Кто может и должен содействовать в решении каждого из этих вопросов?
10. Какими правами должен обладать пострадавший и в какой роли он должен выступать в ходе судебного процесса? Каковы преимущества и недостатки такого участия—для пострадавшего, преступника, для самой системы?
11. Что можно сказать о бытовом насилии над женой, о кровосмесительных связях? Что общего и в чем разница между преступлениями такого рода и ограблением или насильственным нападением?

Практические задания

1. Напишите на доске список слов, связанных с пострадавшим, например:
 - пострадавший
 - ограбление
 - суд
 - правосудие
 - прокурор
 - возмездие
 - возмещение ущерба

Пусть каждый из присутствующих скажет, какие ассоциации или мысли вызывает у него каждое из этих слов. Пройдитесь так по всему списку. Запишите все на доске. Закончив, вместе проанализируйте написанное.

2. В небольшой ролевой игре разыграйте ситуацию с заданными условиями конкретного случая. Разделите группу на подгруппы из трех человек, в каждой из которых: один пострадавший, его друг или полицейский офицер и наблюдатель. Пострадавший должен изложить свое дело, а друг или полицейский — как-то отреагировать.
3. Пригласите на занятие человека, который был жертвой преступления, или специального работника, обеспечивающего помощь пострадавшим.
4. Достаньте материалы реального дела и выделите наиболее важные детали (если у вас нет доступа к такой информации, используйте материалы из книги *Нейдербака* «Невидимые раны» (1)). Обсудите, в чем состоят первоочередные потребности пострадавшего. Кто может и должен предоставить ему помощь, какой она должна быть? Что вы, отдельный человек, могли бы сделать? Что могла бы сделать Церковь? «Система»? Община?
5. Пригласите представителя «системы» поговорить о роли жертвы в судебном процессе — предпочтительно сотрудника, занимающегося помощью жертвам (представителя программы помощи жертвам, кризисного центра для жертв сексуального насилия и т.п.) или адвоката, прокурора, судью. Каковы права жертвы? В чем заключается обычная роль жертвы? Как с ней обычно обходятся? Для участия в такой беседе вы можете также пригласить жертву реального преступления.

Глава 3. Преступник

Вопросы

1. Что вы думаете о приговоре, вынесенном по делу из первой главы? Если бы вас попросили выдвинуть альтернативное предложение, что вы предложили бы?
2. Что автор книги говорит о таких понятиях как чувство собственного достоинства, способность распоряжаться собственной жизнью, как они связаны с поступками преступники? Согласны ли вы с автором? (См. также главу 4.)

3. Какие вам известны разновидности наказаний — за исключением лишения свободы — наиболее часто встречающихся в современном обществе (общественные работы, передача под надзор службы пробации, принудительное лечение, ограничение свободы*, возмещение ущерба)? Каковы преимущества и недостатки каждого из них? Какие задачи призвано решать каждое из них? В какой мере каждое из них служит карательным целям?
4. Каким целям должно служить тюремное заключение и какое место оно должно занимать в нашей правовой системе (и есть ли ему место вообще)?
5. Что автор имеет в виду, говоря о *подлинной ответственности преступника!* Как это сочетается с вашим собственным пониманием? Должна ли подлинная ответственность преступника находиться в центре внимания правосудия, и если да, то как этого добиться?
6. Помогает ли вам то, что вы можете думать о преступниках как о жертвах прежнего насилия? В какой мере их поведение зависит от бытового насилия или от ограничения возможностей поступления на учебу или работу? В какой мере это может повлиять на чувство ответственности? Как это отражается на обязанностях общества?

Практические задания

1. Напишите на доске ряд слов, как это было предложено в задании к главе 2. Попросите участников семинара высказать свои ассоциации, потом проанализируйте их.
Предлагаемые слова:
 - правонарушитель
 - преступник
 - тюрьма
 - судья
 - наказание
 - возмездие
 - суд
2. Пригласите судью или представителя службы пробации для разговора о том, как составляются предложения о наказании и принимаются решения о приговоре.
3. Пригласите психотерапевта, работающего с преступниками, для обсуждения часто встречающихся «ложных представлений» и «стратегий самооправдания» — стереотипов и объяснений, к которым обычно прибегают для оправдания преступного поведения.

Глава 4. Некоторые общие темы

Вопросы

1. Что значат для вас раскаяние и прощение?
2. Совместимо ли прощение с современной системой уголовной юстиции? Стоит ли заботиться об этом в случае преступления? Если да, то как следует это поощрять? Какую опасность вы видите?
3. Что автор имеет в виду, когда говорит, что «прощение — это дар, оно не должно стать непосильной ношей»? Соответствует ли это вашему пониманию прощения?
4. Какова роль раскаяния и прощения в процессе возвращения пострадавшего к нормальной жизни? Может ли такое постановление состояться без прощения? Каким образом?
5. Автор утверждает, что определенные условия облегчают путь к прощению. Что это за условия? Согласны ли вы с этим? Соответствует ли это Библии?
6. Обсудите, как Церковь могла бы использовать «ритуалы скорби» и «ритуалы прощения и примирения» для пострадавших и преступников.

7. Каково соотношение между чувством вины и наказанием? Преодолевается ли чувство вины наказанием (с точки зрения логики, эмоций, Библии) и должно ли преодолеваться? Каковы альтернативы?
8. Какие требования следует предъявить к наказанию, чтобы оно было «справедливым»?
9. Каковы требования к «эффективности» наказания? Что следует понимать под «эффективностью» наказания?
10. Автор утверждает, что преступное поведение коренится в большей степени в ненависти преступника к самому себе, нежели в самолюбии. Правда ли это? Если да, то как это должно отражаться на нашем подходе к исцелению и исправлению преступника?
11. Что мы, отдельные люди, общество и Церковь, можем сделать, чтобы «демистифицировать» преступление?

Практические задания

1. Изучите заметки о преступлениях в местной газете. Перечислите и обсудите способы, при помощи которых авторы этих заметок возбуждают страх и поощряют стереотипы и ложные представления о преступлении, жертве, преступнике, представителях правосудия, о судебном процессе.
2. Пригласите журналиста, который пишет о преступлениях, попросите его рассказать о том, как собирается и освещается информация такого рода.
3. Попросите участников семинара или людей со стороны (пострадавшего или преступника) рассказать, как они понимают или реально ощущали (либо не могли ощутить) прощение.

Глава 5. Карательное правосудие

Вопросы

1. Перечислите и дайте оценку шести положениям о правосудии, изложенным в этой главе. Действительно ли мы придерживаемся этих положений? Существуют ли другие? «Правильны» ли они?
2. Как вы понимаете виновность? Как ее понимает Библия? Какие другие понимания виновности существуют в различных сферах нашего общества (в социальных науках, в психотерапии, в юриспруденции)? В чем заключаются сильные и слабые стороны этих подходов?
3. В какой мере уголовный процесс поощряет или противодействует развитию у преступников чувства ответственности?
4. Является ли наше понимание виновности и ответственности индивидуалистическим в той мере, в какой это изображается автором? Видите ли вы здесь проблему? Каковы альтернативы?
5. Можно ли говорить о понятии личной ответственности, которое в то же время учитывало бы социальный, экономический и политический контексты, определяющие поведение? Может ли такое понятие войти в обиход нашей правовой системы?
6. Каким образом наша правовая система способствует развитию мировоззрения, разделяющего мир на «мы» и «они»? (Кто это «они» и кто «мы»?) Каковы последствия такого деления?
7. Дайте определение *наказанию*. Правильно ли данное автором определение *наказания* как страдания, цель которого в самом страдании?
8. Правда ли, что большинство людей думает, что причиненное зло должно исправляться наказанием? Если да, то является ли это приобретенным знанием, или же оно коренится в человеческой психологии? Соответствует ли эта точка зрения Библии? Существуют ли альтернативы?

9. Приносит ли наказание преступников удовлетворение пострадавшим? Преступникам? Что вы можете сказать о наказании, исходя из собственного опыта?
10. Какими способами мы пытаемся завуалировать сущность наказания (включая терминологию)?
11. Как связаны между собой следующие термины: наказание, кара, кровная месть, возмездие?
12. Подумайте о своих собственных склонностях и опыте в отношениях с друзьями, супругой, детьми. Когда вам причиняют боль, отвечаете ли вы на нее по принципу «зуб за зуб», или по принципу «решения проблемы», или же у вас иной подход?
13. Что имеется в виду, когда говорят, что наш судебный процесс является состязательным? К чему это приводит?
14. Проанализируйте свои собственные взгляды на преступление. Определяете ли вы его как нарушение закона или рассматриваете с точки зрения его последствий и нанесенного вреда? Каковы последствия столь различных точек зрения?
15. Осознавали ли вы прежде, что именно государство, а не конкретный человек является законной жертвой преступления? Как это отразилось бы на вас, если бы вы были (или если действительно были) пострадавшим?

Практические задания

1. Придумайте ситуацию преступления. Спросите различных официальных представителей уголовного суда (судей, представителей службы пробации, адвокатов, прокуроров), каким должен быть приговор по этому делу. Отчитайтесь о проведенном опросе и сравните полученные результаты.
2. Попросите участников семинара выразить свою точку зрения на ряд тезисов. Попросите тех, кто выразит несогласие с предлагаемым утверждением, встать в одном конце комнаты, тех, кто согласится с ним, — в другом конце, тех, кто выразит нейтральную позицию, — в середине комнаты. И так по поводу каждого нового тезиса. Перед тем, как перейти к другому тезису, выслушайте доводы каждого из участников, почему он примкнул к той или иной группе.

Примерные тезисы (можно предложить свои):

1. Смертный приговор должен выноситься по каждому случаю убийства.
2. Смертный приговор должен выноситься только в случае убийства с отягчающими обстоятельствами.
3. О насилии над супругой следует доводить до сведения полиции и разбирать его как преступление.
4. Люди, совершающие преступления, должны нести ответственность, отправляясь в тюрьму.

Глава 6. Правосудие как парадигма

Вопросы

1. Что автор имеет в виду под *парадигмой*?
2. Какие парадигмы вы можете перечислить из других областей, не только физики и психологии, но и из сферы повседневной жизни (семейных отношений, работы)?
3. Как эти парадигмы определяют то, что мы считаем существенными проблемами и решениями?
4. Что такого есть в преступлении, что заставляет нас думать о нем и отвечать на него особым образом, иначе, чем на другие проявления зла? Следует ли нам их различать? Если да, то где следует наметить линию раздела?
5. Чем отличается гражданский процесс от уголовного? Какие факторы определяют, будет ли дело разбираться в уголовном или гражданском суде?

6. Какие способы решения конфликтных ситуаций из тех, что используются в повседневной жизни и в обществе в целом вне официальных судов, вы знаете? Приведите примеры из собственной жизни.
7. Каковы признаки (если таковые имеются) того, что мы, возможно, на грани смены парадигмы правосудия? (То есть, каковы признаки аномалий или кризиса?)
8. Дайте оценку современным реформам в области правосудия (помощь пострадавшим, частные тюрьмы, электронный мониторинг, общественные работы). В какой мере они определяют новое направление? В какой мере они являются всего лишь заплатами на старой модели?

Практические задания

Представьте себе двух подравшихся в школе ребят, один из которых выбивает другому зуб. К этому случаю можно отнести как преступлению, требующему наказания, к конфликту, нуждающемуся в разрешении, или ущербу, который следует возместить. Эту ситуацию можно решить в рамках школы, можно квалифицировать как уголовное преступление, можно передать на рассмотрение в гражданский суд. Все эти и другие варианты решений возможны и реально используются в подобных ситуациях.

Обсудите, что определяет выбор решения в такой ситуации. Каковы возможные последствия каждого из перечисленных вариантов? Какой из них скорее всего принесет больше пользы и почему? Как интерпретируется изначальный конфликт в свете того пути, который избран для его разрешения?

Глава 7. Общинное правосудие: историческая альтернатива

Вопросы

1. Что вы знаете (слышали или изучали) о том, как в прошлом общество отвечало на преступление? Как это соотносится с картиной, представленной автором?
2. В чем разница между «частным правосудием» и «публичным (государственным) правосудием»? «Государственным правосудием» и «общинным правосудием»?
3. В какой системе правосудия вы сами предпочли бы жить — в современной или предшествующей ей? Почему? Какие изменения вы хотели бы увидеть в выбранной вами системе?
4. В чем, по мнению автора, заключались три варианта правосудия в древнем мире?
5. Автор отмечает важность «моральной реабилитации пострадавшего». Что это значит? Важно ли это? Каким образом это происходило в прошлом? Как это происходит сегодня? Как это должно происходить в усовершенствованной системе?
6. Каким образом христианское богословие служило для поддержания зарождающегося «карательного» понимания правосудия?
7. Каким образом современное наказание, по словам Мишеля Фуко, пытается затронуть душу, а не только тело?
8. Что положительного и отрицательного было в правовой революции?
9. Каким образом наказание выполняет символическую функцию в современном мире?

Глава 8. Правосудие по завету: библейская альтернатива

Вопросы

1. Автор утверждает, что закон в Ветхом Завете имел иное значение и иную функцию, чем сегодня. В чем разница? Что это означает?
2. Сверьте основные положения своей собственной веры с мировоззрением *шалом*. Изменит ли это что-либо в вашей вере, если вы попытаетесь взять *шалом* за основу?

3. Что вы думали раньше о роли и значении ветхозаветного положения «око за око»? Изменилось ли ваше представление? Если да, то как?
4. В чем заключаются некоторые из ветхозаветных представлений о виновности? В какой мере мы их сегодня разделяем?
5. Наше представление о библейском правосудии может основываться на том, каким мы видим Бога. Некоторые видят Его в первую очередь любящим Отцом. Другие видят Бога в образе строгого Судьи. Каковы другие возможные образы? Каким вы видите Господа?
6. Как в Ветхом Завете правосудие в духе *шалом* соотносится с правосудием «зуб за зуб»? Как меняется наше понимание правосудия «зуб за зуб», если оно основано на понимании *шалом*?
7. Каким образом сочетание таких понятий как *шалом* и *завет* отличало библейский закон от закона окружающих обществ? То есть, каким образом эти понятия «преображают» закон и его воплощение?
8. Насколько «библейский критерий» соответствует вашим собственным представлениям? Можно ли применить его к современному правосудию?
9. Что было бы, если бы мы оценивали правосудие «по плодам» (т.е. по итогу, а не по процессу)? Какие преимущества и опасности здесь заложены?
10. Как меняется наше представление о Десяти Заповедях и Нагорной Проповеди, если мы относимся к ним более как к приглашению и обещанию, нежели как к запрету и предписанию? Думаете ли вы, что эти тексты можно понять таким образом?
11. Если *шалом* мы воспринимаем серьезно, как цель и мировоззрение, можем ли мы удовлетвориться подходом уголовного правосудия, не обращаясь к вопросам социальной справедливости? Если нет, то что это может для нас значить?
12. Современное правосудие изображается обычно в виде богини с завязанными глазами и весами в руке. О чем нам говорит этот образ? В чем заключаются положительные стороны этого образа? Чем этот образ может оказаться опасным? Каким должен быть символ восстановительного правосудия?

Практические задания

1. Вспомните несколько случаев мести из Библии. Найдите также примеры прощения и примирения. Которая из тем кажется вам более важной для Ветхого Завета? Для Нового Завета? Как вы понимаете соотношение этих двух тем?
2. Прочтите и обсудите Псалом 102. Какое видение правосудия преобладает здесь? Как оно соотносится с другими, карательными, темами Ветхого Завета? (Вы также можете обратиться к текстам из Левита 26 и Второзакония 4.)
3. Прочитайте Книгу Пророка Осии. Отметьте и обсудите, в какой форме Бог выражает в ней свою скорбь.
4. Выберите из газеты какую-нибудь статью о судебном разбирательстве. Изучите ее, сопоставляя разбирательство и исход дела с «библейским критерием». Используя этот критерий, обсудите, как еще можно было решить дело.
5. Изучите разнообразные примеры из библейского закона. Обратите особое внимание на паттерны причинно-следственного типа («поэтому»). Каково значение этого паттерна для реализации библейского закона?

Глава 9. Программа Примирения Жертв и Преступников: экспериментальная площадка

Вопросы

1. Каковы потенциальные преимущества подхода VORP? Каковы его потенциальные проблемы?
2. Если бы вы были пострадавшим (или преступником), решающим вопрос об участии в Программе примирения, какие преимущества для себя вы бы видели? Что беспокоило бы вас? Какие факторы могли бы оказать решающее влияние на ваш выбор?

3. Если бы вы были пострадавшим (или преступником), участвующим в VORP, чего бы вы ожидали от встречи? Какой исход встречи был бы для вас наиболее желательным?
4. Какой должна быть, по-вашему, ведущая цель VORP? Какие другие цели может перед собой ставить Программа? Какие цели ставить не следует?
5. Если примирение должно стать основной целью VORP, то что это значит? Как это можно будет проверить?
6. Как основной подход VORP может быть видоизменен для применения в случаях особо тяжких преступлений (изнасилование, убийство, домашнее насилие)? Следует ли прибегать к нему в таких случаях? Каковы возможные положительные и отрицательные последствия такого шага?
7. Подумайте о других возможных путях применения подхода VORP в нашем обществе (за пределами уголовного правосудия)?
8. Каким образом Церковь может и должна быть вовлечена в работу VORP? В чем заключаются возможности и обязанности Церкви в этой области? Каковы формы такого участия? (Вы можете использовать руководство по программе «Как организовать VORP: Церковь как фундамент программы»; книгу можно получить в библиотеке Меннонитского Центрального Комитета (МЦК). (Адрес см. в разделе «Источники дополнительной информации».)

Практические задания

1. Разыграйте в ролях ситуацию встречи пострадавшего с преступником. Разделитесь на подгруппы по три-четыре человека, каждый из которых будет представлять пострадавшего, преступника, ведущего встречу и, возможно, наблюдателя. (В МЦК имеется в наличии «Пособие по ролевым ситуациям» для использования на подобных семинарах.)
2. Просмотрите и обсудите видео- и аудио-материалы по VORP. Используйте набор диапозитивов «Преступление: Надломленная община», и «Преступление: Посредничество при конфликте» или же видеокассету «Идти прямо». (Материалы - в МЦК.)
3. Если вы состоите в общине, в которой уже действует VORP, пригласите для беседы штатного сотрудника, добровольного посредника, пострадавшего или преступника.

Глава 10. Восстановительные линзы

Вопросы

1. В чем состоит основное различие между карательными и восстановительными «линзами»? Укажите различия и дайте им оценку.
2. Каким, по вашему мнению, должен быть положительный «опыт правосудия» для пострадавшего? Для преступника?
3. Способно ли «восстановительное правосудие» создать новые линзы, или оно служит лишь для корректировки существующей системы?
4. Что случится, если восстановительный подход будет внедрен в систему и общество, где еще не восторжествовала социальная справедливость?
5. Чего еще не хватает «восстановительным линзам», чтобы стать оформившейся парадигмой?
6. Насколько такие традиционные цели уголовного правосудия, как ограничение прав, устрашение потенциальных преступников и исправление осужденных, вписываются в восстановительную модель? Соответствуют ли они вообще смыслу правосудия?
7. Что можно сказать о так называемых «преступлениях без пострадавших»? Существуют ли такие преступления? Как с ними следует обращаться?
8. Отличаются ли преступления, совершенные корпорациями, от преступлений, совершенных отдельными людьми? Как следует вести дела о преступлениях корпораций?

9. Герман Бианки критиковал модель VORP за то, что она ведет работу с отдельными людьми в изоляции от их окружения. Какой должна быть роль семей и друзей пострадавших и преступников в восстановительном процессе?
10. В чем должна заключаться роль общины? Как эта роль может быть реализована? Кто входит в общину?
11. Следует ли нам вообще использовать термин «преступление»? Что если мы перестанем проводить грань между «преступлениями» и другими видами причинения вреда и конфликтов? Каковы будут преимущества и недостатки такого подхода?
12. Насколько важен межличностный аспект преступления? Не думаете ли вы, что автор уделяет слишком много внимания чувствам пострадавшего и преступника и их взаимоотношениям? Должна ли эта тема быть центральной или же периферийной для правосудия?
13. Что вы думаете о заявлении автора, что во главе угла должны находиться потребности пострадавшего, но и потребностям преступника тоже следует уделить не меньшее внимание? Согласны ли вы с этим? Реально ли это?
14. Автор утверждает, что карательное правосудие начинается с установления виновности и правовых гарантий, а восстановительная модель — с выяснения потребностей и определения обязательств. Каково значение этих исходных позиций?
15. Каким образом изменится роль «надлежащей правовой процедуры» в восстановительной модели? Насколько велика опасность нарушения прав? Какие понадобятся гарантии защиты прав?
16. Реализация модели правосудия, которая во главу угла поставит потребности пострадавших и преступников и предоставит им больше возможностей для участия в решении своего дела, может иметь самые разные последствия. Может случиться, что не будут удовлетворены традиционные требования к единообразию итоговых решений. К чему это может привести? Что вы об этом думаете?
17. Обсудите понятие «защиты и восстановления справедливости для пострадавшего». Каково библейское значение этой идеи (см. псалом 102, 6: «Господь творит правду и суд всем обиженным»). Что это значит для вас? Что это может значить для пострадавших?
18. Каким образом Церковь может участвовать в исцелении пострадавших и преступников? Постарайтесь в своем ответе учесть выделенные автором потребности участников процесса.
19. Что вы думаете о «немногих особо опасных преступниках»? Как следует с ними поступать в рамках восстановительной модели? Каким образом должны выноситься решения по таким случаям?
20. Некоторые штаты предоставляют пострадавшим больше возможностей для участия, особенно в процессе определения наказания. Что происходит, когда такое явление имеет место в современной состязательной карательной системе?
21. Автор утверждает, что современная система преувеличивает публичный и недооценивает частный аспект преступления. В чем заключается публичный аспект преступления, и каким образом он будет учтен в восстановительной модели?
22. Какой должна быть доля принуждения в восстановительной модели? Следует ли принуждать пострадавших к участию в программе? Преступников? Каковы возможные последствия такого шага?
23. Современная система создает много возможностей для злоупотребления властью, но такие возможности останутся и в восстановительной модели. Как это может случиться? Как можно с этим бороться?
24. Подумайте о правосудии как об источнике информации, в цели которого входит посылать разнообразные «сообщения». Какое «сообщение» посылает современная система, кому оно адресовано? Какую информацию общество получает реально? Какое «послание» должна сообщать восстановительная система, и как это можно сделать?

25. В чем будут заключаться обязанности общества при восстановительном правосудии, перед кем общество будет нести эти обязанности?
26. Что означает термин «ответственность» при карательном и восстановительном подходах? Какое место должно занимать чувство ответственности? Каким образом его следует прививать?
27. Назовите наиболее значимые ритуалы в процессе исцеления и отправления правосудия? Где и когда им надлежит совершаться? Каким образом Церковь может содействовать этому?
28. Следует ли вообще применять наказание? Если да, то в каких условиях и с какой целью? Каким образом можно сократить злоупотребление наказаниями?

Практические задания

1. Оставьте пока в стороне вопрос о практическом внедрении новой модели и попытайтесь спроектировать такой подход к «преступлению», который был бы восстановительным по сути. Каким он должен быть?
2. Возьмите для примера какой-нибудь случай. Спроектируйте восстановительный процесс, а также его итоги. Учтите «четыре аспекта нанесенного ущерба» и ключевые элементы восстановительной модели. После чего сверьте ваш результат с «Критерием Восстановительного Правосудия», предложенным в Приложении 1, или же создайте собственный критерий.

Тщательно продумайте, с чего вы начнете. Каковы первоочередные потребности, которые необходимо будет удовлетворить? Кто лучше всего может их определить и как их следует удовлетворить? Каковы первоочередные дела и задачи, к которым вы должны обратиться в вашем ответе?

А теперь посмотрите на то, что обычно происходит в такой ситуации. (Или, если вы брали за основу настоящее дело, проанализируйте его реальный результат.)

Глава 11. Что же дальше?

Вопросы

1. Какой должна быть роль государства в процессе правосудия? Как она изменится в восстановительной модели?
2. Содержит ли какая-либо из этих моделей унаследованные национальные, расовые или половые предрассудки? Если да, являются ли эти предрассудки неотъемлемой частью модели или же концепция может быть освобождена от влияния мировоззрения белого мужчины среднего класса?
3. Как карательная и восстановительная модели выглядят с точки зрения феминизма? В чем сильные и слабые стороны моделей с этой точки зрения? Принимая во внимание феминистские взгляды на вопросы власти, процесса и целей, придется ли что-либо изменить в восстановительной модели?
4. В чем заключаются некоторые политические и институциональные факторы, которые могут повлиять на процесс смены парадигмы нашего правосудия? Каковы возможности для актуальной смены парадигмы?
5. Как Церковь может внутрицерковно осуществлять восстановительное правосудие?
6. Что получилось бы, если бы право стало «более гражданским» и с «преступлениями» обращались бы так же, как и с другими конфликтными ситуациями? Какие процедуры и гарантии потребуются для этого, и потребуются ли?
7. Как эта книга повлияла на то, как вы реагируете на преступления и другие конфликты? Насколько ваша теперешняя реакция будет отличаться от той, что у вас была до прочтения этой книги?

Практические задания

1. Обратитесь к описанию японской системы и той, что существовала на заре современной эпохи на Западе. Представьте себе и обсудите, как может выглядеть в нашем обществе система «параллельного правосудия». Как будут выглядеть две параллельные структуры? Как будет приниматься решение о том, по какому пути идти в каждом отдельном случае?
2. Перечислите и обсудите некоторые из «промежуточных стратегий». Какие программы, ориентированные на становление восстановительного правосудия, могут осуществляться уже в нынешних, далеко не идеальных условиях? Какие цели должны при этом ставиться?

Примечание:

(1) Neiderbach, Shelley *Invisible Wounds: Crime Victims Speak*. New York: The Hayworth Press, 1986.

ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Опыт Семейных конференций и «Кругов правосудия»

Еще в самом начале разработки программы VORP датский профессор Герман Бианки обратил внимание на то, что избранный нами подход имеет слишком индивидуалистический характер. Во многих культурах конфликты, которыми занимаются программы посредничества, принято разрешать в рамках семьи и общины, и встречи *один на один* жертвы и преступника будут восприняты как попытка изолированного решения общей проблемы.

Его точка зрения показалась мне разумной, но не совсем адекватной по отношению к нашей модели. Ведь модель восстановительного правосудия, центральным звеном которой является примирение жертвы и преступника, как раз предполагается участие общины; многие из нас действительно считали, что такой путь возвращает общине ее роль в разборе конфликтов. Мы убеждали себя, что община в лице добровольных посредников и общественных организаций, предоставляющих помещение для осуществления многих программ, полноценно вовлечена в нашу работу.

В случаях с несовершеннолетними правонарушителями мы старались привлекать к участию семьи, хотя их роль в самом процессе оставалась неясной. Некоторые программы из-за возможных осложнений не вовлекают семьи правонарушителей; их держат в курсе дела, но не допускают до встреч жертв с правонарушителями, так как есть опасность, что родители возьмут на себя ответственность за случившееся. Другие программы поощряют их присутствие, но пытаются ограничить их роль в диалоге юного правонарушителя и жертвы. В такой ситуации роль родителей хоть и имеет значение, но скорее в качестве поддержки, нежели ведущей силы.

Иными словами, участием семьи и общины придавалось некоторое значение, но на практике оно чаще оказывалось периферийным, эпизодическим.

Два новых подхода в рамках программы VORP заставили нас в корне пересмотреть наши представления. В этих подходах предлагаются некоторые способы повышения роли общины при реализации концепции восстановительного правосудия. Интересно, что эти способы основываются на использовании опыта работы с представителями примитивных культур в рамках западной правовой системы.

В конце 80-ых г.г. в Новой Зеландии (а впоследствии и в Австралии) появились Семейные конференции — как ответ местного населения Маори на определенную ситуацию в этом регионе: по общему признанию, западный образец системы правосудия здесь не срабатывал. Многие маори утверждали, что по сути он противоречит их традициям: система нацелена на наказание, а не на решение проблемы, конечное решение навязывалось, а не принималось в результате переговоров, семья и община отстранялись от участия в процессе.

В новой системе ювенальной юстиции, принятой в 1989 году, все дела по несовершеннолетним, за исключением некоторых насильственных преступлений, изымаются из полиции или суда и передаются для решения на Семейные конференции (Family Group Conferences — далее в тексте FGCs). В результате судьи отметили значительное, доходящее до 80%, число отказов от уголовного преследования по таким делам. Новозеландский судья Фред Макельреа назвал это первым опытом действительно восстановительного правосудия, который следовало бы институционализировать в рамках западной правовой системы (1).

Вместо слушаний в суде координатор по делам несовершеннолетних (представитель системы социального обеспечения, а не системы юстиции) устраивает встречи, подобные тем, что проводятся VORP, которые позволяют каждому проявить свои чувства, исследовать факты, найти решение проблемы. Преступники отвечают за содеянное, частично удовлетворяются потребности жертв. Однако есть и явные отличия этой программы от VORP по способу организации встреч и по масштабу обсуждений.

По сравнению с VORP встречи FGCs включают довольно много участников. Большую часть присутствующих составляют семьи правонарушителей. К ним могут присоединиться и дальние родственники, особенно при неполных или неблагополучных семьях, приходят и особо уважаемые в общине люди. Могут быть приглашены и социальные работники, курирующие данную семью, обязательно присутствует адвокат по делам несовершеннолетних, который следит за соблюдением прав обвиняемого. Пострадавшие тоже могут приводить с собой семьи или друзей. Полиция (которая в официальной системе находится на стороне обвинения) тоже принимает участие в этой встрече. Так что встречи предполагают не просто большое число участников, но и наличие групп с расходящимися интересами и ожиданиями.

Сам по себе такой подход может показаться достаточно радикальным, но здесь есть еще более удивительные моменты: такая группа приходит к рекомендациям относительно всех аспектов разбираемого дела, и не только о возмещении ущерба, — и решение должно быть единодушным! Еще более удивительно то, что в большинстве случаев это удается.

Семейные конференции функционируют настолько успешно, что в Новой Зеландии некоторые судьи и другие представители правосудия предлагают применить этот подход и по отношению к совершеннолетним правонарушителям. Бесспорно, метод требует некоторой доработки. К примеру, предложения по возмещению ущерба не всегда разумны, а исходная программа не ставит во главу угла потребности пострадавших. Однако несмотря на некоторые недостатки, результаты пяти-шести лет деятельности программы поистине впечатляющи. С таким же успехом в Австралии используется подход, разработанный местной полицией в Barra Barra; подобный метод применялся уже и в некоторых американских городах.

Участие семей в работе FGCs способствует возникновению — по терминологии австралийского криминалиста Джона Брайтвайта — феномена «воссоединяющего стыда». В своем исследовании Брайтвайт отмечает, что одним из самых мощных инструментов общественного контроля является чувство стыда, но стыд бывает разный: *стыд клеймящий* и *стыд воссоединяющий* (2).

Наше карательное правосудие порождает чувство *клеймящего* стыда. Человеку внушают, что порочно не только его поведение, но порочен он сам, и это уже невозможно изменить. Это приводит к тому, что преступнику чрезвычайно сложно вернуться в общество: на человеке, совершившем преступление, вечно будет лежать клеймо преступника, и потому он сближается лишь с себе подобными. Используя концепцию *клеймящего стыда* удастся свести воедино многие криминологические теории: отклоняющихся (делинквентных) субкультур, стратификации, теории ярлыков.

Воссоединяющий стыд осуждает преступление, но не преступника, более того, он позволяет преступнику вернуться в общество. Признавая свою вину, возмещая нанесенный ущерб, преступник восстанавливает чувство собственного достоинства и добивается того, что община принимает его обратно. *Воссоединяющий стыд* позволяет использовать правонарушение для воспитания преступника и укрепления общины.

Семейные конференции собирают довольно представительный форум. В кругу семьи открывается полноценная возможность для обличения совершенного зла. Тяжело встретиться со своей жертвой, но представьте, как трудно посмотреть в глаза собственным родителям! Но так как преступник является членом семьи, Конференция предоставляет возможность оказать ему и необходимую поддержку. Члены семьи часто выражают растерянность и гнев по поводу его поведения, но все-таки стараются напомнить и о положительных качествах близкого им человека. В ходе обсуждений семья вырабатывает

согласованную стратегию дальнейших действий, преступника поощряют принять на себя ответственность, по возможности исправить совершенное зло и при этом дают ему почувствовать поддержку близких.

Кроме того, возможность участвовать в процессе решения проблемы позволяет семьям почувствовать свою причастность к успешному исходу всего дела. При таком положении родственники в большей мере готовы проявить сочувствие и поддержку после вынесения окончательного приговора.

Конечно, FGCs не панацея, но на сегодня уже получены многообещающие результаты. В Новой Зеландии я слышал много впечатляющих историй от людей, в ком никак не ожидал увидеть поборников этого метода: от судей, полицейских, адвокатов.

Другой похожий по концепции метод под названием «Круг правосудия» применяется в Канаде в индейских общинах. Подобно Семейным конференциям модель «Кругов правосудия» позволяет включить в западную правовую систему некоторые традиционные способы разрешения конфликтов. Здесь решения по уголовным делам (включая те, по которым в конце концов суд назначает наказание) тоже принимаются в результате обсуждений и лишь при достижении консенсуса. Однако, если сравнивать эту модель с FGCs, следует отметить, что здесь встречи, или «круги», намного шире и предполагают значительно большее количество участников.

Судья Берри Стюарт, в чьей юрисдикции в Юконе функционирует большое число таких «Кругов», подчеркивает, что одним из наиболее значимых результатов работы «Кругов» правосудия может быть укрепление общины и решение ее проблем (3). Когда община остается в стороне от правосудия, как в официальном уголовном процессе, незадействованными оказываются важнейшие ресурсы ее развития. И напротив, если конфликты разрешаются надлежащим образом, они могут стать инструментом для построения добрых отношений между людьми и общинами. Если игнорировать это обстоятельство, община может лишиться фундаментального блока, необходимого для строительства совместной жизни, для предупреждения преступности. Судья Стюарт отметил:

«Основное преимущество общинных "Кругов правосудия" заключается даже не в том, что происходит с преступниками, но в том, как преобразуется община. Укрепляя чувство единства, "Круг правосудия" развивает в общине умение исцелять человека и его семью, а в конечном счете — предупреждать преступления. "Круги правосудия" позволяют присутствующим почувствовать свою значимость, так как они существенно помогают в процессе исцеления».

Судья Стюарт утверждает, что сам метод нельзя рассматривать как радикально новый, корнями он уходит в традиции примитивных, но точно так же и западных культур, однако на Западе он в гораздо большей степени полагается на «профессиональных целителей» и «конфликтологов».

В Юконе, где он живет, задействованы различные типы «Кругов». Целительный круг обращен к нуждам отдельных лиц и общин, включая отношения жертвы и преступника. Некоторые формы «Кругов» служат для выработки предложений по приговорам и в то же время рассматривают проблемы и дела общины. «Круги правосудия» сводят вместе преступников, пострадавших (или их представителей), группы поддержки и заинтересованных членов общины для того, чтобы обсудить, что же произошло, почему это произошло и что следует по этому поводу предпринять. Обсуждения касаются многих проблем и затрагивают не только приговор, но и ответственность общины, причины произошедшего, процесс восстановления. Стюарт перечисляет следующие задачи «Круга»: 1) исследовать причины, а не симптомы; 2) привлекать стороны для личного общения, предоставляя им возможность выговориться и прийти к каким-либо решениям; 3) сократить зависимость от экспертов; 4) формировать чувство общности. Он утверждает, что данный подход можно успешно применять как в городе, так и в сельских общинах.

«Круги правосудия» подобно Семейным конференциям расширяют спектр рассматриваемых проблем и дают возможность проявиться «воссоединяющему стыду». Судья Стюарт отмечает:

«Община [часто] говорит преступнику, что совершенное им есть "зло", однако это не значит, что он "злой" человек, у него много положительных черт, которые можно развивать... Любовь, забота, поддержка и готовность простить, которые царят в таком процессе выработки приговора, глубоко воздействуют на установки и поведение многих преступников. Как сказал один преступник, "я не помню, чтобы люди когда-либо заботились обо мне. Я не думал... для меня всегда было так... вы знаете, плохой парень, занимается плохими делами, так я и стал хорош только для плохих дел. А почему бы и нет? Я злился на то, как со мной поступали, а теперь я вижу, обо мне действительно заботятся, хотят помочь. Я чувствую себя иначе, хочу быть другим"».

В какой-то мере, истории, которые мы слышим от участников Семейных конференций и «Кругов правосудия», кажутся нам, занимающимся примирением жертв и преступников, хорошо знакомыми. И в то же время вовлечение в этот процесс семьи и общины предполагает разработку новых направлений, к которым — имея в виду развитие теории и практики восстановительного правосудия — нам следует серьезно отнестись.

Ховард Зер
июль, 1995.

Примечания:

(1) См. например, его очерки в: Jonathan Burnside and Nicola Baker (eds), *Relational Justice: Repairing the Breach* (Winchester, U.K.: Waterside Press, 1994), pp. 104—113 and B.J. Brown and F.W.M. McElrea (eds), *The Youth Court in New Zealand: A New Model of Justice* (Legal Research Foundation, Publication No. 34, 1993). Описания и оценки Семейных конференций в Новой Зеландии и Австралии можно найти в: Christine Alder and Joy Wundersitz (eds), *Family Group Conferencing and Juvenile Justice: The Way Forward Misplaced Optimism?* (Canberra, Australia: Australian Institute of Criminology, 1994).

(2) *Crime, Shame and Reintegration* (Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1989).

(3) «Alternative Dispute Resolutions in Action in Canada: Community Justice Circles» (Неопубликованный материал: Yukon Territorial Court, Whitehorse, Yukon). Круги правосудия (так же, как FGCs) кратко описаны в материалах конференции, представленных в: *Restorative Justice: Four Community Models*, available from MCC Canada Victim Offender Ministries, P.O. Box 2038, Clearbrook, BC V2T 3T8.

Библиография

Berman, Harold J.

1975 «The Religious Foundations of Western Law», in *The Catholic University of America Law Review*, Vol. 24, No. 3: 490—508.

Boecker, Hans Jochen

1980 *Law and the Administration of Justice in the Old Testament and Ancient East*.
Minneapolis: Augsburg Publishing House

Christie, Nils

1981 *Limits to Pain*. Oslo, Norway: Universitetsforlaget. Distributed in the U.S. by Columbia University Press

Galaway, Burt and Hudson, Joe, eds.

1990 *Criminal Justice, Restitution and Reconciliation*. Monsey, NY: Willow Tree Press.

Pepinsky, Harold E. and Quinney, Richard, eds.

1991 *Criminology as Peacemaking*. Bloomington, IN: Indiana University Press.

Schreiter, Robert J.

1992 *Reconciliation: Mission and Ministry in a Changing Social Order*. Maryknoll, NY: Orbis Books.

Umbreit, Mark

1985 *Crime and Reconciliation: Creative Options for Victims and Offenders*. Nashville: Abingdon Press

1994 *Victim Meets Offender: The Impact of Restorative Justice and Mediation*. Monsey, NY: Willow Tree Press.

Van Ness, Dan

1986 *Crime and its Victims*. Downers Grove, Ill.: Intervarsity Press.

Woods, Chris

1991 *The End of Punishment: Christian Perspectives on the Crisis in Criminal Justice*.
Edinburgh: St. Andrew Press.

1988 «From Retribution to Restoration: A New Model for Criminal Justice». *New Life: The Prison Service Chaplaincy Review*. Vol.5: 42-49.

1991 *Justice for Victims and Offenders*. Buckingham: Open University Press.

Yoder, Perry

1987 *Shalom: The Bible's Word for Salvation, Justice and Peace*. Newton, Kans.: Faith and Life Press.

Источники дополнительной информации

Бюро Уголовной Юстиции
Меннонитский Центральный Комитет.
Office of Criminal Justice
Mennonite Central Committee U.S.
107 W. Lexington Ave.
Elkhart, IN 46516
U.S.A.
Материалы по VORP и другим исследованиям.
В распоряжении список литературы и бюллетень.

Программа Помощи Жертвам и Преступникам,
Меннонитский Центральный Комитет Канады.
Victim Offender Ministries Program
Mennonite Central Committee Canada,
50 Kent Ave.
Kitchener, ON N2G 3R1
Canada
Материалы по VORP и другим вопросам.
В распоряжении список литературы и бюллетень.

Ассоциация Посредничества между Жертвами
и Преступниками США.
ПАКТ Институт Юстиции.
U.S. Association for Victim-Offender Mediation
PACT Institute of Justice
254 South Morgan Blvd.
Valparaiso, IN 46383
U.S.A.
Материалы по VORP. Список литературы и бюллетень.

Меннонитская Миротворческая Служба,
Меннонитский Центральный Комитет.
Mennonite Conciliation Service
Mennonite Central Committee
Box M
Akron, PA 17501
U.S.A.
Материалы по подготовке посредников. Бюллетень.

Форум по Инициативам в области Восстановления и Посредничества.
Forum for Initiatives in Reparation and Mediation (FIRM)
19 London End
Beaconsfield
Bucks HP9 2HN
England
Материалы по посредничеству и восстановительной работе. Бюллетень

Пресвитерианская Программа в области уголовной юстиции.
Presbyterian Criminal Justice Program
100 Witherspoon St.
Louisville, KY 40202
U.S.A.
Материалы по вопросам уголовной юстиции.

Братство Справедливости.
Justice Fellowship
P.O. Box 17181
Washington, DC 20041-0181
U.S.A.
Материалы по программам и законотворчеству. Бюллетень

Комментарии

Перевод выполнен по первому изданию: Zehr Howard, *Changing lenses: a new focus for crime and justice*. Herald Press, 1990.

В 1995 году вышло в свет второе издание. Как нам удалось выяснить из переписки с автором, самым существенным дополнением стало приложение об опыте Семейных конференций и «Кругов правосудия» (*Appendix to the Second Edition: Lessons from Sentencing Circles and Family Group Conferences*). Перевод этого приложения, приложенного автором, также включен в настоящее издание. Кроме того, Ховардом Зером написано предисловие к русскому изданию.

Публикуемый краткий список литературы рекомендован автором и включает как ряд работ, указанных в библиографии оригинала, так и работы, изданные после выхода в свет первого издания.

Также мы поместили список учреждений и программ, которые могут служить источниками дополнительной информации по Программам Примирения Жертв и Преступников.

с.5 (с.2 тут и далее - в настоящем текстовом файле) Нумерация некоторых псалмов в западных изданиях Библии отличается от нумерации в русской Библии. Различие объясняется тем, что славянская и русская Библии в нумерации псалмов следуют греческой Библии, западные же издания придерживаются нумерации псалмов, которая существует в еврейской Библии. Поскольку наша книга адресована российскому читателю, мы ориентировались на русскую Библию и пользовались соотношением нумераций, данных в соответствующей таблице в издании Библии Московской Патриархии (М., 1979).

с. 22 (с.8) Судебное разбирательство в англосаксонском уголовном процессе распадается на два этапа. Первый этап завершается вынесением решения о виновности или невиновности подсудимого («verdict»). Если подсудимый признается виновным и у судьи имеется несколько возможностей назначения наказания (таких возможностей нет, например, у британского судьи, обязанного в определенных законом случаях осудить убийцу к пожизненному заключению), судья откладывает назначение наказания на срок, обычно не превышающий 60-90 дней. В это время происходит сбор сведений об осужденном, которые представляются в суд. На втором этапе судебного разбирательства («sentencing») судья выносит протокольное решение о наказании, то есть «приговор» в собственном смысле этого слова. Наказание назначается судьей по выслушивании мнений сторон обвинения и защиты, по рассмотрении доклада о личности подсудимого и предложений о наказании. В современной федеральной судебной системе США усмотрение судьи при назначении наказания существенно сужено из-за введения специальных Руководящих правил, где используется формальная, чрезвычайно детализированная балльная система определения вида и размера наказаний.

с. 24 (с.9) Речь идет о *неопределенном приговоре*. Неопределенным называется приговор, в котором наказание, подлежащее отбытию осужденным, определяется заданием его верхней и нижней границ (например, в данном случае от 20 до 85 лет тюремного заключения). Конкретный срок лишения свободы, который в действительности отбудет осужденный, ставится в зависимость от его поведения, отзывов о нем администрации пенитенциарного учреждения и других факторов. Как правило, осужденный не может быть освобожден до истечения срока, соответствующего минимальной границе наказания, установленного неопределенным приговором. Обычно максимальный срок лишения свободы, который предусматривается уголовными законами штатов, не превышает 30 лет. Более длительное лишение свободы, назначаемое в качестве наказания конкретному лицу, как правило, складывается из сроков заключения, определенных судьей за каждое из совершенных преступлений; при этом принцип неограниченного сложения сроков заключения применяется и в случаях реальной, и в случаях идеальной совокупности преступлений. Тем не менее, лишение свободы на срок в 85 и даже 100 лет — это более мягкое наказание, нежели пожизненное лишение свободы: при определении конкретного максимума наказания право на досрочное освобождение возникает у осужденного раньше.

с. 35 (с.13) Употребляемый автором термин «restitution» переводится как «возмещение ущерба», так как для российского читателя понятие реституции означает лишь один из способов возмещения: возвращение сторон недействительной сделки в прежнее состояние («restitutio in integrum»). Автор же книги имеет в виду именно компенсацию причиненного вреда.

- с. 43 (с.17) Автор в данном случае использует слово «offender», которое переводится и как «преступник», и как «правонарушитель». Мы переводим его как «преступник» и дальше чаще всего пользуемся именно этим термином, поскольку история, рассказанная в первой главе, имеет определенную функциональную нагрузку для книги в целом — это не просто пример, это модель, «типичная ситуация», относительно которой автор свою строит рефлексию и разворачивает все дальнейшие рассуждения. А в этой «модельной» ситуации речь идет действительно о преступнике в точном юридическом значении этого слова: герой этой истории преступником признан судом. Иногда автор использует для обозначения понятия «преступник» слово «criminal», для понятия «преступление» соответственно «offense» и «crime», которые, как мы поняли, в большинстве случаев используются как синонимы. Это примечание важно нам не столько по отношению к данной главе — здесь использование термина «преступник» не вызывает сомнения — сколько по отношению к последующим главам, где такие сомнения возможны. Однако, если слово «offender» используется для обозначения лица на той или иной стадии уголовного процесса до вынесения ему приговора, мы, по возможности, использовали понятия «обвиняемый» или «подсудимый».
- с.79 (с.31) Процессуальное понятие «виновности» означает *установленный факт наличия вины* и тем самым отличается от «вины» (понятия из области материального права) фокусировкой на саму *процедуру установления*, которая регламентируется процессуальной формой. В современном уголовном праве используется психологическая трактовка вины, в соответствии с которой последняя определяется как отношение лица к своему деянию и его последствиям. В обыденной речи понятия вины и виновности нередко отождествляются, хотя чаще используется слово «вина». Автор, занимавшийся проблемами лиц, *признавших себя виновными*, также употребляет для обозначения этих понятий единый термин «guilt», который здесь переводится в зависимости от контекста либо как «виновность», либо «вина».
- с. 80* (с.32) То есть в случае, если виновность *не установлена в рамках надлежащей правовой процедуры*.
- с. 80** (с.32) В англосаксонском уголовном процессе признание обвиняемого предвещает вынесение обвинительного приговора; если же обвиняемый не признает себя виновным, его дело передается на рассмотрение суда присяжных. В случае признания судебная процедура упрощается: судебное следствие не производится, другие доказательства не исследуются, и судья единолично постановляет приговор. В США довольно широко практикуется еще одна форма — сделка о признании, когда между обвинением и защитой заключается соглашение, в соответствии с которым обвинитель обязуется переквалифицировать деяние на менее тяжкое или же просить судью назначить мягкое наказание, а обвиняемый — признать свою виновность в совершении соответствующего деяния. Далее судья, не проводя судебное следствие, определяет меру наказания, не превышающую ту, на которой настаивает прокурор. Сделки о признании приветствуются прокуратурой и судом, так как позволяют облегчить их работу, сэкономить бюджетные средства, ускорить судопроизводство; в свою очередь, адвокаты часто советуют обвиняемому согласиться на условия сделки, так как уголовные законы обычно очень суровы, и поэтому договоренность со стороны обвинения кажется притягательной.
- с. 80*** (с.32) Сделка о признании может быть заключена на любом этапе движения дела, даже после начала процесса перед присяжными заседателями и до удаления жюри для вынесения вердикта. Не признавая себя виновным, обвиняемый получает больше времени для ознакомления с материалами, собранными полицией и прокуратурой, а также для подготовки своей защиты. В зависимости от ситуации, сложившейся на предварительных стадиях рассмотрения дела и в суде, особенно после перекрестного допроса свидетелей противной стороны, обвиняемый может рассчитывать на более выгодные условия сделки.
- с.86. (с.34) См. комментарий к с. 80**.
- с.88. (с.35) В функции службы пробации входит сбор сведений о личности, предыдущих судимостях и социальном окружении человека, виновность которого в совершении преступления установлена судом в результате разбирательства дела или признания обвиняемого. На стадии назначения наказания (sentencing) представитель службы пробации делает в суде доклад о выявленных обстоятельствах, влияющих на строгость причитающегося осужденному наказания. Судьи, как правило, следуют рекомендациям этого должностного лица, однако жестко не связаны его мнением.
- с.107 (с.44) См. в русском переводе: *Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.*
- с.109 (с.44) В концепции Т. Куна под «аномалией» понимается явление, восприятие и объяснение которого невозможно в рамках существующей парадигмы. Осознание аномалий стимулирует разработку новой парадигмы.

- с.111 (с.45) См. комментарий к с. 24.
- с.129 (с.52) Непосредственных участников конфликта в судебном процессе заменили юристы — королевские барристеры.
- с.132* (с.53) Найденные около середины XI в. в Италии рукописи Дигест - сборника извлечений из сочинений классических юристов (533 г.), получивших обязательную силу в законодательстве Юстиниана, — стали сильнейшим стимулом для оживления изучения римского права в Европе. Законодательство Юстиниана, систематизировавшее огромный материал римского права, а также изданные им новые законы, помимо Дигест включало Кодекс, Новеллы и Институции и получило в средние века (1583 г.) название *Corpus Juris Civilis* («Свод гражданского права»); иногда этот свод именуют по одной из его составных частей «Кодексом Юстиниана» (в оригинальном тексте Х. Зера — *Justinian's Code*).
- с. 132** (с.53) Часть ученых-правоведов придерживалась мнения, что обнаружение рукописей Дигест и возрождение изучения римского права в XI— XII вв., создавшее предпосылки для рецепции римского права в Европе, было исторической случайностью.
- с. 133 (с.54) При изучении римского права в средние века в качестве рабочего инструмента использовалась схоластика, ориентированная на понимание содержания авторитетных классических текстов. Обработка источников римского права средневековыми учеными-правоведами (с использованием схоластического метода) позволила реконструировать сам метод формирования римского права, позволяющий создавать новые законы, соответствующие духу времени и охватывающие все сферы жизни общества. Во многом благодаря этому обстоятельству стала возможной рецепция римского права в Западной Европе.
- с. 139 (с.56) В русском переводе см.: *Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях*. М., 1995.
- с. 141 (с.57) Под «Старым Режимом» автор подразумевает период французской истории до 1789 г.
- с. 147 (с.60) «Черная Смерть» — эпидемия чумы.
- с. 149 (с.62) «*Lex talionis*» (лат.) — «Закон равного возмездия», то есть закон, основанный на принципе «око за око, зуб за зуб».
- с. 156 (с.65) Согласно Библии, договор Бога с народом Израиля получил название Синайского Завета.
- с. 161 (с.67) Проблемы справедливости изучает этика. Среди ученых бытует мнение, что первоначально, в эпоху родового строя, справедливость понималась просто как следование общепринятым моделям поведения, и за нарушение требований такой справедливости причиталось наказание в виде родовой мести. Впоследствии в понимание справедливости стали включаться вопросы наделяния людей благами, и справедливым считалось равенство людей в доступе к ним. Затем, с расслоением общества, неравенство в положении людей оправдывается разным достоинством, присущим индивидам (дворянин справедливо не равен холопу). Аристотелевские моральные воззрения впервые обозначили уравнительный и распределительный аспекты справедливости. Как особый вид справедливости Аристотель выделяет *воздаяние*, которое должно быть пропорциональным содеянному. Это положение лежит в основе большинства систем современной уголовной юстиции.
- с.168 (с.69) Тора — центральный документ еврейской Библии. Тору составляют первые пять книг Библии, которые, как гласит традиция, продиктованы Моисею Богом примерно в 1220 г. до н.э. вскоре после исхода из Египта. У христиан эта группа книг названа Пятикнижием Моисея. Названия на иврите пяти книг Торы отличаются от европейских названий соответствующих книг Библии: на иврите каждая книга названа по своему первому или второму слову, в европейских языках названия книг Библии обобщают их содержание (об этом см., например: *Рабби Иосиф Телушкин. Еврейский мир*. Москва-Иерусалим, 1997). Указывая на значение слова «Тора» — *учение* — автор подчеркивает особый характер и смысл библейского закона.
- с.187 (с.79) На это обстоятельство следует обратить внимание, поскольку факт признания обвиняемым инкриминируемого ему деяния легитимизирует термин «преступник», который автор использует в книге в целом и, в частности, при обсуждении технологии VORP (см. также комментарий к с. 43).
- с.190* (с.80) Термином «ограбление», который неизвестен российскому законодательству, здесь переводится понятие англосаксонского уголовного права «*burglary*», означающее «проникновение в жилище с целью совершения преступления»; иногда русские переводчики считают это деяние — по

аналогии с устаревшим отечественным составом преступления — «кражей со взломом», что не совсем точно

с. 190** (с.80) Понятие англосаксонского уголовного права «assault» переводится здесь как «нападение». Российское законодательство упоминает лишь «разбойное нападение», хотя в США под «assault» понимается широкий спектр насильственных действий, совершаемых не только из корыстных побуждений, но и в быту, из личной неприязни, под воздействием хулиганского мотива, на сексуальной почве.

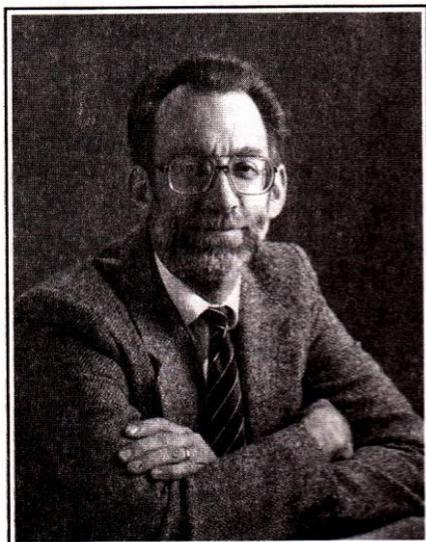
с. 227 (с.95) В англосаксонском уголовном процессе жертва преступления не имеет процессуального статуса, аналогичного статусу «потерпевшего» в российском судопроизводстве, и рассматривается как свидетель. Программы помощи жертвам преступлений в США и Великобритании сосредотачиваются на облегчении участи жертвы непроцессуальными способами: иногда ей выплачивается компенсация, предоставляются бесплатные консультации у психиатров и психотерапевтов, ее родственникам обеспечивается доступ в зал суда и абонирование мест в зале, ее ограждают от назойливости прессы и любопытствующих; для защиты жертвы может использоваться программа защиты свидетелей. В некоторых европейских странах (например, в Голландии) жертву уведомляют о задержании подозреваемого и освобождении его из-под стражи. В некоторых штатах США государственному обвинителю предписывается отвечать на запросы жертвы о ходе дела и даже проводить с ней беседу. Наконец, существуют страны (Германия), где жертва приобретает процессуальные права, если пожелает выступить в роли частного обвинителя наряду с прокурором. Надо отметить, что в большинстве европейских стран законодатель выделяет категорию малозначительных преступлений (уголовных проступков), по делам о которых уголовное преследование осуществляется только в частном порядке; в этих случаях жертва после подачи жалобы на обидчика имеет процессуальные права частного обвинителя.

В российском уголовном процессе потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, моральный или имущественный вред; о признании потерпевшим лицо, производящее дознание, следователь, прокурор выносят постановление, а суд — определение. Потерпевший, формально обладая большой совокупностью процессуальных возможностей (заявлять отводы, ходатайства, представлять доказательства, приносить жалобы), фактически лишен квалифицированной юридической помощи, психологической и материальной поддержки государства и общественных структур; его реальное влияние на характер приговора невелико, а надежда на возмещение ущерба, как правило, безосновательна: благополучие жертвы и ее интересы не принимаются в расчет при назначении наказания, поскольку правосудие преследует собственные цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ). «Восстановление социальной справедливости», которое считается (в соответствии с УК РФ) одной из целей наказания, не имеет ничего общего с защитой прав жертвы преступления, пока обвиняемый не может избавиться от наказания или существенно облегчить его, договорившись с пострадавшим и предоставив ему материальную и моральную компенсацию. Даже при примирении обвиняемого с жертвой российское законодательство допускает продолжение уголовного преследования (ст. 76 и ч. 1 ст. 90 УК РФ).

с.240 (с.101) Хотим обратить внимание, что термин «посредничество» используется в тексте в соответствии с его значением в русском языке и не представляет собой «кальку» с употребляемого автором английского слова «mediation». Ср.: Посредничество — «1. Содействие соглашению, сделке между сторонами... 2. Содействие примирению спорящих, ссорящихся, находящихся в тяжбе сторон...» И соответственно: Посредник — «1. Тот, кто осуществляет посредничество между кем-либо, содействует соглашению... 2. Тот, кто содействует примирению спорящих, ссорящихся, находящихся в тяжбе сторон...» (Словарь русского языка. — В 4 т. Т. III. М., 1984, с. 321). Английское слово «mediator» (посредник) в большинстве случаев мы переводим как «ведущий встреч» или «ведущий», имея в виду то обстоятельство, что этот термин уже стал входить в теорию и практику Программ Примирения в России (см. заключительную статью *Р. Максудова* и *М. Флямера* «Программы Примирения в России: технология и действующие лица»).

с.281 (с.121) Взятый из российского уголовного законодательства термином «ограничение свободы» переводится употребленное автором понятие «halfway houses», то есть, буквально, «гостиницы на полпути». В этих «гостиницах» в ночное время обязаны находиться осужденные, которые в остальное время дня могут свободно ходить на работу, посещать занятия и т.д.

Об авторе

Ховард Зер — специалист в области уголовного правосудия. С 1979 года он занимает должность директора Отдела уголовного правосудия при Меннонитском Центральном Комитете США. Ховард Зер участвовал в разработке первой Программы по Примирению Жертв и Преступников в США и способствовал реализации подобных программ в других странах. В 1996 году как профессор социологии и восстановительного правосудия он присоединился к Программе по разрешению конфликтов при Восточном Меннонитском Университете.

Во многих странах Зер выступает с лекциями и консультирует по вопросам восстановительного правосудия. Он автор многочисленных статей, пособий и учебников.

После окончания Морхаус-Колледжа в Атланте, штат Джорджия, Ховард Зер получил степень бакалавра, затем степень магистра в Университете Чикаго и докторскую степень в области европейской истории (со специализацией по социальной истории) в Университете Рутгерс. Опубликованная им в 1976 году книга «Преступление и развитие современного общества» (*Crime and the Development of Modern Society*) представляет собой ценное исследование по истории преступления. До своей работы в VORP и Меннонитском Центральном Комитете Зер работал преподавателем гуманитарных наук и истории в Талладега-Колледже, в городе Талладега, штат Алабама (с 1971 по 1978 гг.).

Книга Ховарда Зера «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» (*Changing lenses: a new focus for crime and justice*) — основополагающая работа в этой развивающейся области. В своей последней книге *Restoring Justice* Дан Ван Несс и Карен Хидеркс Стронг назвали Ховарда Зера «отцом восстановительного правосудия». Одна из последних его публикаций — *Doing Life: Reflection of Men and Women Serving Life Sentences* (1996).

Кроме того Ховард Зер работает как профессиональный фотограф и фотожурналист — как в Северной Америке, так и в других странах. Его интересы связаны с использованием фотографии и интервью в документальных работах.

Вместе с женой, Руби Фризен Зер, уроженкой города Манитоба в Канаде, Ховард является постоянным членом церкви Саутсайд Феллоушип в Элкхарте, штат Индиана. У них две дочери, Николь и Кори.

Ховард Зер

**Восстановительное правосудие:
новый взгляд на преступление и наказание**

**Перевод с английского
2-е издание**

*Редактор Л. М. Карнозова
Перевод М. М. Стерник, Е. В. Топникова, М. И. Либораксина
Верстка Д. Г. Верхолетов*

Лицензия ЛР № 030828 от 3 июня 1998 г.

Подписано в печать 27.02.02 г.
Формат 60X84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура "Ньютон". Печать офсетная.
Усл. Печ. л. 20,5. Тираж 1500 экз.

Издатель: Межрегиональная Общественная организация Центр "Судебно-правовая реформа" (109559, Москва, Ставропольская, 64/2, 32, тел. 359 5901)